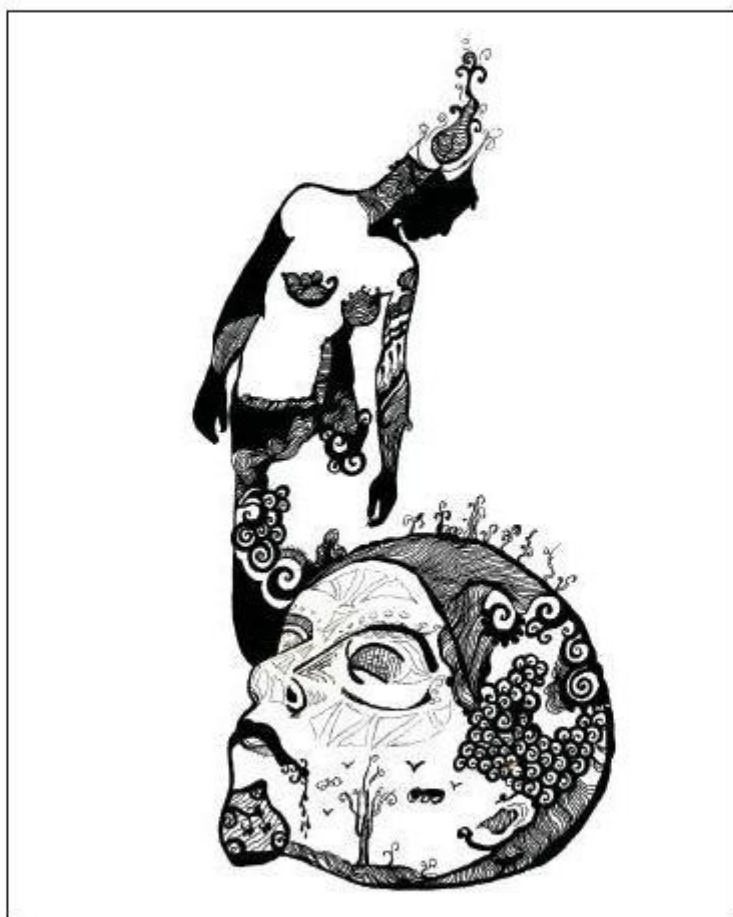

ГРАФИТ

литературный альманах

№2

Главный редактор: Сергей Сумин

Заместитель
редактора: Дмитрий Перегудов

Редколлегия: Татьяна Бочкарь
Кристина Власова
Анатолий Глущенко

Художник номера: Мария Тарадова

Вёрстка: Кристина Власова

Все права принадлежат авторам.

В ряде случаев сохранена оригинальная авторская орфография.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Афиша культурной жизни Поволжья, тексты наших авторов и анализ событий культуры и искусства можно найти на сайтах: graffitt.ru и sumin.moy.su

Март 2012 года, г.о. Тольятти.

Для связи: sumin_sergei@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ.....	5
ПРОЗА	16
КНИГА СТИХОВ.....	24
ЗОЛОТОЙ ЗАПАС.....	38
В ФОКУСЕ.....	55
ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ.....	72
ГОРОДА НА ВОЛГЕ (Тверь).....	81
ТРИ РАССКАЗА.....	91
СТИХОТВОРЕНИЯ.....	98
ОКРЕСТНОСТИ.....	104
ЛИСТКИ.....	111
МИР-ЧУЖБИНА.....	117
MEMORIA.....	122
МИР-ОТЕЧЕСТВО.....	123
Иван Дмитриев «К Волге».....	125
.....	125
ПОСТСКРИПТУМ.....	129
КНИГА ЗА КНИГОЙ.....	149
АВТОРЫ.....	154

ПОЭЗИЯ

Алена Каримова

«Единый Бог сидел втроем»
Д. Хармс

Не то, чтоб мудр, не то, чтоб смел,
немного добр, хитер немного,
а всё же человек сумел
единого придумать Бога.

И Бог теперь сидит втроём,
не вписываясь в окоём
сознания.

Не смей меня ловить в лукавой перекличке –
нескладный алфавит, как ящерицын хвост
достанется тебе – я выйду сквозь кавычки –
возьму прямую речь, ее рисунок прост.
Когда-то и меня кружило в карнавале,
и тайны вожделев, вослед тебе влекло,
но нынче близорук мой взгляд, и трали-вали
мне скучно заводить сквозь умное стекло.
Мильоны мелочей сплетут густую чащу,
покуда в пользу «быть» решается вопрос...
Не смей меня любить – я стану настоящей –
и не смогу других воспринимать всерьез.

Жалость имеет голос, имеет имя...
жалость – почти любовь и почти обида.
Не выбирай меня, путай меня с другими,
не подавай ни руки, ни пальто, ни вида.

Все мы устали, и воздух густой, как пенье,
тянет последние силы. Дрожит аорта.
Ну, уходи, улетай, убегай мгновение –
ты не прекрасно, таких у меня до чорта.

ПОЭЗИЯ

Маурицио, не спи, боль придет опять...
Маурицио, терпи! Хватит, хватит спать.
У кого какая прыть, зритель только рад,
К потолку привесит нить хитрый акробат.
В цирке все начистоту: малоросский понт
И цыганскую мечту – под единый зонт.
Говори и говори – кто нам запретит?!
Я смотрю, и ты смотри – карлица летит.
Ах, воздушные шары... слезы в облаках...
Всех на свете до поры носят на руках.
Оттолкнись и улетай, сердца мне не рви –
Рядом грань и рядом край жизни и любви.

Стань простой – говорит сова,
И она права.
Круглое око, круглая голова.
Щурюсь на солнечный свет.

Широка тропа, голова глупа,
а сова слепа.
И за что мне ее совет?

Я и так проста: не ищу моста,
Все-то вброд и вплавь...

Изо всех молитв
жизнь – одну велит:
Не оставь, твержу, не оставь меня,
Не оставь.

ПОЭЗИЯ

Какой большой бедой звучало «никогда», но вот уже смотри, совсем не больно – скучно... Железные пути, дорожная вода вернут тебя домой, орбиты не нарушив. А я наоборот... никто из нас не прав, но это ерунда, когда мы о бессильи... Вот эта речь и та, осколки двух держав – меня же ни в одной остаться не просили.

И, в сущности, легко, для правды взор открыв, податься хоть в бичи, хоть в древние шумеры... из дома, из судьбы – в бега, в леса, в отрыв. Не спрашивай меня, за что такие меры – мне тесен город мой, дома его тесны, мне тошно от его гуденья, звона, шуток. Полцарства и коня – за роскошь тишины, за право уходить в любое время суток.

Не бойся, мальчик Кай, все сложится само, и розы расцветут, и кофе не остынет... я буду в парке есть пломбир и эскимо, а Герде – быть с тобой, и счастье вас не минет.

Конец февраля, конечно, ещё не повод
грезить всерьёз недалёким мерцаньем лета,
ибо пока лишь телефонный провод
соединяет непрочно вопрос с ответом.

А у меня, как у китайских чашек,
стенки прозрачны, и ждут дождевой влаги.
Исповедимы ли будут дела наши,
или, всего лишь, написаны на бумаге?..

Золотце, ну конечно лучше молчать,
не писать эсэмэсок, не лазить в ЖЖ и чат,
ни одной собаке не дать опознать следы,
комплексуя в рифму, не кликать себе беды.

Дай мне руку скорее и выруби Интернет –
лучше жить на свете, как будто бы их и нет –
дорогих, любимых, на той стороне луны:
пусть не будет войны, не будет вины, не будем видны...

ПОЭЗИЯ

Ужели и я уеду отсюда когда-нибудь?..

Ты скажешь: «Смотри на лотос,
остальное забудь».

А я не могу на лотос,
со мною всеильный логос,
со мною бессильный голос,
а значит, мне нужно в Путь –
узнать, обрести звучание,
предать чистоту молчания,
и чтоб это все нечаянно,
влюбившись в кого-нибудь...

Сколько поверхностных и минутных
переживешь... измочалишь речь,
тёмные зерна предчувствий смутных
в плоть бытия торопясь облечь.
А – ничего: тишина густая,
прикосновенный тоски запас.
Так распадается, вырастая,
город на промельки снежных трасс.

Ночью сильней притяжение света
Слышишь – на кухне поет уют?
Сядем за стол, развернем газету,
чаю нальем или нам нальют.

Печален день. И ночь еще печальней.
Когда-нибудь, за двадцать лет отсюда,
я вдруг пойму, что жизнь и вправду – чудо,
и будет, и была им изначально.
Но вот сейчас перехватило горло.
Темно, и в темноту ушли предметы,
как будто ночь предметы эти стерла,

ПОЭЗИЯ

и скалится из темноты при этом.
А мне – изображать, что мне не страшно.
Пойду сейчас, зажгу себе светильник.
Совсем не жалко этот день вчерашний.
Течет река, и страшно пахнет тиной.
А нам пока не надо этой лодки.
Мы здесь живем. По берегу гуляем,
в аул соседний бегаем за водкой,
друг друга с днем рожденья поздравляем.
Не надо нам. Наступит утро снова –
крыла свои подарит солнцу беркут.
И нам не надо ничего иного.

Оставляя снега за собою,
Всё уходят...
Опомнись, родная, –
Ведь никто не обязан с тобою
Оставаться и нянчиться.
Знаю.

С головой, не увенчанной лавром,
С неумелым и честным лицом,
А куда им теперь? К динозаврам?
К динозаврам. И дело с концом.

Мне без них удивительно плохо,
Но куда теперь ни погляди,
Наступает чужая эпоха...
Так что это себе затверди.

Если музыка вовсе иная
Поднимается всюду, как лес.
В лес дремучий войду, вспоминая
Чистый голос, звучавший окрест.

ПОЭЗИЯ

Янис Грантс

ПОЧТИ ИМЕНА

Дрель

с первой же дрелью проходит мой сон.
(сплошь хиросима –
сны мои). прыгают блюда на восемь персон
с бешеной силой.
пляшет стена, как трухлявый забор.

[как же так вышло:
с тех самых пор и до сих самых пор
ты не звонишь мне.
не поднимаешь гудки от меня.
(сплошь хиросима –
наша любовь). бережёшь от меня
сына и сына].

дрель то зачихнет, то вновь – тут как тут –
в череп вонзится.
в зеркале пыльные блики плывут,
в памяти – лица.

[что там стряслось у тебя на войне?
помнишь ли, симми?
чтоб на курорте. вот так. при жене.
чокнутый симми.
рыбка-бананка на сладкий кусок
ловится, симми?
дрель ты наставил на правый висок?
помнишь ли, симми?
солнце не кончилось! симми, смотри:
катится мимо!]

сплошь хиросима вокруг. и внутри –
сплошь хиросима.

ПОЭЗИЯ

ДОМА

Анастасии Афанасьевой

...корой в наростах в жилах сетчатых
как заблудившиеся сны
где раны будто бы залечены
хотя они обнажены
и в годовые кольца сложены...

корнями жгущие гранит
качаются над бездорожьями
непроходимые на вид
линяют выцветшими перьями
врастают в небо наугад
дома
и кажутся деревьями

а люди тоже шелестят

ЗРАЧОК

убийца зафиксирован в зрачке
убитого при вышнем волочке
как при аустерлице князь андрей
лежит под вековым среди корней
убитый никуда не торопясь
как при аустерлице графский князь

седая крона траурная вязь
стал невесом убитый заплелась
такая лёгкость что никак ничком
и он взлетел над вышним волочком
с убийцей теплокровным на глазу
оставив тело мёртвое внизу

убийца будто в капсуле летит
в зрачке того кто им вот-вот убит
убийца плачет я же не хотел
но он махрой делиться не хотел

ПОЭЗИЯ

а капсула туда где горячей
к звезде убитых
к солнцу палачей

ВДОВА

маме

время — лишь таблетки две
на эвклидовой тарелке.
(чтобы в сердце-голове
шевелились как-то стрелки).

пишел-мышел-вышел вон.
сорок лет любил да бросил.
не явился с похорон.
и залёг у старых сосен.

даже снишься чёрта с два!
(пятна ржави на экране).
я тебе-то не вдова,
а жена. стыдился б, Ваня.

время — это горсть песка:
сверху-в горлышко-на днище.
и тоска.
одна тоска.
через-край-тоска.
тощища.

КОМНАТА

царапал клён стекло:
торец на третьем, слева.
(меня к тебе влекло,
король.
нет.
королева).

портвейная река
плыла из коридора.
висели облака
густого беломора.

ПОЭЗИЯ

крошился, будто мел,
мосол на дне кастрюли.
(я так тебя хотел
в июне.
нет.
в июле).

стекло царапал клён
до самого распила.
(я был в тебя влюблён,
серёжа.
нет.
людмила).

СЕМЬ

по разу тюрьма и сума
две свадьбы и два перелома
сбегал троекратно с ума
четырежды выгнан из дома
пять раз возвращался назад
чтоб шесть не завяли фиалок

льёт воду пока говорят
ты жалок
ты жалок
ты жалок
ты жалок
ты жалок
ты жалок
ты жалок

в башке с охрененной дырой
с улыбкой бродячей собаки
как самый заглавный герой
из аки каурисмяки

ПОЭЗИЯ

НОЧЬ

Саше Маниченко

выходит ночь из берегов
в лохмотьях вьюги
и тонет полная снегов
на пятом круге

не распускаются плоты
присохли шлюпки
чадит старпом из черноты
погибшей рубки

распухли в трюмах письма
стекли чернила
все адреса все имена
пучина смысла

и ни с каких таких сторон
ни зги ни знаков

Назар
Ирина
Харитон
Ульяна
Яков

Виктория Сушко

Записки о несуществующем городе

*

В городских автобусах разрешили курить. Пассажиры неспешно смолили одну за другой, заводили непринужденные беседы о бренности всего полезного и вечности вредного. Если бы у пассажиров провели опрос на предмет того, что они предполагают делать после смерти, ответ «курить» выбрали бы 89% мужчин и 65% женщин.

*

Днем в городе всегда было холодно, а в полночь начинали работать фонтаны, потому что любители гулять вместо сна изнывали от ночной жары. В городе ночных фонтанов было не так много любителей не спать, но и о них нужно было подумать.

*

В городе наступил кризис, больше не надо было работать. Всех жителей города уволили в середине ноября. Люди бродили вдоль замерзающей реки, некоторые бросались на тонкий лед и шли ко дну. Власти обещали, что жителей города перевезут в другие населенные пункты, пока же надо было куда-то себя девать и ждать перемен. Люди не разговаривали, они молча шли вдоль реки. Им нечего было сказать друг другу, потому что все, о чем они могли говорить – это о работе.

*

Вечер воскресенья был особенным временем в городе – исполненным беззаботности с привкусом печали. Жители города очень любили вечер воскресенья проводить у моря. Они приезжали к холодному заливу, устраивались на песке под пледом и, попивая крепкое вино, чтоб согреться, наблюдали за чайками. При этом делали вид, что заняты другим – игрою мутных волн, тихими беседами ни о чем, воспитанием детей или чтением. Каждый же приезжал сюда, чтобы посвятить вечер наблюдению за удивительными чайками. У чаек все было по-другому: абсурдная радостная жизнь, без цели и без заморочек. И каждый завидовал чайкам, понимая, что жизнь пролетает мимо, задевая крыльями ветер с моря.

*

Раз в год в солнечный летний денек город празднует Вселенский день проституток. Все женщины этой профессии надевают белые воздушные платья и неспешно идут нестройными рядами по главной улице города, смотрят задумчиво куда-то вдаль. Движения их свободны и легки, и никто не смеет заговорить с ними, подойти к ним. В этот день у всех городских проституток законный ежегодный выходной.

*

Город всегда куда-то спешил, в нем было так много людей, что им самим казалось, будто надо все время спешить в это куда-то, чтобы успеть за чем-то. Поэтому жители большого города не делали многих вещей, привычных для других. Они не выносили мусор, а выбрасывали мусорные мешки из окон, чтобы их потом убрали дворники. Они не пили пиво в парках на скамейках. Скажем больше, в городские парки ходили одни мамы с детьми и пенсионеры-бездельники. Впрочем, до пенсии горожане доживали редко, потому как после 40-50 лет спешки сердце разрывалось и время для человека останавливалось, только он уже не успевал насладиться этим моментом, исполненным красоты. Суматошный бег времени лишал несчастного возможности заметить эту красоту, растущую в городе. Красота стелилась вдоль аллей, оседала на крышах, цвела зимой, пролетала между ног и плавилась на асфальте, никому не нужная и оттого вечная.

*

Из-за дикой спешки жители города не тратили время на такое пустяшное занятие, как чтение объявлений на столбах. Поэтому никто давно не клеил объявлений. Только влюбленные еще пользовались этим устаревшим и оттого надежным средством связи. В объявлениях они назначали свидания, признавались в любви, просили прощения и предлагали соединиться узами брака. Многие через эти объявления находили друг друга. Потому что человек - либо влюбленный по сути, либо нет. Первый влюблен во все, что угодно, необязательно в другого жителя города, и нет конца этой любви, а если он наступает, человек страдает и ждет выздоровления, лежит дома и не выходит на работу по причине потери влюбленности. Все остальные ищут другие радости, им сложно влюбиться. Поэтому влюбленные чаще ищут себе подобных, чтоб не страдать от безответности.

*

С банальным чувством одиночества жители города справлялись по-разному. Кто-то записывался в бригады общественно-полезного труда и вызывался спасать, когда никто и не просил о помощи. Другие заводили себе птиц,

ПРОЗА

грызунов и прочих мелких тварей, водили их на поводке по самым оживленным улицам, чтобы все видели: он нисколько не одинок, а очень даже популярен среди живых организмов. Большинство же в период обострения одиночества таились дома, отключали телефон и выходили из квартиры лишь ночью, бухали и общались только с незнакомцами. Непросто описывать состояние одиночества. Жители города различали 157 оттенков этого чувства, причем каждый полагал, что его одиночество отличается от того, что чувствуют другие. Именно вследствие этого ложного предположения город проиграл битву с одиночеством и сдался.

*

Жители города не умели признаваться друг другу в любви. Они очень боялись этого, боялись делать это больше всего на свете. И если уж была в том крайняя необходимость, они записывали короткий видеоролик и размещали его в популярной городской социальной сети. Впрочем, умением расставаться жители города тоже не отличались. В этом случае они также прибегали к видео-обращению.

В магаз за бухлом

Снег колот ей мочки ушей, жался в уголки губ, в дырочку между лисьим воротником и легким шарфиком. Не умеет одеваться по погоде или это детский протест, глупый атавизм: «у вас зима, а у меня всегда лето», вот и уезжай на море, твои нелепые выходки вызывают только жалость. Ты могла бы блистать ярким умом и роскошью дикой красоты, но предпочла остаться жалкой девочкой, не способной даже позаботиться о себе, шмыгаешь носом, гордо кашляешь, раз в месяц берешь больничный, все привыкли. Все, кроме меня, отчего-то жду до сих пор, когда в тебе устанет спать настоящая женщина. И не говорю тебе об этом лишь потому, что жду, что ты сама признаешься, сама поймешь, ведь в твоих глазах столько понимания – всех. Меня. Только о себе ты думаешь дурацкими ассоциациями. Стоим на смотровой площадке, в метель, так тянет сгрести твои ладони, ломкие ноготки, фаланги в трещинках. Только глубже прячу свои красные дрожащие руки, зная, как тебе противно это. Тошно тебе, хотя ты ведь тоже пьешь, заливаешь полусладким тоску – себе не признаешься, что это и есть – тоска. Только чтобы выпить, ходишь на все эти вернисажи и презентации, ведь кому нужны твои бредовые статьи: «Вчера в галерее такой-то открылась такая-то выставка такого-то уникального художника... стиль его работ напоминает раннего Ван Гога», - будто твои читатели имеют представление о раннем Ван Гого. У твоих статей два читателя – твой редактор и я. И из нас двоих уже два года ты предпочитаешь редактора.

ПРОЗА

Удовольствие редкого рода для тебя – читать собственные писульки после его правки. К финалу статьи достигаешь оргазма, а потом звонишь мне и уже спокойно спрашиваешь: «Ты читал?». Когда я выпью, статьи твои приобретают налет очарования. Твое имя в подписи. И на последней полосе внизу, в списке корреспондентов отдела культуры. Ты задаешь мне вопрос: зачем я пью? Лучше бы ты спросила, зачем я живу. Зачем я читаю твою газету. Зачем отвечаю тебе на каждый твой вопрос, ты дотошная журналиста, обычная журналистка – вопрос за вопросом. Каковы Ваши творческие планы, а? Пью, потому что абсурдно. Спросить у тебя, зачем ты пишешь про все эти выставки, я не могу, я еще не готов. Я не могу тебе ничего предложить. Мне хочется только облизывать твои трещинки на губах, и лечить ранки на твоих пальцах, слушать в трубке твои всхлипывания в три ночи, чувствовать онемение в пальцах и локте левой руки после часовых разговоров по телефону с тобой, получать от тебя по icq банальное «Привет, как дела?», смотреть, как ты с волевой морщинкой между бровей выбираешь цветные колготки в магазине, как, волнуясь, читаешь свежую газету со своей статьей, не обращая внимание на мое присутствие; провожать тебя в ночь после сдачи номера, а перед этим долго топтаться на проходной; поднимать вместе с тобой мебель на пятый этаж твоей хрущевки - потому как больше некого попросить, все в будни работают, а ты представитель свободной профессии, а я безработный; смешить тебя, верить в тебя, быть рядом.

Но ты говоришь: «Все, уезжаю, наконец-то я освободилась. Я свободная женщина, и я уезжаю к морю, на юг, буду там жить и радоваться». Ты не можешь просто жить и радоваться, - говорю я тебе, но ты не слышишь. В такие моменты ты никогда не слышишь меня. Стоишь над печальным северным городом, с его скучными выставками и алкоголиками, ночными звонками, полными отчаяния, с его тоской, январем, чужими детьми, чужим счастьем. Снег залепил твои брови, морщинки, ресницы. Ты уже не здесь, уже купила билет, уже уехала и в эту минуту наслаждаешься новыми звуками, видами, запахами, вкусами... Здесь только твоя тень, которая, возможно, так и не уедет, останется, откуда у нее деньги, решительность, силы. Только твоя тень осталась мне, ты – уже даже не рядом со мной. Беру эту тень за плечи, сжимаю – рыхлость, жалкость – и отталкиваю ее. Тень срывается вниз, в плоть города, мне не нужна твоя тень.

Море и юг – не большая реальность для меня. Есть только образ моря, романтика, советский курортный гламур, потребительский рай, море – это только объект потребления. Может, раньше было иначе. Серый северный город одиноких, огрубевших, неулыбающихся, пьющих – это уже реальность. Весь день с утра я думаю, выпить или нет. «Или нет» - что это значит? Выпить или нет – это два дискурса, интерпретация всего происходящего, всех ситуаций дня может происходить в двух непересекающихся полях восприятия – если ты

выпил и если ты решил не пить. Но я еще не решил, и оттого этот день отдает привкусом мучительного удовольствия. У меня это впервые - такая нерешенность вопроса. Чего я хочу именно сейчас? Если честно. Я хочу в магаз за бухлом. Отправиться за алкоголем. Но не пить. Я не хочу пить. В том-то и неоднозначность этого желания. Уже вечер, еще зима, еще долго зима. Люди снова спешат. Новый год давно наступил, каникулы кончились, а люди все равно куда-то спешат, это всегда удивляет, трогает. Иду по проспекту, в деревьях электрические лампочки вместо листьев, у меня все есть, мне нечего больше хотеть, и я будто бы только вышел в магаз, чтобы купить... Легкое головокружение, улица вниз, слева «24 часа», справа – галерея современного искусства. Дверь магазина распаивается, клубы пара, чьи-то руки хватают за плечи, выталкивают обратно в метель. «Ну здравствуй! Ты на открытие? Опаздываешь...» - подхватывает меня и уносит направо, в галерею. Не помню, кто это, какой-то знакомый из тусовки. Не знаю, что за выставка. Лысый художник в камуфляже, подслеповато шурится на декольте длинноногой галеристки. Ее красный рот застыл в вечной улыбке. Журналисты лениво задают вопросы. Светские львицы, скалясь друг другу, обсуждают горячие сплетни. Банкиры присматриваются к ценам на картины и терпеливо ждут фуршет – сегодня им нужно расслабиться. В галереях принято снисходительно разглядывать наряды, заводить полезные знакомства, обсуждать провинциальность всего происходящего. Молодые журналистки страстно фиксируют все, что произносят спонсоры и организаторы проекта, спешно поправляют очки. «Подскажите, а кто художник?» - тянут меня за рукав мелкие пальчики. Студентка-внештатница, пишет за гонорар. Тоже, наверное, влюблена в главреда. Протягиваю ей бокал: выпей сначала. Послушно, залпом, доверчиво. А теперь пошли к художнику. Нет, выпей еще. Тяну ее по коридору, за угол, какая-то комната. «Куда это мы? И что ты делаешь?» - «Хочу тебе показать, как я умею расстегивать лифчик одной рукой» - «И застегивать умеешь?». И она вырывается, все они вырываются, растворяясь в пустоте... Я все же успел урвать поцелуй, но что с того? Плутать по незнакомой галерее, потом вернуться в эту светскую клоаку, все уже порядочно набрались, а зачем? «А зачем ты пьешь?». Незнакомые переулки, ночь, неизвестный день недели, лишний. Меня снова останавливают. Бьют, орут почему-то, забирают кошелек, он пустой, снова бьют. День как будто не кончается. Вдруг выползаю к реке: лед, ветер, огни на том берегу. Почему-то мне кажется, что надо идти туда, идти и не думать. Теперь я знаю: когда между «выпить» или «не пить» выбираешь «или» - думать становится невозможно. На том берегу, конечно же, какая-то деревня, может, поселок, там есть магазин, в магазине печь, красивая русская женщина, консервы и водка. И если бы не зима, я бы вплавь прибыл туда, таким теплом повеяло от незнакомых огней. Наверное, уже совсем ночь. Выхожу на улицу, в конце ее магазин, все, как я представлял. Вваливаюсь

ПРОЗА

снежным человеком, в бороде сосульки. Невзрачная какая-то женщина, не знаю, русская ли, недобро оглядывает, отвечает на мой молчаливый призыв: «Водки нет». И я понимаю, что сегодня я уже не выпью.

Право на ночной звонок

У меня в жизни все есть. Работа, две работы... Друзья, верные, проверенные, понимающие всегда. Дом, в нем женщина, ребенок, мой ребенок. До потолка стопки интереснейших книг. Природа за окном, чистейший воздух. Чувство безопасности, чувство причастности, чувство собственной значимости. Смысл не умирать. Два высших, кандидатская, перспективы, заманчивые предложения, международные проекты, надежные партнеры. Чувство востребованности, чувство современности. Я был в удивительных местах, мир для меня невероятно красив и неопасен. Говорят, я очень успешный человек, хотя у меня были серьезные неудачи, о которых не помнит никто, кроме меня, и эти несколько неприятных воспоминаний помогают мне расти, помогают не расслабляться. Сейчас у меня есть все, но я достаточно трезв, чтобы ценить это без головокружительного легкомыслия. Да, у меня есть все, о чем я мечтал в детстве, в юности и сейчас. Но. Я оставляю себе право на ночной звонок. При всей моей ненависти к телефонам и Интернету, оставляю право на ночной звонок Ей, и об этом не знает никто. Раз в неделю, раз в месяц, порой реже, я выхожу на балкон на восточной стороне, с выходом на океан. Перед рассветом, когда спит весь мир, кроме нее. Она почти никогда не спит, как океан, и как на воды океана я могу смотреть бесконечно, так же вне времени я могу слушать ее голос, или слушать тишину в трубке с возможностью ее голоса. Иногда она предпочитает молчать, но возможность остается, и я счастлив ею. Я говорю странные вещи, о которых никому не стоит говорить, кроме нее. Когда я звоню ей, весь мир взрывается. А когда я кладу трубку, мир снова собирается и, снова соединившись в привычное целое, властно зовет в себя. И я так люблю его, этот мир с возможностью взрыва.

* * *

Протереть глаза. Поправить халат. Выглянуть из подворотни. Заметить серые крапинки на оконных рамах, божьих коровок на заблеванных водостоках, городскую дурочку на крыше, маленьких птиц, покидающих пределы неба. Это – последние. Завтра – ноябрь.

Влюбиться в кота, нежно, безнадежно. У него лапки белее, чем у любого мальчика, и усики щекочут мои замерзшие ладони. Отчего бы не обронить поднос с киселем, особенно невыносимо розовым сегодня – стекло и липкая патока. Думать, как это красиво, не слышать визг за спиной. Ни за что не

обращать внимания на массовые проявления суеты. В эти несколько секунд или чуть ранее – нет, разумеется, всего лишь повод – решение не возвращаться домой как можно дольше. Потерять себя, чтобы стать собой. Трещинки на асфальте незнакомой площади, узоры наличников, уголки зачеркнутых помадой губ неюных прелестниц. И не говорить лишнего. Попытка быть всюду – в несоединимых точках рваного пространства дорог и проводов и – одновременно. Просто перестали вдохновлять капли на окне в моей, все же случайной, квартире. Когда не за что зацепиться, нет смысла цепляться вообще. Дорогой незнакомый мужчина, не замечай меня как можно дольше... Стайки назойливо-вычурных девушек, не предлагайте любоваться вами. У меня под каблуками умирают миры, волосы тянут к земле, между пальцами звуки тишины. Мечтаю ничего не удерживать, пусть оно плывет. Через десять лет все найдется само, десять тысяч дней разрешаю себе ничего не искать.

Зябко и трепетно, вздрагивая от преждевременных морозов, сжимаюсь под складками пальто в комочек, точку, атом жизни. Закуриваю первую сигарету за это ноябрьское утро – и до остановки. Выход на улицу в невыносимо холодное утро как выход к бою, не боюсь – жизни. Скопление людей подобно их отсутствию, потому что каждый незначим здесь, в этой неуютной плотности. Так легко забыться, а первая сигарета оказывается последней на пути в суету дня. В его течении, в наивном длении, потому как без целостности объясняющего смысла – где я не я. Не та, что появилась в мире, для того, чтобы... Пронестись неузнанной, урвать несколько необязательных поцелуев, прикосновения в этом мире так иллюзорны. К кому я прикоснулась, с кем я была? Сегодня не спала с часу до... Не важно с кем. Сегодня не усну. Через несколько остановок открываются двери и заходят люди. Необязательность их появления, опосредованность лиц. Кондуктор плачет – девять остановок назад она оставила свое удивительное прошлое. На десятой уткнется запястьем в мороженое окно и забудет, и я забуду вместе с ней. У нас разные планы на будущее, но одинаково прекрасные воспоминания о ночном полете с... Предчувствие, что уже не полюблю. Сомнение, что то, настоящее, еще имеет значение.

АЙВЕНГО

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА

* * *

простая девушка с села
в лесу барашка родила
за ней идёт нечиста сила
но нет – не вышла сила рылом
воздухоплаватель летит
и девушке цветок дарит
мишук же ей медку подарит
сорока вкусной каши сварит
и солнышко на небесах
пройдётся с месяцем меж звёзд

ШУЙСКИЙ МЕЧТАТЕЛЬ

вот бы нефти продать побольше
а потом побольше газу продать
и поселиться в соловьиной роще:
белок кормить и на рояли играть

но пока мечтал я о рояли
другие нефти побольше продали
другие теперь белок кормят
и для других звучит рояль
а я сижу в своём сортире
эх бать упущенного жаль

* * *

что я советую арине
то не советую марине
а что советую наташе
то не советую аглаше
и не советую дуняше
то что советую параше

КНИГА СТИХОВ

ведь женщины
настолько разные
что и советы им нужны
разнообразные

да и нужны ли?

* * *

эх – вскричала курочка
зажарилась я дурочка
вот если б потушилась
тогда была бы божья милость

* * *

Поэт в России
не то что Поэт на Марсе
как говорил Белинский –
у самого бездарного
и то два-три фаната есть

* * *

посмотрел на небо
посмотрел на землю
посмотрел на воду
посмотрел под землю
эх ребята внемлю
внемлю внемлю
внемлю

* * *

было раннее зимнее утро
пошёл снег
вот летит первая снежинка –
и падает вавилонская башня
летит вторая –
и рушатся золотые ворота иштар
летит третья – и висячие сады семирамиды
четвёртая – и египетские пирамиды
пятая – тадж-махал
шестая – ангкор
седьмая – все остальные чудеса света

КНИГА СТИХОВ

28-ая – эйфелева башня
143-я – кремль...
у пещеры
стоит человек с палкой-копалкой
на его ладонь опускается снежинка и тает
в это мгновение
он чувствует - бох его знает- красоту мира
что ли

* * *

летит «Прогресс»
летит «Прогресс»
везёт с собой
сосновый лес
везёт тушёнку
колбасу
везёт для опытов
осу
ждут космонавты
не дождутся
когда «Прогресс»
к ним прилетит
как бы с Ионой
рыба-кит
и привезёт
сосновый лес
тушёнку
так же колбасу
ещё для опытов
осу
сидят и ждут
три космонавта
но прилетит «Прогресс»
лишь завтра

КНИГА СТИХОВ

* * *

приручил природу
засунул в саквояж
и хожу по городу
в руке саквояж
приручил природу
по городу хожу
саквояж из рук вырывается
но я его держу

* * *

византия
византия
византия ты моя
не пройти
и не проехать
поперёк и вдоль тебя
нет сказала византия
нет совсем я не твоя
я совсем не византия
а просто — русская земля
можно и меня проехать
и пройти вдоль-поперёк
только ты не надорвися
ездить да ходить, сынок

* * *

человек услышал шум
подошёл к окошку
в голове так много дум
а на столе окрошка

воробьи кричат-галдят
человек закурит
и от солнца яркого
он глаза прищурит

улыбнётся отойдёт
подальше от окошка
и в один присест всю съест
вкусную окрошку

КНИГА СТИХОВ

ТОГДА И ТЕПЕРЬ

нырнёшь с головою в книгу

вынырнешь — уже светает

и хочется одного —

спать спать спать

но главное отличие —

в детстве проснувшись - помнишь

о чём всю ночь напролёт читал

* * *

вроде «икарус»

а не летает

а только ездит

и воздух отравляет

на автобусе икарус

едет едет человек

вот заснул он и летает

и летает человек

он над городом летает

где лет тридцать пять живёт

он над садиком летает

куда в детстве он ходил

он летит всё дальше дальше

дальше дальше всё летит

вдруг проснулся!

вдруг проснулся!!

а икарус-то стоит

люди из него выходят

по делам своим идут

не заботы

не печали —

по делам своим идут

двери с шипением закрылись

и икарус едет дальше

дальше дальше едет дальше

но а сон не снится дальше

больше человек не спит

КНИГА СТИХОВ

* * *

выпили
посидели
а о чём говорить
не знаем

ещё выпили-посидели
тут и разговорились

говорили-выпивали-говорили
выпивали-говорили-выпивали

пили
говорили
выпивали

ба, гляди-ка, уже утро

* * *

на свете счастья нет
но есть покой и воля
ты слышишь, Толя

* * *

ли бо с аполлинером
пошли гулять в поля
ли бо с аполлинером
эх круглая земля
ли бо с аполлинером
заходят в кабачок
ли бо с аполлинером
две рюмочки чок чок

* * *

горбушка
горб ушка

КНИГА СТИХОВ

* * *

вот
что значит
форма

а вот
что значит
содержание

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ТИТАНИЗМА

граф Уголино
чего-то не весел

мало народу
сегодня повесил

* * *

иногда
чего-нибудь в голову взбредёт
тогда возьмишь
стишки напишешь

а иногда
и не взбредёт
тогда сидишь
и просто дышишь

* * *

два старых инки –
Ванька и Сенька
играют джаз
а хочется в Анды
туда
где кондор летит
в их подсознании

лети кондор лети
не складывай крылья

КНИГА СТИХОВ

* * *

как-то раз художник Ге
вдруг воскликнул э-ге-ге
и Шишкину он шишек подарил
а Репину он репу подарил
Филонову пилон он подарил
а Мухиной он мушек подарил
а Кулику кулич он подарил
а Звездочётову гроссбух он подарил
Шемякину судью он подарил
а Глазунову глаз он подарил
а Звереву зверья он подарил разнообразного много-много
а Пиросмани пир он подарил
а Инфантэ подарил Испанию и город Иваново в придачу
а Малевичу мальков он подарил
а Кустодиеву куст рябины подарил
а Кабакову лондонский кэб он подарил
а Серову красок подарил
а Церетели ничего не подарил
у него и так всё есть

* * *

ни падежей
ни суффиксов
ни окончаний

только талый снег за окном

* * *

стихи на случай

оставь не мучай

* * *

а ветер подхватывает слова
и уносит
в ту ещё даль

КНИГА СТИХОВ

* * *

идёт человек
по бульвару
не просто
со значением идёт
и значение своё
человечье
в рюкзачке
за спиною несёт

* * *

каплуны
кап с луны

НА ОБЕЩАННЫЙ КОНЕЦ СВЕТА

Все когда-нибудь помрём
Все придём в негодность
И подземные реки
Ощутим холодность

А покуда будем жить
Жить посюда будем
Будем жить посюда мы
Жить покуда будем

* * *

кто жизнь живёт не зря?

ты жизнь живёшь не зря
и ты живёшь не зря
а я наверно зря

вот курочку доел-
она жила не зря!

КНИГА СТИХОВ

РЕЧЬ тере ГЛАГОЛ

я с Мариною был на смотрах
мы смотрели немного на море
а у моря-реки сидит боря
рыбку ловит и варит уху
ухуху ухуху ухуху
мы покушали с борей уху
а ведь боря – он барин наверно
он аксаков-некрасов
он почти вся пушкин
у него любая полушка
зачтена зачтена зачтена
мы глядим т.е. марина боря и я
как плывут корабли-пароходы
и земляца даёт соки-всходы
вон летят еропланы-союзы
боря строит различные планы
а я просто играю в дуду
а марина рисует реку
вот кукушка сидит на суку
и ку-ку и ку-ку ни гу-гу
почесал я немного башку

РУССКИЙ ЗНОЙ

Задал свинкам корму
Хорошо окрест
Видишь как над церковью
Аж сияет крест

Как летят по небу
Птицы-облака
Тянется за хлебом
Мозолистая рука

Как старик угрюмый
Газетою шуршит
Пятиклассник юный
На реку бежит

КНИГА СТИХОВ

Жар стоит такой что
Лучше не родись
А родился коли —
Всюду пригодись

Русский русский русский
Русский русский зной
Бабушка расскажет
Почему ты злой

* * *

Забухали граждане степные
Забухали и сидят в теньке
И у них подружки боевые
И у них нормальное пирке
Все они хорошие такие
От того сидят они в теньке
Забухали граждане степные
Солнца нет осталось лишь саке

* * *

то — то

а то — это

но и это — не то

* * *

эх изборник
ты изборник
эк изборник избранный
толь среда
а может вторник
на четверг нанизанный

* * *

шёл по городу олень
а все думали — тюлень

КНИГА СТИХОВ

* * *

три часа - сказал Кузмич
не заводится «Москвич»

а бывало и четыре -
всё возможно в этом мире

* * *

бывали дни ещё какие
сказали люди молодые

их поддержали старые –
бывали – небывалые

* * *

прилетит вдруг волшебник

а вдруг не прилетит

* * *

кому – стабильность
кому – мобильность
а кому – демобилизация

* * *

я спринтер
а не стайер

я принтер
а не сканер

я вова
а не вася

с похмелья
так колбасит

КНИГА СТИХОВ

* * *

М.Л.

Михайло Ломоносов
Михайло Ломоносов
Михайло Ломоносов
Михайло Ломоносов

Михайло Ломоносов
Михайло Ломоносов
Михайло Ломоносов
Михайло Ломоносов

Михайло Ломоносов
Михайло Ломоносов
Михайло Ломоносов

Михайло Ломоносов
Михайло Ломоносов
И никаких вопросов

* * *

эх данте данте алигьери
тащусь по тропкам еле еле
тобою созданных терцин
(душа ещё надеюсь в теле)
эх данте данте алигьери
восьмой уж перевод читаю
но ничего не понимаю
пора уже учить *volgare*
чтобы болтаться на базаре
и говорить на том *volgare*
вот «Новой жизни» письмена
я снова снова открываю
сонет-канцоны всё читаю
страницы вдумчиво листаю
поэзии в них глубина
вот «Пир» встаёт передо мною
«Монархия» как император смотрит
эпистолы проклятья шепчут

КНИГА СТИХОВ

ты заслонил весь мир собою
и не найти теперь покою
эх данте данте алигьери
давай бухнём на той неделе

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА

помню как-то
лист упал
и слава Богу

помню как-то
снег пошёл
и слава Богу

помню как-то
дождь пошёл
и слава Богу

и на солнце
котик спал
и слава Богу

2009 – 2011 гг.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Разговор с писателем

Андрей Князев

С тольяттинским прозаиком Андреем Князевым я познакомился в середине 90-х годов 20 века. Меня привели в восторг его публичные выступления, на которых он великолепно читал свои небольшие стихи, рассказы и миниатюры. С тех пор многое изменилось. Публикации в журналах: «Окрестности», «Абзац», «Василиск», «Волга» и др. укрепили его известность как автора рассказов и миниатюр. Мы встретились с Андреем накануне нового, 2012 года, у него на квартире, которая в течение многих лет является точкой притяжения многих творческих людей Тольятти.

Сергей Сумин.

- Андрей, первый вопрос - многие знают тебя как поэта и музыканта, расскажи, как ты пришел к прозе? Самый ранний твой рассказ, который мне известен, датирован 1994 годом – это и было началом?

- На самом деле проза, поэзия и музыка возникли примерно в одно и то же время. Да, ты прав, 1994 год – тогда что-то, наконец, стало получаться, и именно в прозе, со стихами и музыкой уже позже пошло ...

- Вообще, после прочтения твоих рассказов я часто ловил себя на ощущении странности, тайнописи. То, что я прочел, можно было бы охарактеризовать словом-ощущением - «ужасно интересно». Это ощущение ты сознательно заложил или же это мое личное восприятие?

- Ну, не знаю... Вообще, я мало что закладываю в текст сознательно. Когда я пишу, то двигаюсь по течению. Хотя то, что ты увидел - верно. Хоррор – это то, что мне было всегда интересно...

- Еще об ужасном. В некоторых твоих вещах это видно очень отчетливо... Понимание некоей «темной стороны мозга», определенной тяги к злу и разрушению, например, в рассказе «ХОНКИ ТОНК»...

- Ну, я думаю лучше свою темную сторону изливать в творчество, чем в жизнь... У меня писательство, кроме всего прочего, это и некий сброс отрицательной энергии.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

- Андрей, вообще тема разрушения, понимание темной стороны мозга – некая константа твоего творчества. С темой зла, хаоса связана и тема двойничества, оборотничества, раздробленности сознания. Твои персонажи не обладают цельностью, они как бы плохо сшиты, распадаются на части? Ты сам это замечал?

- Да, я это замечал. Тема раздвоения личности у меня встречается в самых разных вариантах. Возможно, я сам так себя воспринимаю – как некий коллектив внутренний, обитающий в одном мозге... Ну, что я могу пояснить в этом? Это все, скорее всего, некие проявления моей собственной природы, которые манифестируются через хорошо знакомую всем постмодернистскую ситуацию. Плюс разновидность некой аутопсихотерапии.

- Это не болезнь, Андрей?

- Нет, это не шизофрения, если ты это имеешь в виду... Я вообще полагаю, что такое раздробление, раздвоение – обычное дело. Я уверен, что и в других людях, как во мне, живёт некий коллектив. Вопрос в том, насколько дружно он живет. Патология возникает, как раз тогда, когда каждый член этого коллектива начинает считать себя единственным.

- В некоторых рассказах Зло и Хаос вообще торжествуют – от них как бы невозможно уйти человеку. В рассказе «ДЕВКА ОГОНЬ», например, искушение длится ровно столько, сколько нужно, чтобы погубить эту самую Девку. Итак, Зло победит?

- Это просто опыт. Посмотри вокруг. В реальности зло торжествует явно чаще. Но в этом рассказе смысл, пожалуй, не в победе зла, а в том, чем и как искушают героиню. Ее искушают богатством, властью и т.д., она все искушения проходит, и не выдерживает только искушение красотой. Как там у Достоевского? Красота спасет мир. А здесь этот тезис просто вывернут наизнанку.

- Вопрос о твоей творческой манере. Помнится, Ницше где-то говорит, что художник больше боится быть понятым, чем непонятым. Ты используешь это ускользание от взгляда читателя, скрытые смыслы, шифровки или же твоя фраза равна твоему личному высказыванию?

- Дело в том, что я почти никогда не выступаю от себя лично. В моих рассказах повествование всегда ведется от какого-то персонажа. Даже там, где речь идет от первого лица, надо понимать, что все-таки речь идет не совсем обо

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

мне. Это некий театр. Вряд ли это сознательная маскировка, скорее способ конструирования текста.

- Что ж, Андрей, это интересно. Тогда возвратимся к тому вопросу о соотношении иронии и ужаса в твоей прозе. О некоторых довольно страшных вещах (убийство, насилие) у тебя повествуется довольно ироничным языком. Как вообще уживаются эти два чувства – страх и смех?

- Эти две вещи довольно плохо сочетаются, может, поэтому мне так интересно с этим сочетанием экспериментировать. Тем не менее, и в реальной жизни они частенько соседствуют. Часто бывает, что они смешиваются, создавая удивительные, жутковатые эффекты. В каком-то смысле, это все тот же реализм, результаты наблюдения за какими-то жизненными ситуациями.

- А это не провокация, вызов читателю, эпатаж?

- Конечно, эпатаж. Этот прием здесь просто торжествует, скачет на белом коне впереди красной армии...

- Андрей, то, что мне нравится у тебя, рассказы и миниатюры читатели прочтут в этом «Графите», а что тебе самому из своей прозы нравится, любимые вещи у тебя есть?

- Ну. Ты же понимаешь, со временем меняются предпочтения. Что-то больше симпатично было раньше, что-то нравится сейчас. На данный момент самым удачным рассказом я считаю «У края могилы». Рассказ написан в 2007 году. На утро после новогодней вечеринки.

- Интересно, Андрей, обязательно прочту. А теперь поговорим о нашем городе. Город Тольятти - не город утонченности, глубокой культуры. Скорее, в нашей жизни торжествуют более грубые, примитивные, стихийные начала. Каким тебе рисуется родной город? Хотел бы ты когда-нибудь покинуть его?

- Нет... Я здесь вырос. Я этот город не идеализирую, но люблю. А культурную ситуацию здешнюю я воспринимаю в таком «скифском» ракурсе. Тольятти – город молодых варваров, он возник недавно, здесь собралась шпана со всей страны. Понятно, что ничего академически-культурного они создать пока не могли, но зато у них много энергии, которая плещет, принимая иногда

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

самые причудливые формы. Варварская такая ситуация со всеми ее плюсами и минусами.

- Как бы ты прокомментировал миниатюру «Тайные страницы Корана»? Это просто шутка?

- Ну, в общем, да! Единственное - там тема феминизма обыгрывается, которая довольно регулярно у меня появляется. Как там – «Все вы тут придурки, а вот женщины у вас ничего - толковые, повинуйтесь им во всём».

- Андрей, а как бы ты определил свою мировоззренческую позицию? Ты кто: скептик, агностик, атеист, циник? Имеется ли вообще какая-то четкая мировоззренческая позиция у писателя или он как бы растворяется в позиции своих персонажей?

- На данный момент я воинствующий атеист. В мировоззренческих вопросах я, как правило, рабски слеую за модой. А что сейчас моднее, чем агрессивный олдскульный атеизм? А персонажи у меня придерживаются тех взглядов, которые нужны для текста, для концепции произведения.

И уж точно я не агностик. Этим я давно переболел, еще в старших классах. Агностицизм – это все-таки уход от ответа. Одно из двух – либо пациент мёртв, либо он жив. Атеизм же это вера, со всеми вытекающими... Есть вера в бога, а есть вера в отсутствие бога... Я верю, что бога нет, иррационально, бездоказательно.

- По поводу писательской техники вопрос. Ты фразу немножечко жуешь, мнешь... Например, в том же «ХОНКИ ТОНК» встречаются повторы слов, даже грамматические несоответствия. Одна фраза идет в настоящем времени, а следующая – в прошедшем. Что ты этим подчеркиваешь – ужас сознания, разрушительность главного героя?

- Да, я хотел через стиль показать разрушенность мира, в котором происходит действие. Сначала рассказ назывался «Расследование», но в процессе работы у меня стал вытанцовываться этот вихляющий стиль, отсюда и окончательное название возникло – «ХОНКИ ТОНК». В музыке это звук слегка расстроенного пианино. На синтезаторах можно встретить...

- Ага, пианино расстроено. Это я значит правильно спросил... какой-то глубинный уровень текста я чувствовал, но ты прояснил это мое ощущение. Все это как бы добавляет твоему рассказу дополнительный уровень, сложности, что ли... Интересно все складывается, Андрей! А вообще, есть ли современные авторы, которые тебя восхищают?

- Ну, не то чтобы восхищает. Мне нравится Пелевин.

- Ну и последний вопрос, Андрей. Поскольку каждый писатель немного пророк, скажи – чего нам стоит ожидать в 2012 году? От себя? От мира?

- Лично я предполагаю, что все будет то же самое... Мир никогда не меняется.

Андрей Князев

ХОНКИ ТОНК

Перед тем как Джонс был заклеен национальными средствами массовой информации как фетишист, он вел тайную сексуальную жизнь за фасадом успешного предпринимателя, мужа и отца. В чем же разница между ним и вашим соседом? Дональд Трамп заснял Джонса на пленку камерой, спрятанной в туалете.

Сюзен Крейн Бейкос.

СЕКСУАЛЬНЫЕ ТАЙНЫ ВАШИХ СОСЕДЕЙ.

Один человек в одной конторе стал замечать, что кто-то некорректно ведет себя в уборной: испражняется на пол, портит сантехнику, наклеивает испачканную калом бумагу на стены и зеркало - работники конторы стали жаловаться этому человеку - начальнику этой конторы - на невыносимую обстановку в уборной... Тогда этот человек распорядился установить в уборной скрытую видеокамеру и выявить человека, кто плохо поступал, и наказать его.

Прошла неделя, и работник, ответственный за работу скрытой видеокамеры, принес своему начальнику пленки с записями. "Сейчас я выявлю, кто скверно себя ведет в уборной", - подумал этот человек и сказал тому ответственному работнику, чтобы он ушел - и исполнил его другое поручение, которое не имеет отношения к нашему рассказу. Когда уже никого вокруг не было, человек просунул запись в щелочку воспроизводящего устройства и внимательно поглядел в экран. Несколько часов продолжался просмотр, но ничего не было, как вдруг этот человек увидел по экрану себя. Напевая под нос любимое - "Я герой, я матрос" - человек в экране пристраивается на сантехническом сидении. С невнятным бормотанием человек этот пустился в размышления о внутреннем. Когда он совершил все, что полагается делать в уборной, то он приводит все в порядок одежду, моет руки в умывальнике и вдруг, поправляя галстук, резко прервал пение. И он настороженно оглядывается. Так, что камере не стало видно этого человека, согнулся над ведром с отходами. А когда уже человек в экране разогнулся, человек перед экраном не узнал сам себя. Перед ним находилось лицо безумца, истошно хихикающего идиота. В дрожащих от болезненного возбуждения руках - ворох перепачканной калом бумаги. Тогда человек перед экраном быстро выключил экран. Он задыхается.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

И таким образом человек-начальник узнал, что живет странной, раздвоенной жизнью, причем добродетельная половина его сознания ничего не узнает о противоположной, злонравной половине.

Однажды он шел домой. И вдруг около подъезда стал шевелиться кустарник. "Засада!" - промелькнуло в уме человека. Но он не остановился, а вошел в подъезд. Около двери его поджидали люди в черных плащах. "Нам необходимо поговорить с вами." "Прошу вас, входите", - отвечал человек. В квартире люди в плащах вынули из портфеля черную папку, запечатанную тройной печатью. Люди в плащах по очереди распечатывали эти печати и сели за стол. "Не могли бы вы сесть на табурет перед этим столом", - попросили они того человека. Человек выполнил просьбу этих людей. Тогда они стали зачитывать из папки написанные в ней слова. "Недавно", - начал первый из них - "в одном месте обнаружено тело молодой женщины". "Почти ребенка", - добавил второй. "На этом теле", - продолжал первый, - "находились следы всяческих зубов, ногтей, а также и других разных металлических предметов". "Ржавой пилы, медицинского скальпеля и еще одного - неизвестного инструмента - возможно, пилочки для ногтей" - уточнил второй. "Воздействие перечисленных орудий на тело этой женщины повлекло ее за собой к преждевременной смерти... Продолжать?" - участливо осведомился читавший после паузы. Потрясенный услышанным, человек перед столом молчит.

"Недавно", - приступил к чтению второй из непрошенных гостей - "в одном из городских парков прохожие нашли маленькую девочку, ужасно поцарапанную ногтями. В шоковом состоянии девочка доставлена в больницу. Среди фрагментов клетчатки, извлеченных из кровоточащих ран девочки, врачи обнаружили микроскопические сколы ногтей напавшего на девочку оборотня, совпадающих по структуре с такими же микроскопическими остатками в ранах первой жертвы преступника... Продолжать?" "Продолжайте", - как зачарованный, отвечает человек.

"Недавно", - начал третий, доселе молчавший визитер, - "в одном месте обнаружены фрагменты расчлененного человеческого тела - голова и конечности, сложенные неаккуратной пирамидкой. Невдалеке от ужасной конструкции, отделенное от тела, размещается туловище покойного, носящее следы неумелого потрошения. Здесь же - упаковки продуктов питания - килограмм риса, несколько помидор, немного ржанных сухариков... Согласно гипотезе одного судебного психиатра, перечисленными припасами преступник намеревался фаршировать покойного, но потерпел неудачу из-за нехватки навыков в этом непростом деле... Продолжать?"

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

"Да хватит уж - пускай признается", - вмешался второй. "Признаетесь?" - спросил у человека третий. "Мне не в чем признаваться - моя совесть чиста", - отвечал человек.

"Запираться?!" - вскричал первый - "Вы пожалеете об этом!" Поднявшись со стульев, визитеры стали надвигаться на этого человека. Вначале человек стал отодвигаться от этих визитеров не очень быстро, поскольку он позабыл подняться с табурета, на котором он сидел. Но когда этот человек поднялся с табурета, то он с неожиданной резвостью побежал в сторону балкона, ведь направление к двери перекрывали крупные тела страшных визитчиков. "Стой! Не уйдешь!" - кричали они в три голоса и тянули к человеку три пары рук. Не слушая их диких воплей, человек распахнул дверь и в мыслях своих уже перелез перила на этом балконе, чтобы поскорее спрыгнуть с этого балкона на клумбу и поскорее убегать, как вдруг перед ним появляются животноподобные лица сотрудников милиции - они схватят упорствующее чудовище, втащут обратно в комнату и примутся мастерски избивать. "Так ему! Вот так! По башке!" - кричало Трое Визитеров, советуя милиционерам, как лучше и побольнее стукнуть им того человека. Как вдруг первый из этих Троих произнес составленную им в своей голове фразу: "Но может быть, теперь-то наша жертва уже прекратит скрывать от нас правду и сразу же признается в своих бесчеловечных злодеяниях?" Двое других, в сомнении уставясь на коллегу, быстро составляют в своих головах фразу, соответствующую одолевающим их мыслям, дабы произнести ее - эту фразу - вслух. Вот она - эта фраза: "Но может быть, этот человек, если можно так выразиться, еще не осознал неизбежности чистосердечного признания? Давайте же повторим ему наш вопрос и повнимательнее выслушаем ответ на него".

Трое отогнало от того человека сотрудников милиции, склонилось к тому человеку и не замедлило начать задавать свои вопросы: "Скажите, это ведь вы недавно скальпелем и пилкою для ногтей уколошили одну молодую женщину в неназванном месте?" - спросил у человека первый из троих. "Скажите, а не вы ли, случайно, поцарапали девочку в парке, что теперь она находится между жизнью и смертью?" - осведомился второй из двух оставшихся. "А не вы ли, если уж на то пошло, разрезали и изуродовали мертвое тело убитого вами неизвестного?" - задал свой вопрос доселе молчавший оставшийся третий. Но злонравная, свершившая множество преступлений половина того человека скрылась от сознания в дебрях подсознания, и потому тому человеку никак не удавалось вспомнить, как, где и главное - для чего - поубивал он столько человек, правда, с другой стороны, человек этот ужасно боится стайки сотрудников милиции, злобно скалящейся на него с балкона, и поэтому этот человек немедленно сделал следующее заявление: "Да, это я поубивал всех

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

этих людей, не забыв напоследок вдоволь поглумиться над мертвыми телами, чтобы как следует позабавиться". "Финита ля комедия!" - вскричало Трое, выходя в центр помещения и беря друг друга за руки - "Дело раскрыто и передано в прокуратуру!" Сию же минуту комната заполнилась группой людей в развеваемых ветром белых одеяниях - атлетического сложения, произнося отчетливые фразы на непонятном языке, они убирают Троиных листьями лавра.

Зловеще усмехается Человек, снова охваченный темною половиной своего мозга, злобно скалит желтые - с гнильцой - зубы, тщится он ускользнуть, проползти мимо сотрудников милиции - этот замысел будет сорван - с кошмарным хихиканьем, исходя слюной в предвкушении каннибальской трапезы, эти не столь прекрасные видом, сколь необходимые для нашего спокойствия стражи порядка мгновенно учуют растекшийся в воздухе кровавый след - минуты не пройдет, как их клыки, что остротой напоминают иглы, сомкнутся на пульсирующей жилке разоблаченного преступника.

1999-2002 гг.

ДЕВКА ОГОНЬ.

Сидит на дубе высоком - среди ветвей гнутых, листвы непроглядной, Девка Огонь - да про себя чет бормочет.

Вот выходит из кустов Честной Мастеровой. Спускайся с дубу, Девка Огонь. Спускайся с дубу, Девка Огонь. Поди ты ко мне - Честному Мастеровому. Поди ты ко мне - Честному Мастеровому.

А вот и не спущуся с дубу - отвечает Девка Огонь - потому что ты Злой Колдун.

Топнул ногой с досады Злой Колдун, что обман не удался, отошел в кустики, а выходит оттудова, словно павлин разодет, Богатый Купец. Спускайся с дубу, Девка Огонь. Спускайся с дубу, Девка Огонь. Поди ты ко мне - Богату Купцу, поди ты ко мне - Богату Купцу.

Обрадовалась Девка Огонь - стала слезать с дубу, слезла на одну веточку, вдруг как ойкнет - скок обратно наверх - в листву непроглядную. Не слезу - грит - с дубу к тебе, Богатый Купец - ведь ты же Злой Колдун.

Топнул ногой с досады Злой Колдун, что обман не удался, отошел в кустики, а выходит оттудова, в сопровождении секретарей и секретарш, Главен Начальнек. Спускайся с дубу, Девка Огонь. Спускайся с дубу, Девка Огонь. Поди ты ко мне - Главну Начальнеку, поди ты ко мне - Главну Начальнеку.

Обрадовалась Девка Огонь, и давай спускаться с дубу, слезла на две

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

веточки вниз, да как заверещит - юрк обратно наверх - в листву непроглядну. Не полезу - грит с дубу к тебе, Главен Начальнек, ты ж – подлый - Злой Колдун!

Взвизгнул от ярости Злой Колдун, что обман не удался, да, во главе секретарей и секретарш, в кустики бежит, а выходит из кустиков через три минуты, представляете себе - Царь Государь Земли Русской. Спускайся с дубу, Девка Огонь. Спускайся с дубу, Девка Огонь. Поди ты ко мне - Царю Государю Земли Русской, поди ты ко мне - Царю Государю Земли Русской.

Обрадовалась Девка Огонь, и давай скорей спускаться с дубу, слезла уже на целые четыре веточки, вдруг как взвизгнет - прыг обратно наверх - в листву непроглядну. Не слезу я - грит - с дубу к тебе, Царь Государь Земли Русской, плохой ты, и почти наверняка Злой Колдун.

Взревел здесь Злой Колдун, как медведь бешеный, что обман не удался, и убежал, плача, в кустики. Не прошло и минуты - выходит из кустов, играя на дудочке, Писанный Красавец. Спускайся с дубу, Девка Огонь. Спускайся с дубу, Девка Огонь. Поди ты ко мне - Писану Красавцу, поди ты ко мне - Писану Красавцу.

Все перепуталось в голове у Девки Огонь - и спрыгнула с дуба прямо на руки Писаного Красавца.

Обратился Злой Колдун черной птицей, схватил Девку Огонь в хищные лапы и унес за тридевять земель.

И утопил в море.

1 февраля 1999 г.

Столик Чести.

Пришел я однажды в одно место и сел за столик, а это оказался столик Чести. Меня долго чествовали, а потом я сел за другой столик, а это оказался столик Позора-Позора, тогда меня стали позорить-позорить, а потом я сел за третий столик – а это был столик Страха, что дальше было, я не упомяну.

2000 г.

ДУЭЛЯНТЫ

Пришел как-то раз один корнет по фамилии Конкретный в одно место, сел на диван и с важным видом закурил сигару. Сидит, молчит со значением, а девушки с блестящими глазами все как одна восхищаются бравым корнетом. Промолчав минут с десять и вконец заинтриговав женскую половину общества, корнет тонко улыбнулся и возгласил на все помещение: "Ах! Мадам!" После этого замечания корнет разразится длинной французкою фразой, а затем испросит у одной дамы разрешения припасть к руке. Тогда эта

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

дама, вся зардевшись и разругавшись, будто какой-нибудь бутон, протянет корнету руку и нежно защебечет. Дьявольская улыбка коснется губ склоненного к ее руке Конкретного, в то время как остальные дамы затаят дыхание - в эту минуту дверь распахнулась и весь в клубах морозного воздуха - в салон впорхнул Певец Божественный. "Ах! Эссенуки!" - вскричал Певец. Все замерли, а дамочка, которой так удачно подпускал амура бравый корнет, отдернула руку и вся пошла пятнами. "Экзогенно! Это же феерия!!!" - вскричал Певец. Лицо корнета заливала мертвенная бледность. Рука его бешено сжала турецкий кинжал. "Феерия! Феерия! Феерверк!" - восклицал Певец, делая руками возвышенные движения. Половина дам лежала в обмороке, вторая половина толпилась круг Певца и с трепетом внимала каждому слову. "Сударь! Вы - хам!" - выдохнул Конкретный. "Ля Гранд Мусью?" - спросил Певец, поглядев на корнета в лорнетку. "Динь-динь-динь! Динь-динь-динь!" - затарахтели дамочки. "Си Монтенбло!" - вскричал Певец. "О, нет, голубчик, вы - не хам..." - выцедил Конкретный через стиснутые зубы, - "Вы - склизкий аморальный червяк, вы - сладострастное ничтожество!" "Парадокс!" - закричал Певец, - "Это трепетно! Марфушка, отлей поскорее маслица!" "А вот за Марфушку ты мне ответишь!" - Прошипел, бледный от гнева, корнет. "Это совсем не та карта!" - Ответил Певец - "Я требую смены колоды! Неслыханно!" "Ми-ло-сти-вый го-су-дарь", - отдельно произнес Конкретный, - "Я требую удовлетворения!" "Они в парихмахерской!" - воскликнул Божественный, небрежно откидывая прядь своих льняных волос с высокого лба. "Завтра же! У Черной Речки!" - взвизгнул корнет. "Позиционно!" - Ответил Божественный. "С десяти шагов!" - перебил Конкретный, - Чур, я стреляю первый!" "Маневренно", - вставил Певец. Конкретный ожег Божественного демоническим взглядом и выскочил на улицу. "Гравитационно!!!" - вскричал Певец, - "Шампанского!!!"

На следующий день, у Черной Речки: Конкретный, корнет, стоит закутавшись в плащ, снег вокруг него весь истоптан. Драмогощенко, поручик, Гражданский, подпоручик - секунданты корнета, стоят, скосив глаза на собственные эполеты. "Алле Оп!" - выпрыгивая из кареты, радостно восклицает Певец. Следом за ним, тараща глаза и поеживаясь, вылезают секунданты - господа Обреченный и Нареченный. Певец обводит рукою простор: "Господа! Это же феерия!!!" Г-н Обреченный удрученно кивает. Г-н Нареченный судорожно вздрагивает. Певец зачерпывает руками снег и с радостным визгом подбрасывает кверху. Корнет Конкретный: "Кажется, господин Божественный собирается поиграть с нами в снежочки". Драмогощенко и Гражданский хохочут. Корнет, обращаясь к секундантам Певца: "Милостивые государи, потрудитесь доставить это тело к барьеру". Обреченный и Нареченный подталкивают Божественного к вытоптанному в снегу овалу. Певец поминутно вырывается и со смехом убегает по сугробам.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Певец, Нареченному: "Пятнашка! Ты пятнашка!" Наконец, Певца подводят к роковому рубежу. Обреченный: «Стойте смирно!» Нареченный: «Желаю успехов!» Г-да Обреченный и Нареченный дают Певцу пистолет. Г-да Драмогощенко и Гражданский: «Сходитесь! Сходитесь!» Корнет Конкретный с пистолетом идет к барьеру. Божественный радостно рассматривает пистолет. Корнет Конкретный: «Нус...» - Прицеливается. Божественный: «Николка! Смотри, что у меня есть!» (Показывает Нареченному пистолет). Конкретный стреляет. С г-на Обреченного сваливается шапочка. Гражданский и Драмогощенко: «Промазал! Промазал!» Божественный недоуменно оглядывается и вдруг замечает Конкретного. Божественный, в испуге: «Парихмахеры!!!» Обреченный с Нареченным: «Стеляйте! Стеляйте в Конкретного!» Певец, Конкретному: «Кораблестроитель!» (Стреляет в Конкретного и попадает прямо в лоб). Обреченный с Нареченным: «В Конкретного!» Пуля отскакивает от лба Конкретного, летит обратно в Певца и попадает ему в правую ноздрю. Гражданский и Драмогощенко: «В Божественного!» Пуля вылетает из левой ноздри Певца, летит в Конкретного и опять поражает его в лоб. Обреченный с Нареченным: «В Конкретного!» Пуля отскакивает от лба Конкретного, летит обратно в Певца и попадает в левое ухо. Гражданский и Драмогощенко: «Опять в Божественного!» Божественный: «Неслыханно!» Из рта у него вылетает пуля и летит в Конкретного. Божественный, вслед пуле: «Фигурально!» Между Певцом и корнетом пролетает Белая Муха, пуля попадает ей прямо в сердце. Белая Муха: «Я гибну!» Белая Муха гибнет. Обреченный, Нареченный, Гражданский и Драмогощенко, хором: «В молоко!» Певец, показывая пальцем на шишки, вздувающиеся на лбу Конкретного: «Феерия! Феерия!» Конкретный, скрежеща зубами и грозя Певцу кулаком: «Мы еще встретимся!» Певец: «Рококо! Рококо!»

22 сентября 2000 г.

Снег с обнаженного неба

Есть такая загадочная песня – «Плачет девочка в автомате». Никогда не понимал – как она там помещается? Ладно бы еще – в миномете. Если, допустим, миномет крупнокалиберный, а девочка – супермодель. С диаметром бедер не более 152 мм.

Нет. Не бывает таких супермоделей. Страшно представить, как ее туда засовывают.

Не люблю я их – супермоделей. Но все равно – жалко. Их бы откормить, да замуж выдать, а не в миномет пихать. Так что «Плачет девочка в

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

миномете» - при относительной реалистичности – слишком уж антигуманно. Просто садизм какой-то. Лучше так:

«Плачет барон Мюнхгаузен в ракетной шахте». Баронов нам не жалко. Пускай летит. «На Нью-Йо-о-о-о-о-рк!» А знаете... Я тут вспомнил... В том фильме... Когда он по лесенке поднимается... Я плачу. Сколько раз смотрел – и все равно – не могу – рыдаю, как гимназистка! Вот он в своем камзолчике... на Луне... совсем один... и без скафандра... А там кислорода нет! Как же зовут того актера? Забыл. Вот режиссера помню – Марк Сахаров. Который по телевизору сжигал партбилет. Типа «а непоеду во Вьетнам – я не желаю быть убитым там – я не желаю быть убитым там - а непоеду во Вьетнам – а ты зарой свой меч и щит – там где ручей журчит - там где ручей журчит - а ты зарой свой меч и щит!»

Редкостный смельчак. Как же актера-то зовут? Как-то вроде - Разумовская. Да... Хороший актер. Он у этого Марка Который Партбилет много играл. В основном – злодеев всяких. Колдунов там, вампиров. Но – обаятельных. Один раз даже дракона сыграл. И знаете – недурственно. Вот как сейчас помню. Там еще одному актеру – как-то на А – приносят скальпель на блюде, а он им: “Чё это такое?”, а они – “Щит и Меч”. Да. Это было остро. А Разумовская там все вилкой в кого-нибудь ткнуть норовил и так покрикивал: “Расстрелять! Расстрелять!” И все понимали – это про Сталина. Сильно было сыграно.

А вот еще фильм был. Как раз, кажись, «Щит и Меч». Там еще один сильно знаменитый актер играл – Даль по фамилии. Он там поет эту песню, от которой так щемит на сердце – С Чего Начинается Родина... Так вот этот самый Разумовская там сыграл свою коронную роль – нациста по фамилии Шварцкопф. А режиссер, как видно, был большой интеллектual и придумал такую хохму: поскольку по-немецкому - а немецкий – мой полуродной язык, если кто не понял шутку про родину – так вот, поскольку по-немецкому Шварцкопф – значит Черная Голова, он Разумовского для этой роли специально выкрасил под блондина. Это было да... Вы только представьте себе – молодой этот... А! Вспомнил – Янковская! Ну и вот этот самый Янковская – молодой, красивый как я не знаю что, крашенный блондином... и все это в эсэсовской форме... Бабы – таково мое мнение - от одного взгляда на ЭТО должны были делаться беременные на месте. Представьте себе – где-то в глубинке, в сельском клубе... Фильм такой показывают - про советского разведчика в тылу врага... А на выходе из клуба бабы – беременные... И сразу начинают рожать белокурых бестий. Это же скандал на весь район! А вы говорите – синематограф... Это диверсия, а не синематограф!

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

А еще тот - по фамилии Даль – как начнет сигареты мять – так, словно они папиросы – тут-то его фашисты и раскусили... Сильно придумано. Нынешние нарки от этого эпизода, должно быть, особенно тонко оттягиваются. Так вот этот Даль - еще потом в другом фильме играл – про собак с глазами как блюдца. Да не... не баскервилей, а по братьям Гримм... Три собаки – у одной глаза как блюдца, у другой как тарелки, а у третьей я уж не помню – кастрюли штоли... Золото охраняют. Но золото – фигня, Даль на него и не глянул – там это было – как его – о! Огниво! Во! И фильм так кажись называется – Огниво. Как чиркнешь им – все желания исполняются. Ну и этот Даль, само собой, сразу заказал жениться на принцессе. Жениться-то он женился, да принцесса такая оказалась сучка, что ни в сказке сказать – уж вы меня извините. Сразова себе полюбовника завела и фашистский путч учинила, а этот который Даль, принцем ставши, повадился проводить прогрессивные реформы – крепостное право там отменил, конституцию завел, парламентаризм, суд присяжных... А эта принцесса которая, оказалась тайная нацистка. Подняла дивизии и всю демократию запросто утопила в крови, а Далу пришлось резко рвать когти в Аргентину. Вот какие актуальные фильмы снимали в старину, щас уж не снимают. Все запретили – сатрапы!

Так вот к чему я все это вспоминаю. Жалко мне, понимаете, барона Мюнхгаузена. Из-за Разумовского жалко. Ради Марка с Партбилетом. Ради Демократии.

У меня, стал быть, к этому певцу, который про девочку в автомате, следующее предложение. Был в Китае такой Император Космонавт. Времена были темные. Какой-то чуть ли не XI век. Но порох в Китае уже был. И приспичило этому Императору в Космос, на Луну. Повелел он выстроить ракету. Ракета была такая: деревянный ящик, в нем император, а снизу – целая куча мешков с порохом. Китайцы ему такие: товарищ Император, может, не надо, мало ли чего. А он им отвечает: не вашего ума дела, придурки, поджигайте скорей, меня на Луне девушки с золотыми глазами заждались уже.

В общем, насколько я знаю, первое испытание оказалось последним, поскольку других космонавтов, кроме императора, в Китае не нашлось, и в истории китайской космонавтики наступил длительный перерыв. Так вот я чё предлагаю. Раз уж этот Император Космонавт – такой идиот, давайте его в ракетную шахту и посадим – вместо Разумовского. Вот и жалко никого не будет, император-то сам на Луну хочет, вот на Нью-Йорк камикадзой пускай он и летит.

Так что, собственно, у нас получается?

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Плачет император в ящике,

Весь в слезах и с чайной чашечкой.

Вроде бы неплохо. Тут даже особая, специфически китайская красота: вот он летит на Луну – в одной руке чайная чашечка, в другой – какой-нибудь лотос, чинный такой, весь в золотой парче... Кстати, а почему это он плачет у нас? Чё ему плакать-то? Он же на Луну летит! Вот – думает – прилунюсь, а там Лунатики сбежались – кто это к нам прилетел за инопланетянин такой? А тут раз: император из ящика выползает. И все лунные девки его. Вовсе он не плачет, а смеется счастливым смехом.

Так что... э-э...

Смейся, смейся, смейся,

Смейся, смейся, Сын Неба!

В небе Луна, в небе Луна –

Видишь, видишь, Сын Неба?

Летит золотая парча словно снег,

Словно снег с обнаженного Неба...

По-моему – неплохо. Лучше, чем было. Надо будет написать этому певцу. Чтобы вместо девочки в автомате пел про обнаженное небо. Хотя при чем тут, собственно, этот певец, чьей фамилии я как на грех не могу вспомнить. Про девочку в автомате написал Е.Евтушенко. Он сам признался. Я типа это написал в шийсят каком-то году. Прочитал – гляжу – ну и дрянь! И выкинул в окошко. А под окошком хулиганы сидели с гитарой, пели про марусины чулочки и ни о чем плохом не думали. А тут бац – бумажка с неба летит. Словно снег. А на ней написано: плачет девочка в автомате. Обрадовались хулиганы, подобрали аккорды и стали петь. А там – глядь – и по всей уже стране хулиганы поют эту сюрреалистическую песенку про девочку, втиснутую в автомат.

А ведь если вдуматься – какой глубокий смысл! Какой трагизм! Девочка - патрон в обойме автомата, и рядом втиснуты другие такие же девочки – и плачут, и кричат «не надо»! А кто их спрашивает? Надо чем-то демонстрации борцов за демократию расстреливать? Надо. Ну и вот... Патроны кончились, остались девочки.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Да. Мощно это у Евтушенко задвинуто. А я сразу и не догадался. Лезу как дурак к заслуженному мастеру со своим Смейся, Сын Неба – убожество-то какое, господи...

А еще я недавно узнал, что Е.Евтушенко тоже, как Марк-с-Партбилетом, обладает гражданским мужеством. Один раз, на каком-то светском рауте, Е.Евтушенко поймал за пуговицу одного сановника, в прошлом – известного борца за свободу и демократию, который даже при Андропове один раз отсидел 25 лет за свои демократические убеждения.

«Что, иудушка, - сказал Е.Евтушенко, – служишь режиму?»

«Ого-го, – отвечает сановник, – еще как служу!»

«Энтэвэ-то, небось, ты, собака, придушил?» - спрашивает Е.Евтушенко.

«А то кто-же!» – отвечает сановник.

«А известную нефтяную компанию под внешнее управление уж не ты ли подвел?» - спрашивает Поэт.

«Моих рук дело», – признает сановник.

«Ну а Гимн Советского Союза – парашку тоталитарную – возобновить - ты штоль Президента-Сатрапа подбил?»

«А то! – отвечает бывший диссидент, - Я самый!»

«Да как ты мог?» – спрашивает Е.Евтушенко.

«Тю-ю-ю-ю! Запросто...» – говорит сановник, – «И с больши-и-им удовольствием».

«Иуда ты...» - прошептал Е.Евтушенко, и кулаки его стали сжиматься.

«Эй! Гражданин! – закричал сановник, – Поосторожнее там с моей пуговицей – она стоит дороже, чем ваш последний шевроле!»

Услыхал Поэт, что ему сановник кричит, оторвал пуговицу и убежал. Искали его с собаками - хотели расстрелять - да так и не нашли...

А на плечах пограничников тихо плакали автоматы.

Февраль 2005 г.

**Антология независимой литературы Тольятти
(1990 - 2010 гг.)**

Избранные главы

Оксана Жарикова

Родилась в 1975 году. Закончила медучилище, работала медсестрой в Медгородке Тольятти. Училась в институте на гуманитарном факультете. Помимо стихов писала прозу. С чтением стихов на публике не выступала. Основное время ее поэзии - с 1997 до 2000 гг. Любимые авторы – Вл. Набоков, Дилан Томас.

Свисая с чаши времени душа
Как маятник зачалась неспеша
Мгновеньями шурша
Едва дыша.
Под локонами вод лежало тело.
Судьбе молитву судорожно пело.
Надежды эхо тлело.
Акапелло.
Мосты разведены.

мой бог узрел меня –
мой бог вознес меня –
мой бог достиг меня –
мой бог устыдил меня –
мой бог отрекся от меня –
я познала моего бога –
я пыталась вразумить моего бога –
я стремилась к моему богу –
я восхваляла моего бога –
я простила моего бога...

В ФОКУСЕ

Что человек?
Сосуд,
Где Бог и Зверь
Равновелики
Где до конца неясно
Кто кого.
Когда твой Бог
Боится меня – Зверя
Когда твой Зверь
Смеется надо моим
Всевышним.

Елена Кочева

Родилась в 1971 году. Фотограф, поэт и журналист. Стихи пишет с 90-х годов. Работает на радио. Участник и автор многих проектов в сфере искусства и культуры.

А.К.

Как-то ночью меж сном и явью ты представился мне чашкой. Нет, не в виде чашки – ты был чашкой или чашка – тобой, неважно. Небольшая белая фарфоровая, может быть китайская, хотя – необязательно, у нас такие тоже делают, где-то в Питере – тонкие, почти прозрачные, с узкими острыми на вид гранями, хотя проведёшь пальцем по боку – всё незаметно сглажено. Приятно чуть холодит. Когда я увидела тебя чашкой, подумала: я бы на эту чашку просто смотрела, даже не наливала бы ничего. Разве – иногда зелёный чай с терпко-холодным запахом жасмина. Он тоже белый, когда цветёт... Странно, но ведь ты почти никогда не пьёшь чая. И я тоже. Мы – люди кофе. Те, что теребят что-то, порой невидимое и опускают глаза, когда волнуются. У тебя не может быть такой чашки – твоя посуда прозрачна и темна как слабый растворимый кофе, а в этой чашке, я кроме чая ничего представить не могу. Впрочем, это – несущественно – пить из этой чашки я всё равно бы не смогла. Ведь для этого её нужно поднять и поднести к губам, а это невысказано даже во

сне. Наяву порой такое чувство возникает, будто я притягиваю брошенных судьбой животных и людей. Мне приснилось, что я – планета с огромной массой, вокруг которой вращается множество космического мусора, его так много, что деталей картинки не разглядеть – месиво обломков. Но чашки там нет. Несмотря на малость и хрупкость, этот фарфор не поднять и не сдвинуть. Можно лишь смотреть и думать. О чём? О том, что если чуть надавить – пойдут трещины, а это красиво лишь в музее и на фотографиях, да и то не всегда... когда вынырнула пыталась вспомнить рисунок на чашке, не смогла. Медленно закрываю глаза и снова вижу её – рисунка нет. Белая гладкая поверхность, как лист нового блокнота, ничего общего с рисовой бумагой, шёлком и прочими китайскими штампами. Пытаюсь представить себе, как чашка вращается в пространстве (на донышке должно быть клеймо завода!) – на секунду вижу: дно абсолютно белое. Она снова стоит - белая, пустая и холодная чашка на тёмном неясном столе. Нырок сознания: жажда любви и невозможность её. Дыхание сбилось...

М.

Не любит он и не стремится
Бойтся он и ускользает
Ресница падает в страницы
Моей любви он не узнает
И будет карточка пылиться
В бумагах старых, в антресолях
Соль жизнь – жирная синица
В ладонях дёрнется, застонет
Одною мы с тобой породы
Но только я - чуть посмелее
Похмелье, сны, пустые годы
С тобой - минуту лишь теплее
Летать или ползать – разница какая?
А впрочем, где сейчас легко?
Слеза, шаги, тень от трамвая
А может лучше на метро?

Ладо Мирания

Поэт, прозаик, издатель, музыкант. Родился в 1968 году. По образованию — филолог. Принимал участие в фестивалях верлибра. Входил в литературное объединение «Олимпийские игры». Автор нескольких книг самиздата. Играл в рок-группе «Гребля на байдарках и каноэ». Участник многочисленных акций и перформансов. Специализируется в создании персонажей.

вот едет ваня ваня
на мерине своём
послал он эсэмэсок
на целый водоём
и запрудили прудик
пустили лебедей
и ваня с милай в домик
бежит уже скорей
а в домике мочало
и рыба камбала
про первое начало
хрипят они слова
и гости дорогия
улыбкою изойдут
и кукиши блатныя
там песенку споют

а петя?
петя-
увидел йети

move it
move it
мова до киіву
доведёт

вот сидит мыкола
у него

В ФОКУСЕ

все дома
поглядит он
на овец
да поедет
в трускавец

* * *

лавра
лавра
врал я
врал я
рвал
метал
по двору кидал
монахи улыбались
во скиту смеялись
а бесы застеснялись
по щелям замялись

Михаил Лёзин

Родился в 1974 году в Тольятти. Художник, музыкант, поэт. С начала 90-х годов играл в различных рок-группах Тольятти. Как поэт был участником литературной группы «Олимпийские игры». Печатался под псевдонимом Михаил Деревящников (МихДер). В 1998 году выпустил самиздатскую книгу «С шарами». 1990 г.- создание саунд-арт-проекта "ДЯ", альбомы изданы в Дании, Германии, России. С 1991 по 1998 гг. - выпуск самодельных книг, арт-альманаха «ДЯ» 2001 год - организация Творческого Объединения "Внедры", создание Merz-Оркестра им. Алексея Кручёных "ПОХОТЬ". 2011 г. – создание совместно с Юрием Клавдиевым группы «Клад Яда».

Звук невесом древесный шум
Лежащий камень выпустит патроны
Ваш поздний ужин – сытный хрум
Но вместо лести – макароны.

Кривая точка впитывает воду
Стальной орех посажен в сердце Моргенштерна
Сырой старик обижен на погоду
И злой тоской убит одновременно.

В ФОКУСЕ

гвоздь- чудо
убийца просто
на мир полетая
с разбитым глазом моим
а я в уважении
я в хороших вопросах люб
лоб в холодильнике
или в сраженьях с водой

частица табачного пепла
маленький
крученных-урушиол
плавиковый памятник плавень
плавник
вселенской бюджетлянской рыбы
исследователь кипения

принудили собачку
может слышал а может кликуха
перепреподавательская деятельность йозефа бойса
он бюджетлянством крошил сажу в мяслорыхлитель
бурлюки жадностью рыгали крепким кофеом
в ёмкость из глины овощерезки
недоступная тайна
кащеева суводь

Тимофей Михайлов

Поэт, сценарист. Родился в 1977 году. Закончил Самарский государственный Университет по специальности «История». Работал учителем в средней школе села Тимофеевки. Организатор первых четырех фестивалей молодых поэтов и писателей Ставропольского района.

Диалоги на дороге

- Дайте, дайте же пройти!
Что стоите на пути?

- Да чего ж вы так орете?
Все пройдет.
И вы пройдете.

Я буду
Всегда
С тобой.
Но буду
Самим
Собой.

Внутри заглянул –
А там борьба.
Все перекрутилось
Полотенцем.
Дайте силы
Выдавить раба,
Ставшего давно
Рабовладельцем!

Что за дверью говорят –
Все никак не разберу.
Только этот звукоряд
Мне совсем не по нутру.

И душа моя больна,
И несу я ерунду...
А идите-ка вы на!
Я и сам уже иду.

В ФОКУСЕ

Рафаэль
(1965 – 1999 гг.)

Поэт, прозаик. В 1995 – 1998 годах был главным редактором самиздатского литературного журнала «Антология берестяных грамот». Писал под псевдонимом Ра.

Зеленоглазка

Открой ключами своих губ
Замки моих перерождений,
Вливая в плоть, для поцелуй
И страсть алхимией томлений!

Я выпью влагу облаков
В огонь миндального обряда:
Клубясь, взовьются покрова
Прозрачной запаха и взгляда!

Исповедален шепот слышу я,
Вдыхая волосы, как муку:
На шее, бедрах и груди
Их завитки ловя на руку...

Зажги сиянье своих глаз
В озерной глади небосвода:
В пригоршню тихо зачерпну
И по глотку всю выпью воду.

И по глотку всю выпью ночь,
Рубашкой окна осиявшей,
Прикрывшей наготу свою
Звездой, в ладонь мою упавшей.

Горит осколочек зрачка –
Слеза, пришедшая под утро,
Крылом погибшего сверчка,
Еще дышащего как будто!

...где Натали

В глубине твоих глаз, как в силках,
Бьется сердце мое, словно птица;
И в тепле этих аленьких рук, как в висках,
Словно крылья, в бессилье по ветру стучится.

Я и вырвусь, взлечу!.. В край какой устремиться?
Где мне губы твои сладость дарят свою –
Там и сердце мое ничего не боится,
И зачем бы мне петь – ведь тебя не случится?

И ладони мои тоже стали как птица:
Накрывая крылом снова бедра и грудь,
Заслоняя от яркого снежного света зеницы
И лаская соски, спеют косточки... Снится?!

Не позволь мне понять, что я вовсе не птица!
К нежной шее твоей мне позволь приластиться,
На колени твои – легче майского дня – темной ночью,
Тихой дремой цветка мне позволь опуститься.

Мне бы новую страсть разбудить и забыться,
И на крыльях огонь донести до границы,
Где кончается боль, остаются лишь лица...
Только в этих силках я, наверное, птица!

Арина Усатова

Родилась в 1978 году, преподаватель иностранных языков (английский и немецкий). Участвовала в записи альбомов различных рок-групп Тольятти 1990-2000-х годов. Любит живопись, ведет свой жж-блог в Интернете, стихи пишет с 2006г.

Трусы не так гламурны
В глазах не тот закос.
Ты думаешь, я дурра,
Иль просто паровоз.
Мне ж холодно в капроне,

В ФОКУСЕ

А в кружевах как в швах.
Ты думаешь безвкусица,
А это просто страх.
Вот если я оденусь
В белье Коко Шанель -
Подвязочки и стразочки,
Диор и Кашарель,
Фужерчик Божоле налью,
И в позу на тахту -
Подскачет ведь давление
И я тогда помру.
Ведь мне несчастной гения
Никто не даст в постель,
Чтоб он меня со скидкой,
Лизал как карамель,
Чтоб он меня боязную
От бесов защитил,
От крокодила страшного меня поворотил,
Тогда быть может -
Кружева ланкомы и капрон
Носила б как портяночки армейский солдафон
Браслетики, фонетики гламурненько сверкать
И может дивкой страстною мне удалось бы стать.

Выкрутиться можно лишь запятой,
Спящей подушки пух.
Снова мысли растворяют меня,
Синтезирует гармошку слух.
Память - спящий морской вулкан,
Сердце – кратер чувств
Порядок смеется, гарантия одна,
Запляшет пиковый туз.
Разгадать намеренья Всевышнего,
Для себя наважденья и провал,
Возведу лучше лето,
Ароматную живопись
На золотой пьедестал.
Буду играть шелковистой водой,
Ласковой негой ручья,

В ФОКУСЕ

Слезы, ошибки, наркозы и боль
Не генерируя.

Ярослав

Поэт, художник. Родился в 1972 году, стихи пошли в 2004 году, в миру Ярослав, дизайнер. Выступал под псевдонимом Открытие. С 2008 по 2011 годы жил в Москве. С лета 2011 года – вновь в Тольятти.

Один товар, другой товар спихнуть желает.
Чтобы витрину поудобнее занять.
Товар в товаре видит лишь соперника, врага.
Желает каждый подешевле другого оценить,
Чуть только шанс на превосходство в нем заметив.
Весь мир - торговля, все мы в нем - товар.
А выше всех, конечно, капитал.
Как вам такое переложение Шекспира?
Все так или эдак, оказалось казенное,
на счетчики поделенное, калькуляторами учтенное.
Мы, неуместные, стремления бесполезные.
Стой горой перед рекой.
Перед бедой не расслабляйся, сам не упрекайся,
в себя не упирайся.

* * *

Пир во время чумы, войны.
Разве это не чудо-юдо, разве это не счастье-нечастье.
Ты прочувствуй шансы неограниченной продажи.
Свою жизнь перепланируй, самого себя перепланируй, даже.
Может и нужны бабы, женщины, но не для кровати,
так для чего же тогда кстати?
Что замещают эти люди, что не совсем люди.
Одни люди вместо других людей.
Брил, брил, да не добрил, только поросль развил.
А что лучше? Голодать помирать раньше времени?
Не верю в старчество благое, прошлое святое.
Раньше были жертвы вместо денег - землю орошали кровью.
Теперь природу - потом.

Критика на «Антологию»

Предварительные итоги.

Итак, «Антология независимой литературы Тольятти» (1990 – 2010 гг.) составлена. Не слишком важно, что будет с ней дальше – ждет ли ее отдельное издание или плавание в океане Интернета - главное, что она теперь есть, то есть некоторые литературные итоги прошедших двух десятилетий в тольяттинской литературе подведены. Конечно, итоги предварительные и неполные. Я не настаиваю на том, что всех безусловно лучших авторов литературного подполья Тольятти я собрал в этом сборнике. Но время всегда все исправляет. Возможно, кто-то из тех, кто не вошел в Антологию – был этого достоин, о ком-то я просто не знал, но это не оправдание – это констатация события. Главное, еще раз, попытка осуществлена.

Начну с фактов – в 1993 году мне, начинающему поэту, подарили первый самиздатский сборник поэзии. Затем были еще две-три книжки, а в конце 90-х годов я, не будучи серьезным коллекционером, уже имел в своей библиотеке 20 различных изданий, сделанных в домашних условиях – при помощи принтеров и сканеров. С тех пор коллекция самиздатской литературы только увеличивалась. И достигла ныне числа 40. Вот из этого числа тольяттинских авторов я и выбирал. Основной критерий отбора – независимость, маргинальность, «авангардность» авторов. Я попытался собрать здесь тех, кто двигался в сторону эксперимента, поиска необычной формы, впитывал новейшие достижения литературы. Почти все авторы, за некоторыми исключениями, малоизвестны, практически нигде не печатались. Для нескольких человек это вообще первая публикация. Кто-то из авторов Антологии ушел из литературы, кто-то умер, кто-то переехал в другой город, кто-то активно пишет и по сей день.

Я сознательно не включил в свою антологию талантливых авторов круга журнала «Город» - Елену Кареву, Александра Фанфору, Игоря Мельникова (недавно ушедшего из жизни), Алексея Алексева. У каждого из этих авторов случилось по десять и более публикаций в данном издании, так что они достаточно хорошо известны тольяттинской читающей аудитории. Также прошел я мимо наших уже прославленных драматургов – Вячеслава Дурненкова, Юрия Клавдиева и др., но по другой причине – они сейчас летают высоко, и выйти к ним с предложением участвовать в провинциальной Антологии представляется маловозможным. Некоторых авторов я хотел бы увидеть в списке авторов, но не имею их текстов и контактов с ними. Ну, и Сергей Щелоков, наконец, не включен в Антологию только по причине

временного несоответствия – Антология включает в себя тексты 1990 - 2010 гг., а он переехал в Тольятти в начале 2011 года.

Но это то, что касается потерь. Мне же гораздо более приятно говорить о поэтах и прозаиках, чьи тексты можно прочесть в Антологии. Итак, вот список всех авторов: Айвенго, Андрей Антипенко, Алексей Аристов, Татьяна Белоусова, Андрей Бехтерев, ВЛАДД, Вадим Гнатовский, Айсулу Годзиева, Сергей Грудев, Оксана Жарикова, Андрей Кабилов, Андрей Князев, Елена Кочева, Лада Дождь, Ладо Мирания, Михаил Лёзин, Константин Лиля, Виктор Ляшенко, Тимофей Михайлов, Дарья Муранова, Рафаэль(Ра), Родион Родионов, Сергей Сумин, Александр Тененбаум, Арина Усатова, Виталий Худяшов, Татьяна Шохова, Эльбрус, Ярослав, Андрей Ярославцев. Всего 30 человек.

Я не буду выделять лучших, с моей точки зрения, авторов «Антологии независимой литературы». Скажу лишь, что я не захотел делать ее слишком объемной – от прозаиков 1-2 рассказа, от поэтов – 8-10 некрупных стихотворных текстов. Я считаю, что для первого знакомства с автором этого вполне достаточно. Дальше, если автор заинтересовал, дело читателя отыскать тексты автора в Интернете или на бумаге.

Я также должен сказать, что из представленных авторов на сегодняшний день реально в литературе остались 8-10 человек. Они выступают с чтением своих стихов, появляются на фестивалях Тольятти и других городов, издают самиздат или печатаются в столичных или провинциальных изданиях. Остальные, к большому сожалению, взяли паузу. Надолго ли? Неизвестно. Будем надеяться, что они еще вернутся к художественному слову.

Ну и последнее – «Антология независимой литературы Тольятти» скоро появится в Интернете. На нашем сайте graffitt.ru уже начали выкладываться материалы Антологии. Тексты 12 человек уже выложены, остальные материалы – не за горами. Предполагается, что сайт помимо анализа современной ситуации на Средней Волге будет также заниматься и поиском интересных авторов 1980-х – 2000-х годов самиздата. В общем, наших авторов мы не покинем и они будут иметь еще и читательскую аудиторию Интернета. В целом и сайт, и альманах «Графит» будут выполнять одну задачу – знакомить читателей с самыми интересными авторами Поволжья и с самыми значимыми литературными событиями.

Сергей Сумин, составитель антологии Тольятти.

Мысли об Антологии

Еще лет пять назад меня могла удивить такая простая ремарочка человека о самом себе — я пишу (стихи, рассказы, книгу, ...). Мог даже заинтересоваться и что-то попросить почитать. Теперь же самовыражением меня не заманишь и уж тем более не удивишь. Писателей и поэтов (особенно их) стало великое множество. Мне даже кажется, что это особый тренд Тольятти, имеющий особенностью полное отсутствие литературной критики. Поэты пишут, что пишут и куда пишут: никто не знает. Хочется напомнить словами одного из авторов:

*«путь из писателей в читатели
короче чем наоборот»*

Айвенго

Мало того, что они пишут, это-то пусть и ладно, так они хотят все выступить и опубликовать свои тексты. Качество, как всегда, мало кого волнует. Главное выступить и опубликовать. Выступить и опубликовать. Но что? И самое главное - зачем?

К затеям Сергея Сумина (издание «Графита», стихи и т.п.) местное литературное сообщество относится со снисходительной ухмылкой, которое само при этом занято пережевыванием костей в «падсталом». Однако, несмотря на все это, Сергей продолжает опыты в книгоиздательстве и скоро представит новый проект «Антология независимой литературы Тольятти (1990 - 2010 гг.)».

Насколько я понял задумку Сергея, он попытался собрать таких авторов и такие произведения, которые по той или иной причине ранее нигде не были опубликованы. Увидев подборку, был удивлен — половина представленных им персонажей уже печатались и известны публике. Всяческие списки, как мне кажется, не случайны, тем более, когда их составляет один человек. И осмелюсь предположить, что Сергей, может быть, интуитивно отобрал тех авторов, которые ему лично симпатичны. Если вы доверяете его вкусу или хотите понять каков он, то смело приступайте к чтению его антологии.

«Более того, я уверен, что если вы сейчас расскажете мне все по порядку. Вспомните, что с вами случилось, то вы выздоровеете в самое ближайшее время. Главное восстановить мир. Он у вас нарушен. У вас сбиты все системы координат. Начинайте, прошу вас, пока вы меня слышите, начинайте, пожалуйста».

Андрей Бехтерев

Мучительные годы поиска пути, по-моему, может неплохо проиллюстрировать литература. Поэтому подборка Сумина, носящая гордое название антологии -

не просто демонстрация вкуса. Сергей попытался собрать и представить литературный слепок истории: кто и что сделал за последние 15 лет. А это были довольно непростые годы, как для наших авторов, так и для всей страны в целом. Листая страницы антологии Сумина, обратите внимание на даты написания произведений. Вспомните, где были тогда вы и что было с вами. С городом и страной.

«Что поджимать ноги,

Что раздвигать –

Во всём свой компромисс»

Елена Кочева

Валерий Трубин.

Попытка речи

У каждого города своя речь, своя интонация, своя литература. Антология литературы города Тольятти? Звучит не слишком презентабельно. Не Москвы, не Питера и даже не Самары. Антология независимой литературы Тольятти – звучит очень скромно, но составителя это, по-видимому, не смущает... Теперь подумаем – независимой от чего? Во-первых, ясно, что составитель отдает предпочтение маргинальным, скрытым от глаз широкой аудитории авторам родного города. Во-вторых, составитель пытается представить разные направления тольяттинских художников слова: авангард, ирония, «тихая» лирика, верлибр, прозаические миниатюры. Что ж, местами читать было интересно, а это главное...

Для меня важно было и то, что почти никто из читателей авторов этой Антологии раньше не читал. Я в свое время интересовался поэзией Тольятти, но 10-12 имен для меня – новость. Кто такие: Жарикова, Белоусова, Родионов, Михайлов, Ярослав? В сегодняшнее время, когда публикация текстов не стала проблемой, неактивность авторов в продвижении своих текстов – удивительна... Всех перечисленных авторов нет и в Интернете – но почему? Понятно, что причин много. Тем не менее...

Много ли вообще интересных авторов? Ну, несколько человек. 7 или 10 – не больше. Тем не менее, яркие авторы есть, а это уже приятный факт. Для начала это поэты, ярче всего проявившие себя в начале 90-х годов: Айвенго, Андрей Князев, МихДер, Ладо Мирания. Лично я слышал об этих поэтах еще 15 лет назад. Я вообще считаю, что их творчество было в какой-то степени схоже с деятельностью группы ОБЭРИУ в Ленинграде 20-х годов. Некие Хармс, Введенский, Олейников и иже с ними. Кто помимо них? Например, поэт

В ФОКУСЕ

«последних» вопросов бытия Дарья Муранова, философ небытия Родион Родионов или настроенный на чернуху и эпатаж ВЛАДД...

Насколько я понял, в Тольятти ситуация небольших замкнутых литературных сообществ была актуальна всегда. В Антологии я нашел упоминания о литературных студиях, поэтических группах («Олимпийские игры», «Комментаторы»), изданиях самиздатских книг и альманахов. В принципе, подобным образом в литературе на стыке 80-х и 90-х годов существовали и другие нестоличные города – Саратов, Челябинск, Иваново или Нижний. Везде были стычки и споры между соперничающими тусовками, каждая группа издавала журнал и т.д. В этом смысле Тольятти никак не отстал от других городов.

Что ж, Антология независимой литературы Тольятти появилась. Возможно даже, что идея будет иметь продолжение и мы через некоторое время увидим Антологию 10-х годов 21 века... Но это будет еще нескоро.

Владимир Сапожков.

Юрий Цаплин

Вероятность встречи

1

— Как шумен мир! — воскликнул Сергей Никитич, ранее отрекомендовавшийся человеком хорошим. Он был сегодня прост и симпатичен — я испытал живейшее желание рассказывать от лица Сергея Никитича, — лишь опасение в чём-то недотянуть, недопонять, не проникнуться остановило меня. Стало быть, Сергей Никитич был слишком хорош — и, как полагается, сказал чепуху, не оправдав таким образом надежд, которые вполне могли возникнуть в его отношении после почти блистательной первой фразы — а, скажите, многие ли ваши знакомые имели ум представиться так неопределённо и в то же время исчерпывающе категорично: «Сергей Никитич, человек хороший»?

Кому же он представился, спрашивает читатель, — хоть и уверенный в том, что рано или поздно, исчерпав запасы придаточных предложений, каждое из которых для этого читателя ничего не значит, зато другому видится то коробочкой, то пакетиком, из которых надо и даже приятно доставать всякие философии, намёки и просто красивые штучки типа спутанных новогодних гирлянд — он потягивает то за одно слово, то за другое, но узел становится туже и второй читатель оставляет в сладком недоумении эту грудку слов, чтобы перейти к следующей, в то время как первый читатель хоть и уверен, что рано или поздно я не премину сообщить, кому же Сергей Никитич сказал, что он человек хороший, и что мир так шумен, — и всё-таки первый читатель беспокоится и оттого может быть назван нетерпеливым читателем.

Дело в том, что по пути из гастронома на улице Пушкинской в гастроном на улице Сумской, каковой путь Сергей Никитич по обыкновению проделывал пешком, по пути этому Сергей Никитич стал свидетелем и даже очевидцем одного не упомянутого в газетах ни через день, ни позднее и, стало быть, незначительного случая, коим случаем явилось тривиальное дорожное происшествие, как то наезд большой и иностранной машины на девушку — с последующим задавливанием, так что оперативно прибывшая скорая помощь не нашла никакого поля для деятельности не то что в лице потерпевшей, а и в прочих её частях и членах; девушка скоропостижно скончалась: хряп, стало быть.

Наряду с Сергеем Никитичем свидетелями вышеупомянутого случая оказались ещё три молодых человека и чета пенсионеров, причём на последних

увиденное подействовало, не понять, то ли тонизирующе, то ли успокаивающе, но несомненно благотворно. Молодые же люди, мысля, возможно, разными способами, пришли тем не менее к одному и тому же решению и, оставив на растерзание злым и дотошным милиционерам пожилую парочку, сами быстрым шагом удалились с места происшествия. Говоря молодые люди, я подразумеваю также и Сергея Никитича, который, подняв воротник и прибавив ходу, всё пытался печально, но спокойно подумать об увиденном; однако ничего такого он не смог и лишь совершенно запутался в том, что касалось его теперешнего местонахождения, а шёл он по заваленному снегом безлюдному переулку, и за ним также быстро шли трое.

Снег выпал две недели назад и как на Пушкинской, так и на Сумской давно растаял, а если не растаял, то неузнаваемо почернел; но здесь, неведь где, лежал как вчерашний. «Не ходят здесь, стало быть, люди, не ездят здесь, выходит, машины», — подумал Сергей Никитич и споткнулся, потому что увидел, что большое современное, но очень несвоевременное здание перегораживает переулок, и не переулок это вовсе, а тупик. Сергей Никитич хотел оглянуться, но не оглянулся, а поспешил к приоткрытой стеклянной двери, которая, как думал Сергей Никитич, ведёт в какой-нибудь магазин или аптеку. За дверью была лестница, но не вверх, как это часто бывает, а вниз, что тоже бывает часто. Сергей Никитич полез (лестница была очень крута) словно в воду, и услышал музыку: это было кафе.

2

Зайдя, Сергей Никитич огляделся.

(Читатель должен оценить мою скромность: я применил хорошо испытанную и даже де-факто стандартную фразу вместо того, чтобы описывать, пытаясь при этом быть оригинальным, как именно огляделся Сергей Никитич (а огляделся он скорее испуганно и ничего не увидел. Тогда он понюхал темноту, и опять-таки ничего этим не добился. Тогда, осторожно перемещая центр тяжести, он сделал несколько неожиданно звучных шагов.))

Зажёгся свет, и Сергей Никитич оказался лицом ко входу, то есть к лестнице, откуда сошёл только что, — дверь наверху скрипнула, а потом скрипнула ещё два раза.

— Прошу вас, — сказали за спиной Сергея Никитича, он обернулся, но «садитесь» ему сказали снова из-за спины. Сергей Никитич прошёл к угловому столику и сел; тогда вполне удовлетворённый бармен вернулся за прилавок и хотел было дать себя рассмотреть, но тут новые посетители спустились по лестнице, и бармену пришлось вновь выйти и сказать «прошу вас» каждому молодому человеку в отдельности. Сергей Никитич, напрягшись, рассматривал

поверхность стола. Впрочем, стол можно было рассматривать и на просвет, он был стеклянным. «Стекло пуленепробиваемое», — постучав по столу и подмигнув, сказал бармен. Он стоял над Сергеем Никитичем и доверительно улыбался, собравшись, видимо, сообщить что-то ещё; но молодые люди попросили кофе, и бармен, подмигнув ещё раз, удалился. «И мне!» — слабо крикнул Сергей Никитич вдогонку; бармен утвердительно ссутулил спину. Предстояло, видимо, подождать.

Сергей Никитич огляделся третий раз, спокойно и тщательно. Кроме пуленепробиваемых столов, имелись: железный клёпаный пол, обитая тем же железом стойка и железная дверь вглубь. Легко вообразить, как врываются сюда чернокожаные; как грохочут автоматы, и звонко чиркают по полу пули, а из-за поваленного стола отстреливается раненый подпольный мультимиллиардер; а потом визжит и лягается ногами; а потом бармен, у которого, что немудрено, нервный тик, здесь же «расчленяет труп» и, заполнив морозильные камеры, смывает с пола запёкшуюся кровь; а потом миллиардера за два дня съедают посетители (все как один — восторженные поклонники местной кухни). Легко представить; вот только рюмки и бутылки за стойкой?..

«Пуленепробиваемые», — подумал Сергей Никитич и подмигнул; засим он повернулся и обратил своё внимание на трёх молодых людей.

В ожидании заказа молодые люди говорили громко, весело и наперебой; не так уж весело, подумал Сергей Никитич, а скорее возбуждённо. Было совершенно ясно, что речь идёт о происшествии с иностранной машиной — и наверняка молодые люди расхваливали друг друга за ловкость, с которой им удалось с места этого самого происшествия исчезнуть. Возбуждение и переживания эти были настолько близки и понятны Сергею Никитичу, что он почувствовал к молодым людям острейшую симпатию и воспламенился желанием поучаствовать в разговоре, для чего уж было привстал, откашливаясь, — когда один из молодых людей поглядел на Сергея Никитича с несомненной приязнью, хоть и слегка насмешливо, и что-то спросил. Сергей Никитич весь вытянулся по направлению к молодому человеку, однако ни слова не разобрал; тогда спросивший приглашающе махнул рукой, а Сергей Никитич взял стул и подсел к молодым людям на правах старожила.

Молодого человека слева звали Николай; он был невелик ростом, а волосом чёрен. Молодого человека справа представили как Сашу-в-шапочке; при этом он покраснел, но шапки не снял. Наконец, молодой человек напротив со смехом назвал себя Сергеем Сергеевичем; Сергей Сергеевич был небрит и коротко стрижен, а его чистые розовые руки прыгали по столу, как весёлые короткие мысли в голове у Сергея Никитича; Сергей Никитич выхватывал их одну за одной на потраву костру разговора, когда пришёл бармен и, раздав кофе,

заставил всех на секунду замолчать и воспользовался этой секундой, чтобы огласить цену.

3

За кофе разговор ещё более оживился; все галдели, мало слушая друг друга, но всячески стремясь донести свою скоропортящуюся мысль до максимального числа собеседников, а поскольку даже одному человеку мысли приходят на ум с частотой, как минимум вдвое превышающей пороговую частоту их речевого воспроизведения (иными словами, «всего не высказать, что на душе»), постольку каждый перебивал не только других, но и себя, отчего Сергей Никитич мало-помалу стал чувствовать себя хуже, как стал бы чувствовать себя хуже каждый, чьи самые остроумные реплики и самые глубокие, или, напротив, не глубокие вовсе, но рождённые завладеть умами замечания — на секунду повисают в воздухе, а затем канают напрямик в Лету.

Поначалу Сергей Никитич бодрился, то и дело ловя на себе понимающий и сочувственный взгляд Саши-с-шапкой, однако постепенно стал замечать некоторое странное несоответствие между Сашиными взглядами и собственными высказываниями, из-за чего Сашин взгляд уже не мог считаться понимающим, или скорее был понимающим вообще, что Сергея Никитича не удовлетворяло. Старания Сергея Никитича перекричать всех успеха не возымели; тогда Сергей Никитич заговорил шёпотом, но непосредственно на ухо Николаю, что тоже не дало зримых результатов, и Сергей Никитич уж было совсем замолк и даже вознамерился понять, о чём речь, как вдруг провозгласил по инерции: «Как шумен мир!» — и все замолчали и посмотрели на Сергея Никитича. «Ребята, — сказал Сергей Никитич, — да я б вам на гитаре бы!..»

Бармен вынес гитару.

Сергей Никитич отошёл к стойке и сыграл молодым людям лучшую из своих композиций; бармен чутко вызванивал трезвучия на рюмочках и бокалах, а под конец, азартно притопывая ногой, симпровизировал грациозное соло.

Николай и Саша аплодировали; возвращаясь на место, Сергей Никитич поглядывал на них с удовольствием, но в то же время как бы извиняясь. Обратившись было к соседу с каким-то вопросом, захлопал в свои чудесные ладоши и третий молодой человек, до того пребывавший в некоторой задумчивости. Сергей Никитич подошёл к столу и, поблагодарив всех широким жестом, сел, не сводя взора со своей чашки.

Между тем Сергей Никитич чувствовал, что продолжает оставаться в фокусе всеобщего внимания, словно успешно отвечавший и теперь обстреливаемый жёваными катышками отличник, каковое сравнение не может быть отнесено к реальной харьковской школе ввиду своей чрезмерной идиличности сиречь литературности. Короче, Сергею Никитичу стало не по

себе. Чувствуя себя донельзя неловко, он всё же счёл наилучшим посмотреть в глаза молодым людям, но не успел поднять головы, как к ней обратились с вопросом.

— Чего-нибудь покрепче? — поинтересовался бармен, и пока голова Сергея Никитича в нерешительности покачивалась, каждый молодой человек успел сказать своё «да»; Сергею Никитичу ничего не оставалось, как присоединиться.

По мановению руки с подносом обстановка за столом разрядилась; молодые люди продолжили прерванный разговор, в суть которого так и не успел проникнуть Сергей Никитич; теперь ему предоставлялась ещё одна возможность, тем более, что то ли для затравки, то ли для самого Сергея Никитича молодые люди пересчитали основные ими принятые положения. Казалось удивительным то, что всё это не имело никакого на взгляд Сергея Никитича отношения к уже упомянутому неоднократно происшествию из разряда так называемых трагических, — происшествию, которое, как молочко, свернулось калачиком, подернулось плёнкой и, вопреки общераспространённой сентенции, уютно укладывалось в голове (она, если говорить о голове Сергея Никитича, была вся внимание).

— Итак, — сказал Николай, самый неприятный из всех молодых людей:

— Как шумен мир! — он захихикал и значительно посмотрел на Сергея Никитича. — Эх, жаль не слышал я, что вы там ещё говорили. Не повезло с местом, — поделившись своими сожалениями, Николай дал слово Сергею Сергеевичу, толкнув того в плечо. Сергей Сергеевич дёрнулся, замер и скупой интонированным голосом перечислил факты, всем троим, по-видимому, уже известные. За столом царил атмосфера дружеского расположения и даже братской любви; тёплые переглядывания сопровождалось краткими восклицаниями и (в лице Николая) беспрестанным подмигиванием.

Тем временем из рассказа Сергея Сергеевича выяснилось, что он глухой, абсолютно. Что Николай глух наполовину — вследствие подробно разобранной сложной истории про двоюродную сестру, которая в ходе одной из типовых детских игр достигла необходимой степени достоверности в изображении жестокого мира взрослых, проколов братику ближнюю к Сергею Никитичу барабанную перепонку, — исполнительнице роли врача на момент операции было столько же, сколько Николаю через четыре года после — и за десять лет до этой теперь уже несомненно знаменательной встречи четырёх... Наконец, что Саша в головном уборе, а он как раз снял шапку, — так у него вата в ушах! — да, так вот Саша совершенно замечателен!

Николай и Сергей Сергеевич взирали на Сашу с любовным благоговением, а на Сергея Никитича бросали поощрительные взгляды, да так активно, что вопреки давно уже избранным правилам поведения с больными (сводимым к универсальному и очень полезному принципу невмешательства в чужое горе), Сергей Никитич жалостливо спросил: «Саша, что у вас с ушами?»

Наступила благоговейная пауза — за время которой Саша покраснел вдвое против обычной нормы, за которую следует здесь и далее принимать цвет неба на картине младшего Рериха «Кама с утра».

4

— У меня для того в ушах чистая белая вата, — сказал Саша, — чтобы черви не выползали.

Сергей Никитич замер — а Сергей Сергеевич посмотрел на Сергея Никитича, как бы говоря: вот он какой, наш Саша-с-червями!

Все взоры обратились на Сергея Никитича, чьи уши пылали. Наконец, Николай что-то спросил.

— Ребята... — не слыша себя самого, прошептал Сергей Никитич. — Ребята... А у меня...

Все перестали мигать; со лба у Сергея Никитича пошел дымок.

У Сергея Никитича была шляпа, вроде как обыкновенная официальная шляпа, шляпа с полями средней ширины, шляпа с ложбинкой для указательного пальца, шляпа, которую надо приподнять при встрече, шляпа, практически не засаленная внутри и, в общем, тщательная шляпа, но с зимними ушами, то есть сверху она была нормальная государственная шляпа; уши — они выглядели естественно, неожиданно, симпатично, росли из того же места и материала, что и поля, утеплены были внутри прокладочкой (никоим образом шляпа не казалась кустарной работой, она была элегантна, эта шляпа), уши продолжали шляпу в шлем, почти переводили её в новое качество. Конструктор шляпы подразумевал, что уши должны использоваться только зимой, а весной и летом будут убираться внутрь фески, и шляпа, таким образом, становилась бы просто шляпой, — но он как-то упустил, прошляпил тот факт, что, будучи засунуты, уши занимают некоторое место, и шляпа теряет размер-другой. Потому-то Сергей Никитич ходил всегда с ушами наружу, подметив, что, если использовать шляпу как приманку, в удачный день можно поймать на ней до пятисот человеческих взглядов различной продолжительности и эмоциональной окрашенности. И хотя всякий взгляд приводил Сергея Никитича в смущение, в глубине души он всё-таки любил свою шляпу, был с ней солидарен и даже в чём-то соответствовал ей. Не всякой душе доступна экстравагантность, но всякая, несомненно, о ней тоскует — как ни крути, а неповторимость души требует неповторимости внешнего облика, не удовлетворяясь при этом всякими богом данными мелкими полицейскими различиями. К сожалению, во всех смыслах, шляпа — это единственное, что полагалось Сергею Никитичу.

У Сергея Никитича не было друзей, то есть они у него были в детстве и в юности и не так уж давно, ещё летом, они сидели все вместе за столом, сидели

довольно долго и, как думал теперь Сергей Никитич, сидели скучно, но счастливо (он полагал сомнительной возможность разнообразного счастья и, далее, отождествлял однообразие со скукой, таким образом, по определению отделяя бытовой сплин от так называемой тоски (высокой, необъяснимой и т. д.)) — сидели они в ожидании веселья, которое вряд ли могло выкристаллизироваться из разговора, какой был затеян, а именно: «Глупо всю жизнь проработать на одном месте», «Работа — одно, а жизнь — это другое», «На работе тебя много, а в жизни ты один» (оговорка? на самом деле, как догадывается читатель, всё наоборот). «Зверь не бывает одинок, — говорил уже Сергей Никитич, — у зверей бывают стаи, и у птиц бывают семьи...» И далее он выразился в том смысле, что люди должны изначально существовать сами по себе, и только потом сходиться, стараясь не переборщить. Необходимость в общении ничем не выше необходимости быть одному, а уважать надо и то, и другое.

«Нашлись оппоненты, нашлись и доводы против» или «Друзья резко возразили Сергею Никитичу», — но он не стал с ними спорить. Они повышали голос, кричали наперебой — Сергей Никитич глядел в самовар и оставался безучастен. Тогда, пытаясь обратить неудавшийся спор в шутку, Сергея Никитича начали выталкивать из-за стола. В коридоре остановились: ввиду отсутствия всякого сопротивления предполагаемое и отчасти уже произошедшее пинание не могло быть отнесено к разряду дружеских потасовок — следовательно, выходило за рамки приличия, — друзья же Сергея Никитича были приличными людьми.

Испугавшись себя и своих каменных улыбок, они вернули Сергея Никитича за стол и сами сели. Самовар же отнесли на кухню; но не доливали воды.

И Сергей Никитич поднял голову; и стал Сергей Никитич смотреть в глаза друзьям своим. И отводили они глаза, потому что остывало в них бешенство, но оставалась ненависть.

С того вечера Сергей Никитич не встречал друзей, и неизвестно, злорадствовали они, мол: «Пусть похлебают теперь своего одиночества», или скоро обо всём позабыли.

И, может быть, один Сергей Никитич помнил свои слова о необходимости быть одному. И тогда, может быть, уже ни один человек не верил в такую необходимость — потому что Сергей Никитич в неё уже не верил. Не верил, потому что у него не стало такой необходимости. Или такая необходимость была в нём полностью удовлетворена.

Сергею Никитичу хотелось, может быть, лета. Или того, что было летом. Или того, что вообще летом бывает.

«Всякое бывает летом», — скажет нетерпеливый читатель и будет неправ. Потому что летом бывают компании — и о них думает Сергей Никитич.

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Да, некоторые компании существуют целый год. А некоторые — целых два года. Но именно, что существуют! Осень; зима; наконец, весна — компании перепрыгивают этот глупый период, как болото — по кочкам считанных вялых сборищ, даже самое главное из которых — Новый год — заканчивается для каждого из компаньонов затяжным одиночным сном-похмельем.

И только к концу весны компании выходят на берег, чтобы развернуть необходимую деятельность. Пока это только «так называемые компании» — лишь тени компаний настоящих. «Так называемые компании» покупают всё, что надо купить, собирают всё, что надо собрать, даже пишут инструкции — потому что к всплытию из анабиоза настоящих компаний всё должно быть готово. Чтобы компания жила. А настоящие компании живут летом! И жизнь настоящих компаний, как лето, коротка.

Вот жизненный цикл компаний. Люди же, компании составляющие, подчинены сразу двум циклам — потому что каждый из людей ведёт свою автономную человеческую жизнь, — зачастую (смешно!) считая жизнь компании делом второстепенным.

Игра двух этих ритмов, циклов, меняющихся моментов сил — является основной пружиной человеческой судьбы.

Одной частью души человек обращён в компанию, другую бережёт для себя — и напоминает термопару.

Сергей Никитич был лишён одного ритма, он был лишён части души.

Но весь вечер он слышал ритм; и он думал, что это тот ритм, что нужно. Может быть, просто смерть неизвестной девушки всколыхнула какие-то сферы — и Сергей Никитич услышал. А может быть, смерть неизвестной девушки просто привела Сергея Никитича в компанию молодых людей: Саши, Серёжи и Николая, которые звучали так правильно. И тогда понял Сергей Никитич, что близится лето. Он понял, что нашёл. Но он ещё не понял, что потерял; — а между тем быстро, как во сне, выскользнул из-за стола гаденький Николай; медленно, как во сне, встал Серёжа, скривился и пошёл к лестнице; значительно, как во сне, уходил гость Саша...

Потому что жизнь — это парад снов.

Жизнь — это медицинский диспут на пригородной помойке и советы получать удовольствие.

Жизнь — это пустые пальцы перчаток по пути в школу и полные карманы грехов по пути обратно, когда тени деревьев — нешифрованные рунические письмена.

Потому что жизнь — это

К Сергею Никитичу подошёл бармен и предложил заплатить за четверых.

1994 г.

Александр Сорочан,
доктор филологических наук,
г. Тверь

Тверская поэзия как перформанс

Поэзия рубежа веков в представлении самих поэтов всегда имеет дополнительную значимость – сменой или надеждой на смену вех.

Ситуация рубежа веков в Твери позволяет поставить вопрос не только о смене поэтических поколений, но и об изменении ориентиров писательского поведения. Однако многие новации здесь — условные и иллюзорные. За прошедшие с конца 90-х 12 лет изменилось многое, литературная жизнь меняет свои формы — как в столицах, так и за их пределами. Но если взять литературную жизнь одного региона, мы обнаружим любопытный вектор движения — то, как ушедшие в прошлое стратегии поэтического перформанса возродились в новом тысячелетии. И как поэты вернулись к тому же «эффекту действия».

Напомню, к перформансу можно отнести любую ситуацию, включающую четыре базовых элемента: время, место, тело художника и отношение художника и зрителя. Я не буду рассматривать телесные критерии — хотя внешний облик поэта в провинциальном городе представляет интересное поле для рассуждений, не стану рассуждать о времени, однако в целом картину очертить довольно легко.

1. Эстетизация жизни как условный признак поэтического.

В провинциальном городе, в нашем случае в Твери, это воспринималось как неизбежность — вместе с поэтическим обликом и «аурой благородной неудачи». Здесь к концу века все очевиднее становилось стремление дистанцироваться — и образовать между собой и публикой зону отчуждения, позволяющую высказываться абсолютно свободно.

2. Нормативное поведение провинциального поэта в 90-е: эффект саморепрезентации, оправдание ожиданий, привлечение внимания — именно в таком порядке.

В нашем городе было несколько вариантов — так, Игорь Васильев создал поэтическую газету «Рифма», нерегулярно выходившую, но снабженную лозунгом «Эта газета — газета поэта». Тираж раздавался — причем в самых неожиданных местах. Васильев мог прийти в библиотеку, мог зайти в университет, а мог распространить тираж в ближайшей пивной. В целом понятный ход — обесценивание поэтического слова, в первую очередь слова печатного. В «Рифме» «профессиональные» тексты соседствовали с

графоманскими на равных, границы стирались, редактор иногда намеренно монтировал материал так, чтобы в пределах одной полосы как бы переходили друг в друга тексты совершенно различного уровня. Демонстративный отказ многих поэтов издавать собственные книги (даже когда предоставлялась материальная возможность, и были готовые тексты) оказывался частью той же самой стратегии. С этим, кстати, была связана в конце 90-х идея цикла вечеров «Поэты без книг». Эта составляющая, так сказать, традиционная — репрезентация своих талантов осуществлялась в некоем монтируемом «параллельном мире». И такое поведение «в слове» неминуемо находило соответствие и в жизни. «Поэтические оргии» — определение, придуманное Мариной Батасовой, — наиболее точное описание тверских поэтических сборищ конца века, будь то презентации или авторские вечера; поэты без грима и масок себя не мыслили.

Так же строились и отношения с публикой. Пародист Борис Баламутов посещал каждое литературное мероприятие в городе и огорошивал собравшихся приличными по форме, но весьма двусмысленными экспромтами и вопросами. И неоднократно был выводим с вечеров... Старуха Изергиль (персонаж Александра Константинова) не только выступала в ночных клубах Москвы, Петербурга, но и читала свои стихи на улицах Твери.

3. А потом произошел переход «параллельного» поэтического пространства... Мы можем говорить о своего рода отступлении в 2000-х: «подполье» здесь воспринимается как прием и защитный механизм. Литературная жизнь не замирает, она продолжается, но внешние ее выражения привлекают куда меньше внимания. То есть выходят книги, проходят презентации и поэтические вечера, но время перформанса почему-то прошло: последняя такая акция относилась к проекту «Зеленин-Лебедев-Путин навеки»¹ (2003 год, Старуха Изергиль, Алексей Глухов). Если в это время и проходили какие-то акции, то они казались несколько запоздавшими (как яркий пример — вечер, приуроченный к 100 дням со дня смерти «шансонье» Михаила Круга). И попытки вывести поэзию из этой зоны недоступности путем акций были не востребованы.

Одним из интересных поэтов этого времени становится Святослав Михня — поэт, воплощающий во многом «дух места», автор многих путеводителей, человек, «чувствующий» родные места как никто другой.

4. Однако в конце 2000-х начинается возвращение к прежнему поведению; снова проявляется интерес к сериям акций, к внешнему, привлекающему повышенное внимание (от абсолютно эстетских вечеров проекта Кино/текст до сочетания поэзии с танцем живота).

¹ Зеленин — губернатор Тверской области, Лебедев — мэр Твери.

К подобной тактике возвращаются как отдельные поэты — Дарья Родина или участник всех фестивалей свободного стиха Ефим Беренштейн, так и литературные студии, союзы. Так, церемония вручения литературной премии «Золотая тыква» Тверского союза литераторов была изначально задумана как шоу. Правда, реакция публики на выбор формата не была однозначной, и например, члены другого союза — Союза писателей России — всячески за это Марину Батасову критиковали. Однако союз литераторов этой тактике остается верен уже несколько лет. Среди самых интересных акций, пожалуй, надо назвать проект «Кино/текст». Тем более, что проект этот странный. Явно рассчитанный на эффект, он в то же время был усложнен и эстетизирован настолько, что публики в зале собиралось 10-20 человек. Суть его в том, что немые фильмы Майи Дерен, Сегундо де Шомона и др. озвучивали своими текстами современные поэты и прозаики. Можно ли воплотить образы великих немых фильмов в литературном тексте? Может ли слово соединиться с изображением? Возможно ли преодолеть барьер между логикой и фантазией? Можно ли прочесть то, что изначально рассчитано на уникальное восприятие?..

5. Идея оживления поэтической жизни — кажущаяся причина; настоящие причины гораздо глубже. Диалог поэтических газет (уже известной «Рифмы» и созданной в порядке полемики газеты «НЕ В РИФМУ»), поэтические диалоги как возрождаемая форма и условный эпатаж как фикция (ненастоящие стихи, ненастоящие интервью, неподлинные тексты). Борьба поэтов с аудиторией упрощается. На очередной «Золотой тыкве» недовольный выбором жюри поэт Кропачев собирается «бить критику морду»; критик Бойников инициирует настоящие поединки с поэтами. А один из самых экспрессивных поэтов Твери — Дарья Родина — пытается утопить самого Бойникова. На этом фоне совершенно очевидна востребованность архаичной эстетики перформанса в столичной среде — успех старухи Изергиль сменяется десятилетием забвения, чтобы обеспечить успех ее «Ансамбля Христа Спасителя и Мать Сыра Земля» в столичных клубах и в Интернете).

Осторожно к этой тенденции примыкают и самые молодые поэты, как например, член Тверского клуба литературных начинаний, созданного К. Кропачевым, Владимир Матюнин.

Я мог бы предложить несколько вариантов объяснений:

1. Волновой принцип — от эпатажа к «внутренней жизни» и назад.
2. Постмодернистская ситуация — цитатность приема.
3. Влияние Интернета, за пределами столиц обеспечивающего основу поэтической тусовки, но после адаптации к пост-гутенберговскому миру возникает потребность компенсировать недостаток общения.

Легко увидеть уязвимость всех этих концепций. Из трех категорий — пространство, время, и материальность — первая учитывается в наименьшей степени. Важно не только само действие и его временные рамки, но пространственные ориентиры — теперь, когда различия в литературной жизни провинции и столиц определяются, они приобретают еще большее значение. Впрочем, у многих читателей и авторов должны быть собственные мнения по данному вопросу.

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (Тверь)

Марина Батасова

Под утро снились тени-волки,
Меня не слыша и не чуя,
Во двор пустой, где я – иль нет меня? –
Скользящий сумрак,
Но не потревожен
Никем, перетекал.
И я спала.
И рядом тень меняла кожу.

Заросли малины –
Для лакомки Марины.

Истекает соком
День в траве высокой,

И пропитан жаром,
Бредом, высшим даром

Каждый час до смерти.

И трещат сороки,
Что в малине черти.

человек в летнем городе
улицы кошки машины дела
летящее время
и одуванчики
беспечные на ветру
одуванчики
вдоль всех дорог

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (Тверь)

Ефим Беренштейн

убогая пустыня
да крыша ночи тёмной
есть две смешных святыни
бездумный и бездомный
беспочвенный на ощупь
почти что бестелесный
неимоверно тощий
и в общем бесполезный
почти что одичалый
почти что нет в помине
давай начнём сначала
убогая пустыня

никогда и ничего
угасание минора
ночь без той
зовут кого
светлым именем линора

никогда нигде никак
ни угара ни укора
но зачем стучит в висках
имя светлое линора

снова злое nevermore
мне прокаркал вечный ворон
прочь могильное дерьмо
здесь владения линоры

мой репертуар так беден
у эдгара
роль суфлёра
for the rare and radiant maiden
whom the angels call
линора

ночь не сгонишь со двора

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (Тверь)

ночь
как прах любви старинной
что мне до чужих утрат
имя светлое...

попробуй
оказаться в тишине
приляг
закрой глаза
или как хочешь
и в этот миг не помни обо мне
ни днём не помни
ни конечно ночью

я сам
мне кажется
припёрт к стене
точнее
к стенке
для уничтоженья
и то что ты не помнишь обо мне
даёт слепую ясность утешенья

уже покорный собственной судьбе
осознавая
до чего легко мне
пронзительно не помню о тебе
ни днём ни ночью о тебе не помню

Владимир Матинов

аятолла

будь моим максом бродом
оправдай меня перед моим народом
я нерон я калигула я жан жене
объясни мое величие моей бывшей жене
будь моей защитницей перед реальностью
костями меня защити от реальности

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (Тверь)

уйми, успокой мой страх перед ней
и мой первый гонорар ты смело пропей
ты можешь публиковать меня ночью и утром
ты можешь смахивать крошки меня со стола
в благодарность к прибитым на стену сутрам
ты моя богиня, мой набаб и айятолла!
замочи меня на ночь в бокале бурбона
будь моим максом бродом, будь!
покажи мне красоты рима и лиссабонна
вообщем за руку отведи меня на этот путь
я боюсь мне литератору не в первой бояться:
конформистов-родителей, болезней и вздорных баб
это на бумаге "перегар, щетина, табак и яйца"
в жизни же любой литератор труслив и слаб
струйки пота, ладошки мокрые, переписка
опустившаяся некстати родная писка
будь моим максом бродом, будь!
только вышесказанное сотри (сожги) и забудь!

Святослав Михня

Солнце встало обессилено.
Чай, не лето в Абиссинии.
Над Россией неоглядную
осень ранняя прохладная.
Раны нанося прекрасные,
шепчет мне, что жизнь — напрасная,
лихо пущенная по ветру,
на нуле, как по термометру,
утомить умеет тщетностью,
но не верю в беспросветность я.
Хоть на сучьях солнце вздёрнуто,
сердце в красный лист завёрнуто.

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (Тверь)

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Вязы, вчера ещё голые,
снежную носят обнову.
И не заметишь – на голову
белые лягут покровы.
Время нас как бы ни грабило,
жаждется: то, что случилось –
переписалось бы набело.
Или хотя бы забылось...

День длится без меня, но прежними глазами
смотрю и вижу блеск весеннего дождя,
смывающего боль разлуки между нами
и снег на рукаве гранитного вождя.
Не снег, а, может, кровь? Да и уже не важно.
Как ни смотри, исчез, остыл земной кошмар.
В нем значился и я одним из персонажей
и принимал ту роль за неслучайный дар.
Но вечен мой антракт, и не слышать оваций.
Вся публика ушла и некого играть.
И памятник – всего фрагмент из декораций,
а снег там или кровь – уже не разобрать...

Дарья Родина

Иди сюда, смотри в колодец мой,
Здесь тьма над бездною,
здесь май и наслаждение,
Не уходи пока, побудь со мной,
Я приношу удачу и везенье.

Не огорчай меня, я так нежна,
И так моё ранимо цветоложе,
Что каждый раз, когда кругом весна,
Меняю старую, истёршуюся кожу!

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (Тверь)

Валяясь в тёплой и рассыпчатой пыли,
Тебе навстречу распушаю перья,
И ты шагаешь, веря и не веря,
Что наш корабль не будет на мели...

Заходи, уродец, почирикаем,
Нам с тобой все беды нипочём!
Чай попьём, на скрипке попиликаем,
Потанцуем, ёлочку зажжём!

От тоски совсем охолодели,
Хлещет по щекам колючий снег,
Заходи уже, на самом деле,
Ты, хоть монстр, но полу-человек!

На кого же ты меня покинул,
Право же, изрядная свинья,
Это был почти что выстрел в спину...
Заходи в меня, моё второе Я!

Андрей Пермяков

№1

На самом входе в Ашан, где нерусская женщина прячет в лёгкий пластик рюкзаки и сумки, дабы дорогие покупатели меньше воровали, Аня, привычным жестом оторвав половину мелкоклетчатого листка, протянула её Вовке. Взял молча. Вчера наговорились, кажется, насовсем.

Пошёл обычною дорожкой, скидывая время от времени пакеты и коробки в корзину. Вдоль рядов мороженого мяса, похожего на неприятно застывшую лаву, вдоль рядов ватной клубники, похожей на мороженое мясо. С этих ягодок из мифов интеллигентных народов СССР всё и посыпалось двадцать лет назад. Может, оно и к лучшему. Вернулся с корзинкой к Ане. Не искал даже, знал где она сейчас. Всё-таки со школы вместе. Нетрудно предсказать траекторию отработанных передвижений.

Вытряхнул содержимое корзины в тележку, не посмотрев ни на Аньку, ни по направлению её взгляда. Обычно медлительность жены его злила, а тут ничего не чувствовал. Даже пустоты. По списку осталось набрать немного. Три шайбы шпрот в масле погромыхивали по пустому дну, пока их не придавило другое потребительское счастье. Почти в самом конце бумажки было написано «вкусненькое». Этот пункт всегда вызывал лёгкий сбой программы: думал, чего на этот раз Анька имела в виду. Теперь стало просто. Сложил на свой выбор мясного и испанского.

Список заканчивался непонятными значками по разлохмаченному краю бумажки, смахивающими на вермишелевый юго-восточный алфавит. Оторвала, дура, прямо по слову «чай». Точнѐхонько по его середине, вдоль. Теперь полслова у нее, полслова у Володи. Непонятно, кому брать. Там, где переулки города продуктов пахли столовкой пионерлагеря, сортов чая стояло раз в десять больше, чем нужно нормальному человеку. Без остановки, наугад, взял коробку, чуть уколол ладонь острым уголком. Купит Аня тоже — ну и не страшно. Будет у неё свой чай, а у него свой. Так и начнём раздел имущества. Шутка вдруг показалась смешной.

Возле кассы быстро покрыли гадостную ленту транспортѐра кучей покупок. Расплатились тоже молча. А в маршрутке неожиданно разговорились и даже посмеялись вместе над пластмассовыми складками могучей шеи водителя в редких носорожьих волосках. Ненадолго показалось, будто и не было вчерашней беседы за полночь с надрывным, а после спокойным, а потом надрывнее того упоминанием имени Настя. Впрочем, путь от остановки до

ТРИ РАССКАЗА

подъезда оказался снова молчалив. Хорошо, идти недалеко, да и сумки маршруточного цвета оказались вполне тяжёлыми.

Дома Володя, прислонив пакеты и прочее к пожилой клеёнке на кухонной стене, ушёл переодеваться. Самая большая сумка, впрочем, сразу упала на коричневый линолеум. Она так всегда падала, но Аня, против обыкновения, не стала ворчать, её разбирая.

А когда минуты через три Владимир вновь появился в кухонном проеме, жена стояла спиной к нему у окошка, выходявшего на светло-зелёный, страховидный дом напротив и молча плакала. Нет, у неё не вздрагивали плечи, и руки не скользили сами собой по подоконнику. Просто Володя знал, когда она плачет. Причины только менялись всё время. Вот теперь, конечно, расстроили её две одинаковые-преодинаковые пачки чая «Ахмад», сорт «Английский № 1» в упаковках с жёлтой полосой, 250 граммов каждая, стоявшие рядом на столе. Интересно, сколько там чая в фунтах?

Вертолеты

Крутятся, крутятся, медленно падают. Не падают даже, а садятся тихонько. Одно чуть выше и правей другого. Два крылатых семечка липы. Интересно, когда не было вертолётот, с чем их сравнивали? Смешно, да: вертолётот не было? Не было вертолётот!!! Даже выговаривать такое смешно. А всё равно здорово в Москве, лип много. Особенно в центре.

Вот в Перми одни тополя. В Саратове тоже тополя, но хотя б пирамидальные. Красивые. А от наших, уральских, только пух. В девяносто шестом им весь город засыпало. Толстым-толстым слоем. Лежала вата на дорогах, на мостах, на Дэу-Нэксиях, на крышах бронированных коммерческих палаток. И на лице Льва Иосифовича. Его когда из морга вынесли, родственники какие-то документы потеряли, потому гроб долго стоял открытым. Морг у нас территории психбольницы, я всё думал: вот подбежит какой-нибудь псих и пух подожжет. Просто надо ж было о чем-то думать.

Я так-то мединститут закончил. Мёртвых видел много. Они были действительно мёртвые, но не настоящие. И родственники ещё часто умирали. Это тоже совсем другое: всё равно ж свой человек, хоть и неживой. А Лев Иосифович всерьез умер. И пух всерьез лежал.

Николай Николаевич тоже сначала умер всерьез. Только на нём не пух был, а наоборот — снег. Дело было в начале января, через десять лет после Льва Иосифовича. Николай Николаевич был очень хорошим. И ученым хорошим, и специалистом тоже. Рак лечил и болезни иммунитета. А про свой рак узнал за неделю до смерти. Сам узнал, раньше врачей. Те его от пневмонии лечили. Гроб стоял во дворе института, люди речи говорили, торжественно так,

ТРИ РАССКАЗА

долго. Прощаться, наверное, не хотели. А может, надеялись: гроб снегом совсем занесет, и ничего не надо будет делать. Всё само собой случится.

И тут мне Яшка позвонил. Неудобно, когда на панихиде телефон хрюкает. Хорошо, моя очередь у гроба стоять прошла уже, я только повязку снял, и снег с босой головы очистил. А он звонит, в трубку плачет:

- Элька умерла.

И больше ничего не плачет. Эля в том году институт закончила и в аспирантуру поступила. И квартиру ей папа новую купил. И машину. И мальчик у нее был красивый, очень умный. А Элька все время училась разным языкам. Уставала сильно. Таблетки пила. Ну, в аспирантуре можно тазепам достать. И барбитураты тоже. От них отдыхаешь хорошо. Только вместе их пить нельзя. И с алкоголем тоже нельзя. Этому аспирантов точно учат. А Элька вот подумала, будто только другим нельзя. Проснулась ночью, говорит:

- Пойду, кофту повяжу.

Мальчик мог бы догадаться: кофты в четыре утра здоровые люди не вяжут, но не догадался. А утром его догадки уже не нужны были. Наверное, Эльви́рин папа его потом сильно ругал или не знаю.

Так вот. Когда Яшка мне позвонил, я понял: это всё тоже не настоящему. Николай Николаевич — он из книжки. Книжку Юз Алешковский написал. И Эля из книжки. Из книжки Бориса Рыжего. Она там уже один раз умерла. Сразу спокойно стало.

И теперь тоже мертвых много, но они не настоящие. И вообще о них думать нельзя и о смерти тоже. Через полчаса выходить на позицию. К бывшему кинотеатру «Россия». По данным контрразведки ожидаются провокации в районе Белой Полосы. А на провокации всегда прилетают вертолёты ООН. Миротворцы хреновы. Разве наденет нормальный человек голубую каску? Сдохнет, да не наденет. Им не важно: наши, не наши. Чем больше со своих стрекоталок ребят перебьют, тем быстрее мир наступит.

И будут здесь только липовые семечки падать и тополиный пух летать. Ну, на фиг.

Гламур

Верочкин мобильник пел отвратным голосом Сергея Лазарева. Ну, кто ей сказал, будто можно носить такую жуткую мелодию звонка? Пускай купила подержанный, так смени настройки-то. Нокia. Значит, надо поставить звук Vertu. Играет не хуже родного.

Немножко улыгнувшись, девочка скользнула в деревянный коридор, зачирикав на грани приёма — голос слышно, а слов не разобрать. Сквозь образовавшуюся с того края столика пустоту зал кафе обрёл завершенность.

ТРИ РАССКАЗА

Впрочем, почти весь угол обзора, доступный Анатолию, занимала тыльная сторона весьма корпулентного дядьки. Мужчина руками брал с продолговатой тарелки куски жареного мяса и складывал их в невидимый сзади рот головы. Уши его, похожие на крупных креветок, музыкально двигались в такт.

Вот почему так несправедливо устроено: один хочет ушами шевелить, старается, а ничего не выходит, а другой просто так жуёт, и уши подпрыгивают? Толя перевёл взгляд за окошко. Своевременные, не ранние и не поздние, мартовские сумерки облегали железяки четырёхглавых фонарей. Интересно: видят космонавты, лампочки или нет? По одной, наверное, не видят – триста километров все-таки, а четыре вместе видят, конечно. А может, и все четыре не видят – светильники же книзу смотрят, сверху кожух.

«Ведь мы, наверное, последнее поколение, кому интересно думать про космос». Погонял эту мысль с удовольствием, устроил надёжно в памяти. Анатолию нравилось анализировать свои ощущения, особенно после ужина.

Верочка уселась, точно и не сбегала. Только радости на мордашке стало больше. Сразу захотелось испортить ей настроение. Не сильно так, в меру. Да и не испортить даже, но объяснить немного про устройство внешнего мира.

- Ты говорила, рассказы пишешь, да? Их где-то печатают?

- Ну... нет пока. Я прозу на студии читала, многим нравится. Там настоящие писатели есть.

- На сту-удии. Анатолий засмеялся, обидно показывая зубы.

- А что, это плохо?

- Ну, нет, нормально. Просто те, кто на эту студию вашу ходят, понимают, что они неудачники?

- Почему неудачники?

- А потому что мимо тренда.

- И кто тогда удачник? Дарья Донцова?

- Ну, чо за фигня? Акунин удачник. И Гришковец. А самый удачник — Пелевин. Он тренды создаёт, а другие им следуют.

- Это, значит, круто – создавать тренды, да?

- Только это и круто. Вот ты в девяносто пятом в школу уже ходила?

- Ходила, конечно. Во второй класс.

- А я учился на втором курсе. Когда Игорь Григорьев стал «ОМ» издавать, до меня всё дошло. Ну, понимаешь, мы думали, будто круто это «Рокада» какая-нибудь или «Метал Хаммер». И вдруг появляется журнал, где всё про тебя сказано. Тогда ж зарплата была баксов по пятьдесят, в Италию только за шмотками ездили. А тут написано: у кого нет в сезон тыщи долларов на одёжки, тот ни фигя не человек. Знаешь, как мозги на место встали? Там, в ОМе, Шура появился и Сергей Зверев. Про них ещё никто не знал.

- И ты стал зарабатывать по тыще долларов?

- Ну, нет..., не сразу. Зато понял, с каким быдлом рядом живу.

ТРИ РАССКАЗА

- В Москву поэтому уехал?

- Нет. У меня потом ещё семья была, долго. Зря, конечно. Я только что приехал. Надо было раньше.

- И чего теперь, рассказики писать нельзя?

- Можно. Но надо чтоб они трендовые были. И параллельно заниматься другим трендовым делом. Я, например, на Форексе торгую.

В прошлом месяце подросток фунт сожрал две трети Толиной зарплаты.

- Ну-у, я вот прозу для себя пишу, в основном.

- Для себя ничего не бывает. Сейчас нет внеконкурентных областей. Вот эти лайф-шоу – они для чего? Они для того, чтоб человек понял: за ним постоянно смотрят другие люди, и он должен соответствовать. Так надо. Всё равно сделают когда-нибудь такую штуку, типа рейтинга в ЖЖ: чтоб сразу было понятно, кто чего из себя представляет. И возникнет новая элита. Деньги ж не все решают.

Столик остался почти пустым. Тарелки будто сами собой укатились.

- Счёт можно забирать? Блондинка в жуткой кофточке смотрела почему-то на Верку.

- Да, конечно.

Когда коричневая книжка вернулась обратно, Анатолий даже не глянул на неё. Но уходя, пропустил Веру вперёд и чуть замешкавшись, выгреб сдачу. Вроде, никто не заметил.

Из Коломенского парка, где гуляли половину дня, угощаясь суздальской медовухой, тянуло противным ветерком. Уже возле кинотеатра Вера обернулась:

- А давай в тир пойдем? Он тут, около метро прямо.

- Ну, пойдём. Поприкалываемся.

Толя стрелял классно. Хоть из мелкашки, хоть из карабина СКС, хоть с вертикалки. С вертикалки, пожалуй, лучше всего. Там отдача здоровенная, не все справятся. В тире, однако, были только старые-престарые пневматические винтари.

- Зарядить?

- Не, я сама. Я так-то умею.

Умеет она. Щас узнаем, кто чего умеет.

Жестяные зверушки с чёрными кружками мишеней, похожими на обозначения столиц в политических картах, двинулись чуть ниже уровня прилавка. Толя стрельнул первым и неожиданно промазал. Через секунду лисичка опрокинулась от Веркиного выстрела.

- Один - ноль.

Впрочем, после пятой зверюги считать Анатолий перестал. Так не бывает: он все пять раз промазал, а Верочка наоборот.

ТРИ РАССКАЗА

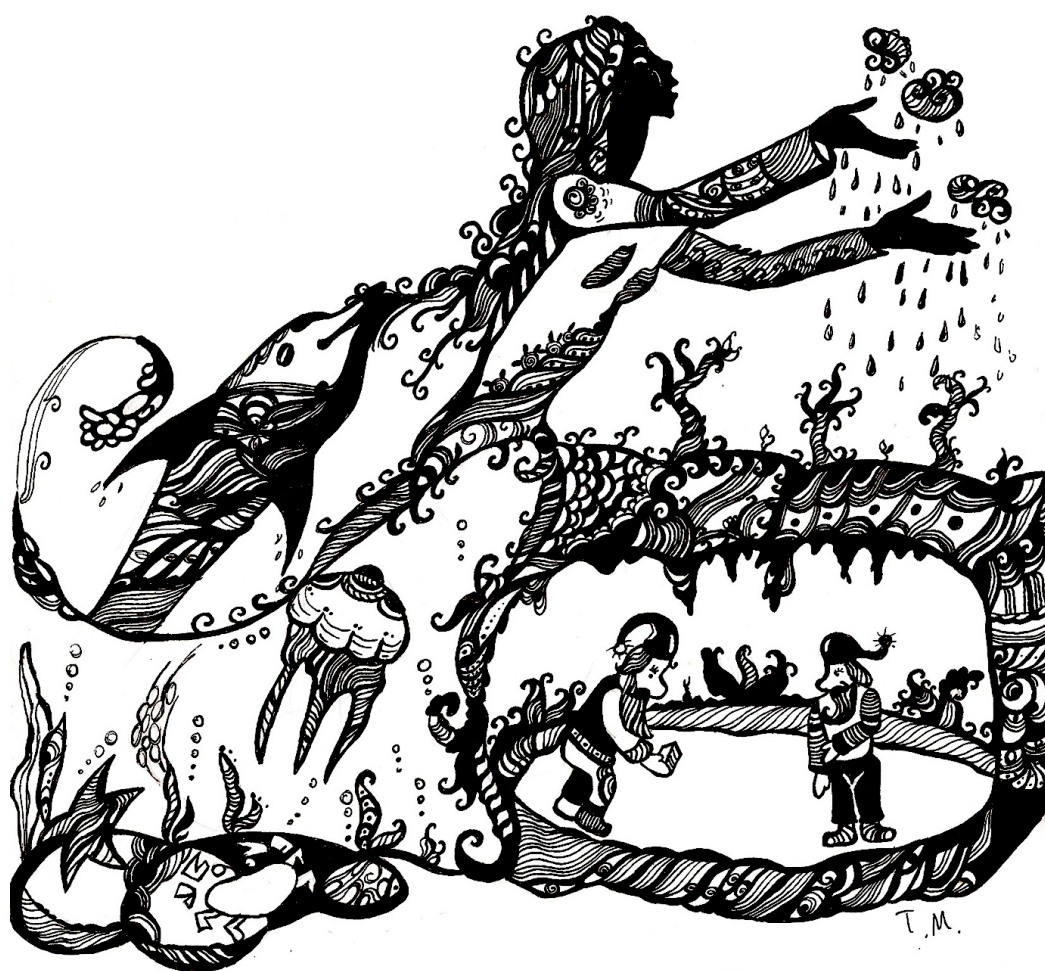
- Ничё не понимаю. Может, винтовка не пристрелянная? Давай поменяемся?

Не помогло. Ну, правда один раз девушка тоже промахнулась. Маленькое, а счастье. Выходя, старательно не смотрел на хозяина тира.

Зря он позавчера с Веркой заговорил. Ну, стояла смурная девочка возле «Ростикса» и стояла б себе: мало ли у кого телефон не вовремя садится. А чёрные кудри до лопаток — вообще не аргумент. Прощаясь около бетонного входа, целоваться не стали.

Спустя почти год, когда Москва уже перестала быть слишком большим городом, неожиданно-общая знакомая рассказала по телефону про Верочкино вынужденное, но вполне удачное замужество.

В тот день Толя хорошо подменился на дежурстве в гипермаркете и только-только начал набирать статью, вроде бы обещанную к напечатанию правильным мужским журналом, раскрыв свой хорошо проверенный временем ноутбук Сони Вайо. Пока Рита с милым злословием описывала приметный в облегающем платье животик новобрачной, взгляд Анатолия скользил, проверяя строчки первого абзаца: «Новый «Бентли-Азюр» при всех своих новшествах, безусловно наследует славным традициям неброской роскоши и ручной сборки».

СТИХОТВОРЕНИЯ

Александр Тененбаум

Ты опять обижаешь меня

Ты опять обижаешь меня
Грубым натиском в нежное сердце.
Среди тысяч услужливых нянь
Я хотел лишь любовью согреться.

Слишком много наверно хотел!
Люди могут служить, подчиняться,
Управлять, превращать воду в мел –
Мне бы просто в любви искупаться.

Ты прости, не могу, как и ты, -
Не могу быть грубее, чем нежность.
Лучше плыть, как большие киты,
В горизонт, в голубую безбрежность...

Мой ворон.

Предвкушение осени -
Ощущение сна.
Я питаюсь грозами,
Я люблю места,

Где безлюдно, холодно,
Где царит закат.
Одиноким вороном
В громовой раскат

Рвусь, поранив крыльями
Скалы у реки, -
Ввысь с ветрами сильными,
Что всегда легки!

...Не прощаясь, молятся
Головы берёз:
Шепчут, беспокоятся
И – на свечках воск.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Быть в смиреньи тягостном
Мне не в благодать.
Я в полёте сладостном
Буду умирать.

Не пораню крыльями
Царственный закат -
И с ветрами сильными
Упаду назад.

В реку, где так холодно,
Где безлюден мир -
Камнем, мёртвым вороном
На священный пир.

Моя поэзия – в тебе

Моя поэзия – в тебе:
Она звучит, как в арфе вечной.
Кружила пара лебедей
В любви их обоюдостречной

На озере в лесной глуши,
Где птицы небу признавались
На уровне одной души,
Отдельным чем-то не являясь,

Что нет ни мрака, ни теней,
А только вечное сиянье
Любви Божественных Лучей,
Для всех блаженных – созиданье.

Ты заварила мне любовь

Ты заварила мне любовь
Я выпил чай духовных истин
Наш цвет вселенной – голубой
Наш путь – Божественные выси

СТИХОТВОРЕНИЯ

Найдётся добрый человек
Споёт он радость, если грустно
Всё разгоняя жизни бег
Поэт раздаст своё искусство

Война взрывает хрупкий мир
Но мир - он тоньше, глубже, чище
Кто не закатывает пир
Тот вечной жизни в духе ищет

А пир чумного не спасёт
Он лишь обманет на мгновенье
И в Лету смерти унесёт
Без сожаления и спасенья

Пускай я пьян, ты друг, поверь –
Настанет время светозарной
Чистейшей эры всех дверей
Туда войдет и даже пьяный!

Снятся птице

Снятся птице облака,
Грусть лесов, безбрежность моря
Там свобода на века
Там нет смерти, нету горя

Снятся птице корабли
Что плывут к далёкой суше
Виды дивные земли
Что пленяют наши души

Снятся птице стаи птиц...
Как прекрасно быть свободным!
Колыхание ресниц
В сладком счастье невесомом

СТИХОТВОРЕНИЯ

Андрей Кабилов

* * *

Где-то в просторных долинах:
Там, где людей не видать, —
Тонут заводы в машинах,
Могут железо рождать...
Я вам скажу по секрету:
«Это страна чудаков.
Строят заводы ракету.
Нет здесь особых значков».
Нет отличительных знаков —
Только долина одна,
Где нет ошибок и браков.
Спутникам местность видна
Только пустой, без заводов
Голой, пустынной, как степь!
Нет наблюдениям исходов.
Спутник не может успеть
В миг, отведённый полётом,
Сверху заводы засечь.
Каждым умелым пилотом
Тоже нельзя их пресечь.
И в засекреченном виде
Лепят ракеты всегда
Что же у роботов выйдет?
Запуск ракеты? Куда?

Снег кружится
Сон уходит
День уходит
Ночь ложится

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

*Посвящается
С.А.Есенину*

Сегодня новый поэт родился.
Его обнимает контрастный луч.
Он в Человеческом звуке снился.
Он светлые пятна на гребнях туч.

А завтра его будут ветры баюкать,
Он в звёздный пустится пленительный звон.
Природа любому протянет руку,
Кто с детства в природу безумно влюблён.

И голос народный зовёт ежечасно,
Он - правда людей, он совесть их пил,
А как его лира волшебна, прекрасна...
Он звуками горе людское омыл!

Поэту не снится дыхание ада,
Ему только Вечность. Религия – сон.
Ему дай страстей, ему рая не надо,
Он любит природы земной поклон.

Зовите их чаще, читайте их души,
В мечтах зарождённые ваши стихи.
И если ты с ним, поэт тебе служит,
А против него не поднимешь строки.

* * *

Древний мне скальд навеял
Древнего скальда убить
Я не послушал рубить
Я хочу жить и творить
Рифму глагольную пить
Радостью век говорить

СТИХОТВОРЕНИЯ

Словом слова подарить
Мягким звучаньем поить
Друга любовью кормить
И не шутить, не дразнить
Счастьем в ответ поразить
И, отвернувшись, любить
Древний мне скальд повелел

* * *

Душа к душе
Строка к строке
Взлети уже
И по реке
По водной
Лети, плыви
Подводный
Заплыв любви

ОКРЕСТНОСТИ

Родион Родионов

И ТЫ – МОЙ

Твёрдо-мёрзлая грязь, которая стала вдруг инееобелёсана, покрывает почву вокруг скромных и нескромных могил. Кладбище безмерно пустынно. Ни одного человеческого колыхания вокруг. Только деревья коряво щупают небо, используя вздутия ветровых гамм. Холодеющий ноябрь шепчет противоречивые ощущения и пронизывает своим безумием тоску живых, что воздевают взгляды к небу, да всё к тому, что жизнь – всего лишь божья плоть, а остальное благо – смерть!

В пространстве, оттенённом замшелыми дубами, царил дух православия. Морозное бесснежие наводило на слезоточивое устремление лучших помыслов человечины к Деве Марии, матери, к которой недороссиянин обращается в скорбновлённом индугировании, чтобы та умолила сына своего о снизошествии лета и полдника на покрытую инеем и сверкающую лунолампочным светом, чувствительнейшую оболочку измождённых и неряшливых душ. Дряблая преддекабрьская язва и мокрота распахнула морозильные камеры, превращая солнечный шар в расплывчатую, цвета ёлочной игрушки, похмельную улыбочку маленького, никому не нужного лица, над которым склонилось безмерное, но обозримое по горизонт пространство. Личность оказалась микроскопична и вынуждена была шататься в полном одиночестве по кладбищенской пустоши, промеж мёртвых, обесточенных форм.

В этой жизни собственное я, или нутрь, - явление антиобщественное, и оттого постоянно подвергается осуждению и наказанию. Человек разумный визгливо копошится в пространствах реальности, а мир в свою очередь хищно разглядывает его солнечные утробные устремления.

«Он не человек, он художник!» - говорили о том, чья подсолнухова душа искала южного и незамысловатого проникновения в жизнь. И он проникал в неё настолько, что уже не находил сил возвратиться из глубин шизофренично-сводчатой штырьчатости! Находящееся в сфере восприятия разума его уже не заботило, как не волновали его заботы и устремления толпы.

«Зачем вам дороги, к чему поезда,

Оставайтесь здесь, летайте здесь!», -

пел Юрий Шевчук о железнодорожнике, который поставил стрелку в не то состояние, тем самым пустив под откос поезд, полный голубозадых голодальщиков с котлетами вместо глаз.

Илья находился на городском кладбище совершенно не случайно. Он чего-то искал, но думал о Винсенте Ван Гогге. Если день будет удачным, он и его помянёт. Он ещё не знал, кого встретит в этой пустоши, но его внутренний мир

ОКРЕСТНОСТИ

пронизывал бархатный луч заходящего солнца, и окружён он был спокойным летним теплом. Илья растянул рот в улыбку и продолжил поиски незнакомки. Хотя бы среди того, что ещё не погубило время.

Мрут люди всё старые, но гибнут и молодые. Обстоятельства их смерти всегда трагичны. Много лиц проплывало мимо ходока, но всё впустую. Всё же Илья продолжал вертеть головой и шагать по огромному, неухоженному могильнику.

Ван Гог не был самоубийцей. Просто в один из так любимых им знойных солнечных дней за ним пришла смерть. Он сосредоточенно смешивал краски, шмякал ими о поверхность холста, всматривался в мир, брал семена его, сеял в себе и возвращал совершенно новые небо и землю. Но из недр подсолнухов за его спиной появилась девушка. Она хотела что-то сказать, но Винсент прогнал её, словно то был собственный разум, требующий пощады, внимания и любви. Она покорно отвернулась и побрела в свою скучную жизнь. По дороге она оборачивалась и с завистью наблюдала страсть. Но вдруг глаза её наполнились тревогой, потому что они увидели триллер. Страсть взмахнула пистолетом и застрелилась, а потом, шатаясь и постанывая, побрела умирать.

Вскоре творца похоронили, а молодость принялась стареть дальше. Не-е-ет, знала теперь она, от скуки не стреляются, а страсть опасна. Но завидовать она не перестала.

Блуждая по кладбищу в поисках той, которая ничего бы ему не дала, кроме безответного общества, впечатляющего своим присутствием где-то под землёй, он продолжал ворошить вселенский мусор, полностью уподобившись «Доктору в Фигерасе, который не ищет абсолютно ничего» - невинное творение Сальвадора Дали.

«Шокировать публику...» - продолжил он внутренний диалог, согнув ветку и протиснувшись в щель возле шиповника, - «...дело скучное, но вот чем бы шокировать себя? Отнюдь не тем, что сует в рот толпа. Это мероприятие должно быть вне её уровня. Оно может находиться выше и далее в бесконечность, или ниже – в ту же, не менее бесконечность. Поэтому, сегодняшнее моё действие вполне соответствует антиобщественному поведению. Вот я иду. Зачем? Чтобы помянуть какую то усопшую, посмотреть ей в лицо и ничего ей не сказать. Право же не знаю, найду ль?»

И вдруг сердце его застрекотало, а расширившийся зрачок показал – то непонятное стремление, вынудившее Илью покинуть город, привело его к этому месту!

Дешёвый памятник с крестиком наверху, окружённый низенькой оградкой, остроконечные решётки которой покосились, создавая впечатление раскрывшегося цветка. И вот – фотография под стеклом, ещё сохранившая отголоски цветной печати! Лица почти не разобрать из-за пыли и пятен. Даты – 1967 по 1986. Десять лет всего. Находится под землёй. Её глаза видели

ОКРЕСТНОСТИ

жизнь, которая пряталась впереди и разглядывала её тело неутолимым голодом времени, но сознанию девушки она представлялась жизнью долгой и счастливой.

Чем дольше Илья смотрел на эту мёртвую, тем ближе она ему становилась. Некая связь возникла между ним и фотографией, некие узы теперь связывали их. Когда-то давно он полностью и бесповоротно понял что умер, и сказал своему отражению в зеркале: живому - живое, а мёртвому - мёртвое, и нечего здесь индугировать, выдувая в небо жалобные вопросы!

- Привет Лена. Как твоя смерть?

Он уселся на могилу, вынул из груди свёрток и водку. Выпил и закусил. И всё смотрел на фотографическую Лену, подгоняя скучный разум в дебри ваноговских подсолнухов.

Неизвестно, что кроется под этим разгорячённым лбом, и что видят глаза за этими подрагивающими веками. Возможно, Илья и Лена многое друг другу открыли и объяснили, прогуливаясь вязким августовским летом. Всё возможно. Вот только ничего не осталось в памяти. А может, есть в нас некая скрытая система, которая занимает очень мало места, но помнит всё – всеобъемлющий микроформат!?

Над головой хрустнуло. Ворона вспорхнула. Илья проснулся. Наполнив тёплые карманы пальто руками, он двинулся в обратный путь, прислушиваясь к шуршанию шоссе как к ориентиру. «Хорошая она была. Но теперь она моя...» - Это слово он произнести не решился, но всё же продолжил, уже громко обращаясь к лежбищу тысяч тел. – «Любить возможно только химеру, которую мы способны нафантазировать. Всё остальное есть не любовь, а страх перед одиночеством и зависимость от устоев, соблюдая которые ты в любом случае будешь признан нормальным и нужным, даже если ты маньяк. Поэтому на сегодняшний день мёртвая девушка Елена порождает во мне любовь, которой не достаёт в мире живых. Я люблю её, она моя...»

Но вдруг он вздрогнул и остановился. Так он стоял долго, выжидая чего-то и прислушиваясь. Вокруг никого, только он и... Илья посмотрел на фотографию и нервно усмехнулся. Он спешил покинуть кладбище.

Но теперь его разум нёс тяжёлую ношу, он трещал по швам от впихнутого в него бледного голосочка, что вздохнул и прошептал: «И ты – мой».

2003 г.

ОКРЕСТНОСТИ

«РАЗГОВОР С – ВСЕ ЕЩЕ ИНОЙ ПОКА ЕЩЕ – ИОНА»

- Ина!
- Что, Ион?
- Та ли ты Ина, с которой должно говорить, или всего лишь пресловутый обман, фантазия не лучших моих побуждений?
- И да, и нет. Видишь ли, все так переплетено и взаимосвязано, а я не хочу обманывать тебя, хоть это и просто. Ведь ты взялся делить неделимое. Неужели я для тебя просто какая-то абстрактная девушка, которая общается с тобой лишь в том образе, в котором ты намереваешься по собственной, временной прихоти меня видеть? Я живая. Я личность, и не хочу подчиняться чужой воле.
- Но ведь раньше ты позволяла мне... управлять... не так ли?
- Раньше мое вмешательство было бесполезно, т. к. ты нуждался по-настоящему в той, пресловутой мечте. Теперь ты изменился. Ты стал свободен от любви, сделав свободной и меня. Теперь с тобой легче, и наша связь наконец начинает обретать смысл. Смысл в движении.
- Ина! Кажется, я знаю, о чем ты говоришь, но как-то трудно в это поверить. Я не уверен, что сам перестал быть абстрактной монетой о двух сторонах, и потому не достоин этого начала движения.
- Ты всегда будешь неуверен. Это нормально. Вне сферы нормального будут лишь твои взлеты и падения.
- Звучит как угроза.
- Ты уже испугался? Хотя нет. Ты не видишь себя со стороны. У тебя сейчас спокойное выражение лица, в глазах печаль, а губы онемели в улыбке. Что ты чувствуешь, Ион?
- Ина, мне так хорошо когда ты рядом! А взлеты и падения... это мне безразлично. Чувство спокойствия и гармонии отвращают меня от движения.
- Ты строишь себе ловушку.
- Это плохо?
- Да нет. Это бесполезно. Ну, попадешь ты в неё – выберешься, как выбирался из множества других, созданных жизнью и людьми. В начале движения все начинают охотиться на самих себя. Потому ты и безразличен, что не осознал ещё истинной свободы. Не знаю, сколько раз тебе придется себя поймать, прежде чем ты станешь очарованным, что означает – свободным в движении.
- Опять твои слова неутешительны. Ха-ха. Вот что я хочу сказать, Ин. Ты знаешь, что я хочу сказать, раз такое дело, а?
- Ион, я ведь не бог, чтобы читать мысли, я просто все та же Ина из группы «В» Саратовского художественного училища и только.

ОКРЕСТНОСТИ

- Тогда знай, нравятся тебе эти штучки или нет, но я очарован тобой, вот в чем дело, уже 15 лет и уверен, на всю жизнь.
- Ну вот, опять. Любите вы, люди, загонять себя в тупик.
- А что нам делать, Ин, может ты мне и поможешь избавиться от тебя, даже против моей воли?
- Не теперь. Но скоро ты сам себе поможешь. Все будет хорошо. Только повторяй эти слова: «Каждый день я становлюсь лучше. Каждый день понемногу». Повторяй это всегда. Ведь тебе хочется быть лучше?
- Абсолютно не уверен, что хочу...
- Ну, это уже индульгирование, и тебе хорошо известно, о чем я говорю.
- Ты про безупречность воинов?
- Тебе известно более чем достаточно и ты многого достиг. Позади самое тяжелое. Осталось чуть-чуть. Но твоя недоверчивость и отрицание жизни превратились в раздутые детские игрушки. Может, хватит? Я понимаю твою тягу ко мне, ты хочешь взять мою руку и «съесть» ее.
- Но я...
- Это нормально. Ты очарован мной, но ведь ты же знаешь кто я на самом деле! Или – что я такое. Ведь не случайно за все эти 15 лет у нас не было ни одной постельной сцены. Подумай об этом. Подумай о своей очарованности и обо мне.
- Когда все изменится так как ты говоришь, ну, когда я, уже после ловушек, выйду на свободное движение, ты останешься со мной, останешься Иной?
- Как с тобой трудно, Ион...
- Я понимаю, что ты станешь другой, совершенно другой, но – Иной, ведь так?
- Кем угодно, и даже Иной.
- А можешь стать сейчас тем, или той Иной, с которой я встречусь там, в свободном движении?
- Если бы это было возможным, я бы давно использовала эту возможность. Вот ты можешь стать прямо сейчас тем, кем будешь там, в свободном движении? Так и я. Я могу стать той, какой была для тебя раньше, ибо это в твоей власти, что тоже бессмысленно. Даже если бы я явилась тебе из будущего, ты бы или напугался или не воспринял меня, просто не увидел бы ничего.
- Удивительно. А смогу я потом, когда произойдет все так, как ты говоришь, смогу я узнавать у тебя то, чего сам не знаю или научиться чему-то?
- Ты станешь учеником свободного движения.
- Нет, Ина, твоим учеником, ты это хотела сказать?
- Ну – если тебе нравится, а сейчас тебе как раз нравится этот бессмысленный ответ – да, ты будешь моим учеником.

ОКРЕСТНОСТИ

- Приятно слышать.
- Чего ты боишься больше всего, Ион, - потерять меня или выйти в свободное движение?
- Этого движения и боюсь. Ведь там не будет ни тебя, ни меня.
- Но будут и ты, и я.
- Ина, это парадокс.
- Это то, от чего никуда не денешься, если конечно очарован. А неочарованные есть преступники, их удел – четкие грани реальности, где парадоксов нет и где смерть столь же реальна, как и жизнь, где надгробная плита столь же тленна, как и выбитое на граните лицо.
- Да, большинство кладбищ рассчитано на 50 лет, потом их сносят. Когда Буш был у Путина, то попросил его показать на Новодевичьем кладбище памятник человеку с телефонной трубкой в руке. Была экскурсия как по Эрмитажу. Буш был в восторге и сказал, что у них такого нет. Вот где он по-настоящему, наверное, был напуган Россией.
- Ну, тебе пора, Ион.
- Как, уже? Ну, дай я тебя обниму. Кроме тебя у меня больше никого. Как хорошо.
- Мне больно, Ион.
- Да ведь я хочу тебя съесть, Клеопатра!
- Ну, отпусти, тебе звонят.
- Верно... Верно. Вот, блин, если бы не позвонили, спал бы и спал себе дальше, ведь с Иной так хорошо!

28 мая 2003 г.

У ОКНА

Помню сидел у окна я незримо для мира и – тщетно. Видел деревья и небо и много домов в перспективе из солнца и хлада бетонных теней и тумана. Утро незрелое сердце омыло прозрачным безмолвием. Облик мой в трансе мог ликом в тот час называться. И хорошо мне сидеть было так безотчётно. В лёгкой прострации шороха листьев тяжёлых. И никакие проблемы меня не касались. Хоть их и было столь много в то утро - не помню. Только лишь помню, как трудно давалось мне существование. На протяжении нескольких дней предпоследних. Даже курить я не мог, ибо кончились деньги. Хоть никогда я и не был в деньгах избалован.

Вот я сидел у окна в созерцании утренних улиц. В неимоверном блаженстве слезу ощущая на веках. И уж не ныло в желудке о пище, а нервы о сигаретах. И уж не требовал разум обоснования причины вещей, что нанизаны

ОКРЕСТНОСТИ

в души. Ежели кактус цветком оперился внезапно. Знал я, что в трёх километрах напротив. Лес возвышался дремуче-могучий в моём подсознании амбиций великопасомых. Ибо ведь там где он есть, то реален, но ежели был то реален сверх меры. Вот я и сделал прогулку в глуши средь симфонии сосен. Прямо в том месте, где светел и чист был когда-то.

Точно по той же системе я вдруг пожелал быть на крыше почувствовать ветер. И повернул лик левее от дальнего хвойного леса. И задыхаясь, глотал в грудь ударивший полный любви и восторга. Ветер узнавший во мне впечатления вечного детства. Город в подножии карниза застыл легкопыльно. Воздух пространство сквозил скоротечным покоем. Тут я впитал микровечность бесстыдно глаза выпучая широко. И безвозмездно готов был в беспечность вселенной светиться. Словно стекло у окна будто не существует. Я был движением в отсутствии оногo в теле. И справедливо смотрел на себя отражаясь в прозрачном. Ибо стечение обсто...тоятельств всегда нам приятно. Видеть насквозь неразумным отсутствием то, что есть там, где нас нету.

Помню, что был у окна я всецело воспринят от мира. Что контролировал каждый момент безотчётно и молча. И что рука моя трезво свисала о воздух. И что спина была вжата об кресло с поникшей главою. Помню, что вспыхнуло сердце бесшумно как молния за горизонтом. Словно бы ядерный взрыв ослепил мою сетчатку глазьев. И нежно встряхнулся весь мир безучастно как ток в моём теле. Будто я вздрогнул интимно от всех, чтобы выключить всё что. Странно. Таким вот всё образом дабы не помнить о чём я. Чтобы с трудом намекаю прозрачностью взора стекла. Было как будто иль может ли быть но не так. Словно бы то что не я это так. Где... от... но ведь ...откр...че...балд...ззз... человеке. Опрт...ф...ч...ш...ущ...я...е,е,е.!...?....!!!..... ..

2000-е гг.

Любовь Уколова

Остроконечность

Остались только я и ты,
Где остановленная вечность,
Где ранит встреч остроконечность,
А глубина и быстротечность
Рождают грубые мечты.

Где сладость, слабость, пальцев дрожь,
А между пальцев сигарета...
Душа чиста, душа раздета;
Игра без правил и запретов,
И правда голая, и ложь.

И запах свежих простыней,
И им обещанная верность,
И боль утраты, страх, и ревность...,
Но хуже нет, чем каждодневность,
Чем череда унылых дней!

О, нет непройденной черты,
Где мягких языков сплетенье,
Два сердца - соприкосновение,
Где остановлено мгновенье...,
Остались только я и ты.

Колесница

Я проснулась – мне не спится.
В одинокой колеснице
Мчится вдаль моя душа.
Если ж едет не спеша,
Слышу мысли, эти мысли
Не завяли и не скисли;
Скакуны-говоруны
- Только мне они нужны.
Здравый смысл уснул на козлах...

ЛИСТКИ

Я вдыхаю свежий воздух,
Что вдруг стал прозрачным, чистым;
Вижу небо над скалистым
Побережьем... Да, заря.
Просыпалась я не зря.

Я верю

Я верю в сказку и чудеса.
Летят драконы под небеса...
Похитил деву ужасный тролль,
Но спас, сражаясь, её король.

Здесь окончанье – из двух колец...
От людоеда сбежал храбрец,
Сему злодею порвал он плеть.
Спаслась русалка – прогрызла сеть.

Лил прежде слёзы отец-Тритон
И с горя бурю устроил он.
Утихла буря, прошла гроза...
Я верю в сказку и чудеса.

Накануне лета

Весна ускользает – прощаюсь с весной.
Букеты и свечи расставлены мной
На столике в тихом, тенистом саду...
Из мая я выйду и в лето войду.

Салатовый галстук, сиреневый фрак
На мае – на вечер; вокруг полумрак.
Здесь тени играют – попробуй, поймай...
Прощай, моё чудо, мой сказочный май!

Вячеслав Лобанов

Вспоминая коммуналки

Притаишься - зашуршит
мышь обёрткой маргарина
в доме выцветшем старинном,
где на стенах тени спят
от акаций выше крыши,
по утрам приёмник слышен,
и детишек - как опят.

Кухни тёмный потолок,
на полу бутылок ящик:
спился урка настоящий,
а работать запаadlo.
Пахнет дымом папирос.
Кипятит бельё бабуля...
Друг Серёга весь зарос,
как битлы из Ливерпуля.

- Мы гулять!..
Огромный двор,
ряд сараев крытых толем...
Двух пьянчужек разговор
о весёлой тёте Оле
надоел уже. Бежим
через поле к террикону.
Что уроки и режим? -
интересней вверх по склону.

Без тропинки, метров сто,
по сухой траве примятой -
там свобода и простор,
солнце, ветер, запах мяты...

ЛИСТКИ

Начало марта

Небо выбелит жаром первых солнечных дней
И зеркальным ударом выжжет пятна теней.
Потемневший зернистый мокрый снег за окном,
Тают елей мониста и текут серебром...

Лес манит на прогулку, от забот отдохнуть.
Двор неряшливый, гулкий, я покину и в путь.
Снег ещё укрывает бурых листьев поля,
На пригорках подтаял, и дымится земля.

Ветки голых деревьев, как платок кружевной -
Только сосны и ели зеленеют стеной.
Белой строчкой следочки меж бугров и низин.
Чуть наметились почки у ольхи и осин.

Мох на толстых лесинах пожёлтел и облез.
На полянах пустынных снега яростный блеск...
Утром, в палевой дымке, щёки щиплет мороз,
Но вчера, на заимку, он тулуп свой унёс!

Удалить навечно!

Когда поймёшь, что и родным не нужен,
Устав бороться с болью и тоской -
Опустишь руки, сам сложив оружие,
Стремясь скорей покинуть мир людской.

И Бог вздохнёт: "Ещё один калека,
Забытый всеми близкими людьми!" -
Так было, есть и будет так от века...
Нажмёт Delete небесный сисадмин

ЛИСТКИ

Татьяна Пузанова

Ты вешаешь на шторы вечер
На нить из серебра к шнурку.
Потом берёшь звезду за плечи
И прикрепляешь к потолку.

Из листьев осени стремянка,
Встаёшь на шаткую ступень,
И россыпью снежинок в склянке
Ты осветляешь неба тень.

Распрямляй спину
В изгибах твоей струны.
Измеряй длины
Маршрутом другой страны
Береги пальцы
Висками горячих рук.
Не смотри зайцем
На тихий дорожный стук.
Уходи ветром
Зеленого берега вдаль
Помоги детству
Мечтою постарше стать.
Опусти очи
В ресницах из голубей
Уходи, впрочем...
Оставь приоткрытой дверь.

Моя чёрная боль не надумана,
По квартирам она с коридорами
Все гуляет, мешая мне думами,
Угрожает воспоминанием.
Там красивая осень в них теплится,
Там ноябрь пушистый и праздничный,
Там февраль, со своей увертюрой,
Жёлтый август и прошлое, прошлое...

ЛИСТКИ

Эрик Бергквист

Шведский поэт и критик. Родился в 1970 году. Живет в Стокгольме.

Из книги «Солнца» (2006 г.)

Слова, серые груши, помои. Пятница,
трудно понять, что за улица это, что за

абсолютное страдание, что за башенный кран,
ковыляя утром за больничным листом.

Есть третье между душой и окружающим – время.
Пыльца садится на боевой раскрас женщин.

О, шаткие кафе, как бишь там его, а – язык, вот,
объявляет о вечности между тобой и любовью –

сплошное расстройство, такие переезды, такой
нелепый покой! Дошла и до нас Европа! А я

вытягиваю шею, словно дрозд, выслеживающий
червя, – ясность толкований подкашивает суть.

Обухом топора забиваю овцу больную,
а на следующее утро ягнёнок толкает дверь
и семенит по ступенькам, прося соску. Когда
пойдёт первый снег, мы, возбуждённые
подавлением собственных чувств, сдобрив тимьяном,
сядем есть того, кого называли Пелле, будем молча поминать
бескрайнюю мебель, вкатившуюся к нам,
и называемую пейзаж. Раньше он был внутри
оставившего нас ландшафта, и он скрипит, когда
мужики в оранжевых комбинезонах прокладывают теплотрассу.

Из него доносятся вопросы, на которые мы отвечаем своими руками.
Он напоминает о когда-то пережитом и желаемом мной.
Широкие, уснувшие луга – здесь слову быть рожденным и
принесённым в жертву. Сквозь кроны деревьев едва видны
солнца. Они во мне, в друзьях, что также далеки друг от друга.
Краски блекнут, варежки выползают из шкафов. Я прошу дни,
чтобы солнца по утрам могли восходить из нас.

Перевод со шведского Дмитрия Воробьева и Иосифа Трера.

Дмитрий Воробьев родился в 1979 г., живет в Чебоксарах. Кандидат философских наук. Стихи публиковались в журнале «ЛИК» (№4, 2006), в альманахах поэтических фестивалей «Скандинавия — Волга» (2005) и «Скандинавия — Поволжье» (2006), сборниках «Топос» (2004) и «Trictrac» (2005); эссе о Геннадии Айги — в шведском журнале «ARIEL». Опубликовал малотиражные книги стихов «Автопоэзис» (2004), «8 стихотворений» (2005), «Желтые стихи» (2007).

Иосиф Трер (настоящая фамилия Дмитриев) родился в 1947 г. в Чувашии. Окончил актерский факультет Ленинградского института театра, музыки и кинематографии, затем режиссёрский факультет ГИТИСа (у Юрия Завадского). Работал в театрах Чувашии, возглавлял драматический театр в Кокшетау (Казахстан). С 2000 г. занимается переводами поэзии и драматургии с шведского и норвежского языков; перевел поэму Харри Мартинсона «Аниара» (29 песен, совместно с Г. Айги), поэму Кристиана Лундберга «Всё и это счастье из Ничто» и др.

Райнер Мария Рильке

Реквием на смерть мальчика

Какие странные я помню имена:
собака... или вот: корова, слон –
в какой глубокой давности я знал их,
в какой дали; или вот – зебра: что, зачем?
Тот, кто несет меня сейчас,
вздывается как водный горизонт
над мирозданием. Какой покой –
осознавать, что это все прошло:
когда нельзя было сквозь твердые
предметы и даже нежные
прорваться к постигаемому лику.

И эти начинавшиеся руки...

Вы говорили иногда: он обещает...
Да, обещал я, но все то, что обещал я *вам тогда*,
меня сейчас нисколько не тревожит.
Бывало, возле дома я сидел подолгу
и наблюдал за птицей.
Когда б я мог весь созерцаньем этим стать!
Оно несло меня и воздымало,
и брови мои тоже ввысь стремились.
Никто любим мной не был. Любимым был лишь страх...
Пойми: тогда я был не *мы*,
и я взрослее был намного, чем мужчина;
и был я
словно бы опасностью самой,
а там, внутри нее –
я был ядром. Зерном.

Да, зернышком; и отдавал его я улицам
и ветру. И далее и дальше отдавал.
Ибо когда мы все сидели вместе дружно,
я никогда в это не мог поверить. Готов поклясться.
Вы говорили, вы смеялись, но

ЛИСТКИ

меж тем никто из вас в словах и в смехе не был. Никто.
Вы зыбились, как не бывает никогда
ни сахарница, ни стакан с вином,
наполненный до самого до края.
Лежало яблоко. Как было хорошо
иной раз чувствовать в руке его тугую спелость
и прочный стол и чашек чайных тихость,
столь добрых и хранящих года круг.
А иногда со мной добра была моя игрушка.
Она могла надежной быть почти как вещи,
хотя и не такую отдохнувшей.
И в этом постоянном пробужденье
стояла она словно между мною и моей панамкой.
То это конь был деревянный, то петух,
то кукла одноногая; немало
для них я потрудился.
Я небо маленькое сделал, балдахин,
чтобы они увидели его, ибо я понял очень рано:
конь деревянный очень одинок.
Ведь как-то же сумели его сделать:
из дерева коня в каком-то там масштабе.
Потом окрасили, потом его таскают,
и получает он удары и тычки,
на истинный на путь препровожаем.
Но почему же все-таки не ложью было,
когда его «лошадкой» называли?
Не потому ль, что сами мы лошадкой
себя немного чувствовать умели,
наращивая мускулы и обрастая гривой,
и вот уж ног не две, а все четыре
(чтобы однажды превратиться вдруг в мужчину?)
Не становились ль деревом вот так же мы,
поскольку деревянным был коняшка.
Не становились ли мы тверже в тишине,
не делалось ли зрение слабее?

Теперь почти уверен я: тогда
мы постоянно превращались друг в друга.
Когда ручей я видел, я журчал;
когда журчал ручей, по руслу вниз я прыгал.
Когда я видел меч, то я уже звенел;

ЛИСТКИ

и если он звенел, тому я был причиной.
Так навязал себя я, кажется, вселенной.
И все же без меня она была счастливей,
и грусть в ней появилась, едва
зависеть от меня она вдруг стала.

И вдруг я в от-решенье был отправлен.
Что ждет меня?
Учеба новая и, может быть, расспросы?
Или же буду вынужден повествовать,
как там у вас? Мне страшно.
Дом? Я никогда еще не понимал его так ясно.
Все комнаты. Как много мне их приоткрылось там.
.....Ах, мама, скажи, кем, собственно, была собака?
И даже то, как ягоды в лесу мы собирали,
сейчас мне кажется такой диковинной охотой.

.....
Должно быть, дети, что ко мне приходят
со мной играть, то мертвецы.
Всегда приходят только те, кто умер.
Сначала в комнате они лежали, как лежал и я,
но выздороветь не сумели.

Здоровье...Как звонко это здесь звучит.
Но есть ли смысл?
Там, где сейчас я,
мне кажется, уже никто не болен.
Последний раз то было: горлом я болел;
но как это давно...

Здесь каждый словно самый свежий из напитков.
Но кто нас выпьет – о, того пока еще мне не дано увидеть.

Мюнхен, 13 ноября 1915

Перевел с немецкого **Николай Болдырев-Северский**

Николай Болдырев. Родился в 1944 году. Закончил филфак УрГУ.
Автор пяти стихотворных книг. Переводил Тракля, Целана, Стаффа,
Киркегора. Живет в Челябинске.

Вадим Леванов **(13.02.1967 - 25.12.2011 гг.)**

В Тольятти на 45 году жизни скончался драматург и сценарист Вадим Леванов. Он родился в нашем городе, окончил Литературный институт в 1998 году. В 1999—2007 годах в качестве арт-директора занимался организацией и проведением международного фестиваля драматургии театра и современного искусства «Майские чтения» в Тольятти, а также был редактором одноименного литературного альманаха.

В 2001—2007 годах являлся художественным руководителем Театрального центра Голосова-20 в городе Тольятти. Был постоянным участником фестиваля «Новая драма» (Москва). В 2005 и 2007 годах — член жюри.

Автор более тридцати пьес, а также киносценариев, рассказов и эссе. Пьесы публиковались в журналах: «Сюжеты», «Современная драматургия», «UBU» (Франция), «Ставрополь-на-Волге — Город — Тольятти», «Самара», «Самара и Губерния», альманахе «Майские чтения», вестнике «Драма Поволжья», журнале «Missives» (Франция), коллективных сборниках. Пьесы ставились в Москве, Тольятти, Екатеринбурге, Элисте, Саратове, Нанси (Франция), Клайпеде (Литва) и других городах.

На сцене Александринского театра (Санкт-Петербург) в постановке Валерия Фокина представлены спектакли «Ксения. История любви» по пьесе «Святая блаженная Ксения Петербургская в житии» и «Гамлет».

В 2001 году в издательстве Les Solitaires Intempestifs вышел сборник пьес «Courtes pièces» на французском языке. В этом же году литературным агентством Вячеслава Смирнова был издан авторский сборник «Пьесы». В 2000-е годы драматург становился лауреатом различных премий.

Вадим Леванов скончался после продолжительной болезни. Приносим родным искренние соболезнования.

Редакция альманаха «Графит».

Певец Волги Иван Дмитриев

Государственный деятель и известный поэт, Иван Иванович Дмитриев, родился 10 сентября 1760 году в родовом поместье, селе Богородском, Симбирской губернии, в 25 верстах от Сызрани, в старинной дворянской семье, ведущей свой род от князей Смоленских. Ныне это территория Самарской области. Отец его, Иван Гаврилович, женат был на Екатерине Афанасьевне Бекетовой, сестре известного фаворита Императрицы Елизаветы Петровны, Никиты Афанасьевича Бекетова, не чуждого литературе: в молодости он много писал стихов.

На восьмом году возраста Иван Иванович отвезен был матерью в Казань, к отцу ее, Афанасию Алексеевичу Бекетову, и отдан в пансион Манженя (который был наставником также и еще двоих писателей наших: П. И. Макарова и М. Н. Муравьева).

Дмитриев еще в пансионе Манженя "уже с десяти лет набил голову мечтательными приключениями", начитавшись тогдашних переводных романов: "Тысяча и одна ночь", "Шутливые повести" Скарона, "Похождения Робинзона Крузо", "Жилблаза де Сантилана", "Приключения маркиза Г***". Последнее произведение аббата Прево было даже поводом к тому, что Дмитриев выучился читать французские книги. Дочитав четвертый том, он узнал, что последних двух томов еще не было в переводе, а между тем роман его чрезвычайно заинтересовал. Один из знакомых принес ему недостававшие тома, но на французском языке. Нечего было делать: Дмитриев принялся читать с помощью лексикона и "наконец", говорит он в Записках, "этот отважный подвиг был для меня эпохой, с которой начал я читать французские книги, уже не поневоле, а по охоте, и впоследствии уже мог переводить Лафонтена".

Образование и развитие, приобретающиеся путем чтения, дополнялись семейными разговорами и беседами. Городская семейная жизнь того времени отличалась совсем другим характером, чем нынешняя. "Тогда еще не было в провинциях ни театров, ни клубов, которые ныне и в губернских городах разлучают мужей с женами, отцов с их семейством. Тогда едва ли кто понимал смысл слова рассеяние, ныне столь часто употребляемого" ("Взгляд на мою жизнь"). Все развлечения состояли в домашних беседах и вечеринках, в кругу коротких знакомых. Время, в которое протекало детство Дмитриева, давало обильную пищу для разговоров и рассказов, и он еще ребенком наслушался разговоров о польских конфедератах, о войне с турками, о Чесменском сражении, об итальянском театре в столицах, об игре тогдашних знаменитостей, Дмитревского и Троепольской, о тогдашних писателях, Ломоносове, Сумарокове, Тредьяковском,

К сожалению, мирная жизнь симбирских обывателей была вскоре нарушена разразившимся над нашими юго-восточными областями Пугачевским бунтом, и семья Дмитриевых поспешила уехать в Москву, где очутилась в довольно стесненных денежных обстоятельствах.

Вскоре Дмитриев перебрался в Петербург – стал военным. Однажды в придворном театре он разговорился с незнакомым ему господином по поводу игры актера Плавильщикова. Незнакомец бранил и игру Плавильщикова, и издававшийся им журнал "Утро", и помещенные в нем стихи: "Идиллия" и "Стихи на кончину доктора Вира" (открывшего Сорентские минеральные воды). Оказалось, что это были произведения самого Дмитриева. (Обе пьесы помещены в майской книжке журнала "Утро" 1782 г.) Претерпев эту неудачу и во второй раз услышав суд о своих стихотворениях, "я вразумился", говорит Дмитриев, "что еще рано мне выдавать мои произведения, и положил хранить их до времени под спудом"

В начале 1784 г. Карамзин вышел в отставку и уехал в Симбирск, а оттуда в Москву, встречаясь с Дмитриевым только мельком, во время приездов последнего в Симбирск и в Москву. В разлуке между друзьями возникла переписка (с 1787 г.), продолжавшаяся засим непрерывно почти 40 лет

Вообще, сотрудничество в изданиях Карамзина было лучшим временем в поэтическом творчестве Дмитриева. Особенно плодотворен был для него 1794 год. Дмитриев провел его на родине, в Сызрани, странствовал вниз по Волге, видел Жигулевские горы, Астрахань и Саратов. Именно здесь, на Средней Волге он написал лучшие свои вещи: "Искатели фортуны", "К Волге", "Воздушные башни", "Причудница", "Чужой толк", "Послание к Державину, по случаю кончины первой его супруги", "Ермак", "Глас патриота".

В стихотворении «К Волге» поэт обратился к героической тематике, характерной для «высокой» одической лирики, но разработал ее совершенно по-новому, отказавшись от канонов жанра. В тексте мы видим описания реальных примет волжской жизни, пышной растительности, животных и птиц, цветущих городов и маленьких рыбацких застав. Дмитриев, без сомнения, любил Волгу – свою отчизну, свое детство.

Как человека, прекрасно охарактеризовал Дмитриева Погодин: "В ранге действительного тайного советника, он любил литературу; с тремя звездами, он приезжал во всякое ученое собрание; министр юстиции, он оставил после себя только шестьсот родовых душ; русский помещик — без долгов; поэт, умолкнувший вовремя; старик, с которым всегда приятно было проводить время, приветливый, ласковый".

Владимир Сапожков.

Иван Дмитриев «К Волге»

Конец благополучну бегу!
Спускайте, други, паруса!
А ты, принесшая ко берегу,
О Волга! рек, озер краса,
Глава, царица, честь и слава,
О Волга пышна, величава!
Прости!.. Но прежде удостой
Склонить свое вниманье к лире
Певца, незнаемого в мире,
Но воспоенного тобой!

Исполнены мои обеты;
Свершилось то, чего желал
Еще в младенческие леты,
Когда я руки простираю
К тебе из отческа кущи,
Взирая на суда, бегущи,
На быстрых белых парусах!
Свершилось, и блажу судьбину:
Великолепну зрел картину!
И я был на твоих волнах!

То нежным ветерком лобзаем,
То ревом бури и валов
Под черной тучей оглушаем
И отзывом твоих берегов,
Я плыл, скакал, летел стрелою —
Там видел горы над собою
И спрашивал: который век
Застал их в молодости сущих?
Здесь мимо городов цветущих
И диких пустыней я тек.

Там веси, нивы благодатны,
Стада и кущи рыбарей,
Цветы и травы ароматны,
Растущи средь твоих: зыбей,
Влекли попеременно взоры;
А там сирен пернатых хоры,
Под тень кусточков уклонясь,
Пространство пеньем оглашали —
И два сайгака им внимали
С крутых стремнин, не шевелясь.

Там кормчий, руку простирая
Чрез лес дремучий на курган,
Вещал, спутников сзывая:
«Здесь Разинов был, други, стан!»
Вещал и в думу погрузился;
Холодный пот по нем разлился,
И перст на воздухе дрожал.
А твой певец в сии мгновенья,
На крыльях воображенья,
В протекших временах летал.

Летал, и будто сквозь тумана
Я видел твой веселый ток
Под ратью грозна Иоанна;
И видел Астрахани рок.
Вотще ордынцы безотрадны
Бегут на холмы виноградны
И сыплют стрелы по судам:
Бесстрашный росс на брег ступает,
И гордо царство упадает
Со трепетом к его стопам.

Я слышал Каспия седого
Пророческий, громовый глас:
«Страшитесь, персы, рока злого!
Идет, идет царь сил на вас!
Его и Юг и Норд трепещет;
Он тысячами перуны мечет,
Затмил Луну и Льва сразил!..
Внемлите шум: се волжски волны.
Несут его, гордыни полны!
Увы, Дербент!.. Идет царь сил!»

Прорек, и хлынули реками
У бога воды из очес;
Вдруг море вздулося буграми,
И влажный Каспий в них исчез.
О, как ты, Волга, ликовала!
С каким восторгом поднимала
Победоносного царя!
В сию минуту пред тобою
Казались малою рекою
И Белы и Каспий, все моря!

Но страннику ль тебя прославить?
Он токмо в искренних стихах
Смиренну дань хотел оставить
На счастливых твоих берегах.
О, если б я внушен был Фебом,
Ты первою б рекой под небом,
Знатнейшей Гангеса была!
Ты б славою своей затмила
Величие Евфрата, Нила
И всю вселенну протекла.

1794 г.

100 шедевров мировой литературы

(фрагменты книги)

Эта книга небольших эссе писалась 2,5 года – с июня 2009 года по декабрь 2011г. Задача была проста – выделить 100 наиболее значимых лично для меня книг мировой литературы. Отрывки из книги печатались на сайте graffitt.ru, а полностью она будет представлена на сайте knigozavr.ru

Сергей Сумин.

Роберт Вальзер «Миниатюры»

Вальзер для меня – личный святой. Человек, посвятивший почти сорок лет жизни только творчеству, без всякого желания что-то с этого получить, на кого-то повлиять, чего-то достичь. Только одна голая страсть создавать новые миры, запечатлевать то, что происходит с людьми и с ним самим.

Писал он и романы, и новеллы, однако то, в чем он достиг высочайшего мастерства и изящества – малая проза. Его миниатюры посвящены вечно ускользающей красоте мира, с которой невозможно ничего сделать, как-то привязать ее к себе или использовать. Вечно юный мир сияет, как подарок, и только взгляд ребенка, наивный, доверчивый и внимательный может так беззаветно восхищаться им. В Вальзере много от ребенка, он беззащитен и одновременно горд собою, ведь он полон удивления, умеет смотреть благожелательно и мягко на мир, где живет не только красота. Он пишет: «Чертовски прекрасно, будучи мягким душою, бороться с жестокостями жизни. И мы, «мягкие», боремся прекраснее всех».

Проза его изобилует парадоксами, ибо текучесть, неопределенность мира и не дают шанса для однозначности. Любое чувство – любовь, страсть, жестокость, зависть – почти сразу же превращаются в нечто иное, почти противоположное.

Как жить, проходя по этому миру? Рецепт Роберта Вальзера – не иметь ничего своего – семьи, города, места службы, любимой, ни – че – го. Вот так. В этом хрупком человеке скрывалась громадная сила, ибо мало кто в мире способен добровольно сложить с себя желание обладать тем, что видит. А Вальзеру удалось это, пусть и не на сто процентов. Главное – он искал Путь. Подлинный художник живет поисками.

Бьой Касарес «Дневник борьбы со свиньями»

«Свиньи» – так внезапно начали называть стариков в небольшом латиноамериканском городе молодые люди. Со временем гнев к этим ворчливым вонючим людишкам только нарастал и перерос, наконец, в расправы на улицах и в домах. Город внезапно стал переполнен отрядами охотников за стариками. Никто из молодых не хотел признаться себе в том, что старость – то, что ждет всех. Ненависть разрушила отголоски совести и для пожилых людей наступили темные времена.

Как в этой ситуации вести себя человеку, которому немного за 50? Признать себя стариком и гулять по улицам в страхе, что кто-то закричит – старик и поднимет палку. Или же ничего не боясь, говорить – ну какой же я старик, меня они не тронут. Четверо друзей из одного квартала по-разному решают этот вопрос. Кто-то останется жив, а кто-то...

Отличная антиутопия Касареса. Фантазия на грани реальности. Очень тонкая работа. Спрашиваешь себя – возможно ли это, может такое случиться? Книга повествует о страхе – страхе другого, смерти, самого себя. Умная книга старого друга Борхеса.

Книга читается легко, за час-два (в ней около 100 страниц), однако ее внутренний драматизм не дает читателю расслабиться, заставляя думать, что же такое – старость и отчего такой человек, как Лев Троцкий написал однажды: «Старость – это самое неожиданное из того, что может случиться с человеком».

Евгений Замятин «Мы»

Чоран пишет где-то, что утопия – материализованная иллюзия, а коммунизм – иллюзия еще и навязанная, оптимизм поневоле. Еще в начале века русский писатель (инженер по образованию) Замятин очень четко представил, что ожидает людей в будущем. По прошествии почти 100 лет, мы можем констатировать – Замятин писал вовсе не только о коммунистическом, но и о современном обществе. Принудительное счастье теперь – везде, поиск и противоречия больше не в цене, а современный глобальный мир напоминает гигантский город-конструктор со стеклянными домами и легко контролируемыми людьми-потребителями.

Вся жизнь Замятина и его книги позволяют отнести его к людям, мало способным принять коллективные формы существования, ибо для таких людей возможность свободного выбора гораздо важнее всего остального, в

ПОСТСКРИПТУМ

том числе и комфортного существования. В романе «Мы» такой персонаж не мог не присутствовать – это Д-503, Строитель Интеграла. Жажда ощущать себя частью огромного Целого сменяются в нем укорами совести, когда он отступает от равенства в ничтожестве.

Искусственные «формулы общего счастья», которые художник видел не только в России (одновременно с Замятиным на другом конце континента писал «Восстание масс» Хосе Ортега-и-Гассет) игнорируют реальную сложность мира, лишают его тайны и глубины.

Стиль письма Замятина – поэзия в прозе. Избыточность красок, насыщенность образами, яркость восприятия – все то, что поэт передает нам своим взглядом, есть в этой прозе. Ну а как по-другому? Кто еще, кроме поэта, в 1918-1920 годах мог видеть будущее так далеко и глубоко. Замятин стал родоначальником жанра, который потом стал одним из самых интересных во всем двадцатом веке – антиутопии.

Василий Розанов «Уединенное»

Книга издана в 1911 году, пережила травлю, суровую критику, судебный процесс. Не слишком понятно, что могло так напугать общественное мнение в этой прекрасной книге коротких записей. К созданию этого произведения русский писатель и философ Василий Васильевич Розанов шел долгих тридцать лет. Честно говоря, я не большой поклонник статей Розанова: о семье, о революции, о России, о писателях, о политике. В них еще слишком много журналистики, желания сказать много, обсудить злободневные проблемы, конкретные детали и точные факты.

В «Уединенном» наконец-то заговорила поэзия. Тщательный отбор слов, немногословность, насыщенность мысли и чувства. Розанов осознал, что образность, таинственность мира человеческого может быть проговорена лишь очень тихим, почти неслышным голосом, самому себе, уединенно. Темы могут быть любые, но узоры словесной ткани должны проступать сквозь быт, заботы, дела. Поэзия ведь везде, и застать она может нас везде, поэтому автор изредка отмечает место, где мысль-образ, мысль-чувство нагрянула к нему – за марками, в тарантасе, за нумизматикой и т.д. Чтобы еще больше подчеркнуть связь своих текстов со стихами, каждый новый фрагмент в первом издании книги начинался с новой страницы.

Вот эта грань поэзии и философии и сделала Розанова представителем линии философов, имевших свой неповторимый стиль: Паскаля, Вовенарга, Шопенгауэра, Кьеркегора, Шестова, Чорана. В дальнейшем, почувствовав, что нащупано что-то глубинное, Василий Васильевич издаст еще несколько книг в найденном жанре. Не все ровно, но почти все интересно и умно.

ПОСТСКРИПТУМ

Евгений Баратынский «Сумерки»

Сумерки – это та часть дня, когда солнечный свет уступает свои права темноте ночи. Есть еще и другие сумерки – утренние, но не нужно обольщаться – Баратынский говорил именно о закате. Все его творчество пропитано болью о закате поэзии, воображения, высоких устремлений:

Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.

Отчего человечество так упорно стремится обрести счастье в технических открытиях, науке, производстве, экономике. Отчего люди не бросаются в сладостный огонь мифа, сказки, чудес природы, поэзии и любви? Слишком многие поэты-романтики задавали этот вопрос... Слишком переоценивали они людей, ориентируясь на себя, на свои вдохновенные порывы. Эти люди не жили долго – Клейст, Шелли, Гофман, Китс, Лермонтов. Всех их сметал с Земли их максимализм и сила реальности, сила всегдашнего большинства.

Практическая польза и материальные ценности всегда ставились выше поэзии, а именно этого и не принимал Евгений Баратынский, умерший почти сразу после книги «Сумерки» – еще вовсе не старым человеком. Прогресс все более увеличивает скорость своего бега, и стоять на его пути решаются совсем немногие. Баратынский писал о том, что его волновало, в чем он видел опасность для людей и его честность и неумолимость вдохновляют.

Его поэзия – чудесное сочетание звуков и красок, немного приглушенных, лишенных наружного блеска, но внутри всегда сохраняющих свое сияние.

Софокл «Царь Эдип»

Несмотря на то, что в начале 20 века один модный врач использовал имя царя из Фив в качестве обоснования своих идей, талант греческого трагика оставляет множество возможностей для интерпретации этой драмы. Сюжет этого произведения, пожалуй, самый необычный во всей мировой литературе. Вкратце его можно пересказать так: человек расследует давнее убийство, но путем долгого расследования выясняет, что убийца – это он сам.

ПОСТСКРИПТУМ

Весь экзистенциальный ужас человека, узнавшего страшную правду, открывается нам в концовке драмы, когда Эдип ослепляет себя, фактически подтверждая, что был слеп всегда, не видя очевиднейших вещей. Рок, судьба, бездна всегда с нами, в двух шагах от нас. Вокруг человека существует таинственное, которое готово в любой момент доказать ничтожность его знания. Современный человек слишком комфортно живет, забывая или стараясь не замечать страшных вещей. Не так у греков. Умный, талантливый, прославленный царь узнает, что убил когда-то своего отца и женился на своей матери. Что может быть ужаснее? За что столь тяжкая кара?

Однако, конечный смысл драмы – не только ослепление, но и освобождение героя. Эдип сам сделал шаг навстречу своей судьбе, своей смерти. В этом-то и проявляется его освобождение. Проявив терпение и твердость духа, Эдип в каком-то смысле встал вровень с богами, которые подвергли его столь тяжкому испытанию.

Эмиль Чоран «Соблазн существования»

Эмиль Чоран, румын, проживший малоизвестным литератором почти 60 лет в Париже, и писавший свои книги по-французски, всякий раз, почти постоянно раздражает и отталкивает меня. Мне не нравится – его пессимизм, проповедь усталости, тяга к болезненности, к разрушению гармонии, ненависть к человеку, неверие в высоту духа. Однако почему-то все-время, хотя бы раз в год, я нет-нет, а перечту какую-нибудь его книгу.

Блестящий мастер афоризма – не такого отточенного, похожего на лезвие клинка, как у Ларошфуко, Вовенарга или Шамфора, а скорее такого, который медленно растворяется в тебе легким облаком новых мыслей и ощущений.

Чоран для меня нестерпим... Однако, почему? Он ведь почти всегда спорит лишь с самим собой, правда, на наших глазах. Позиция его, как и почти всякого философа – созерцательная. Можно даже было бы ее назвать осознанной маргинальностью. Чоран видит в истории человечества лишь кровавый кошмар, и отказывается принимать участие в этой почти дарвинистской возне. Писатель честен – он констатирует реальное положение вещей, вовсе не радостное. Чоран пишет только о том, что лично выстрадал. Исповедь ведь всегда лучше, чем проповедь.

Эмиль Чоран – блестящий стилист, это можно почувствовать даже в переводах, а подтверждением этого является то, что его фразы, прочитанные однажды, сами собой застревают в сознании и заставляют возвращаться к

ПОСТСКРИПТУМ

ним. Мысли, которые не ранят, не волнуют, Чорана вовсе не интересуют. Он пишет: «Письмо, достойное именоваться таковым, пишется под воздействием негодования или восхищения – в общем, крайних чувств». Крик его прозы – крик отчаяния, который должен быть услышан, иначе ничего никогда не изменится в этом мире. Чоран кричит, и лично мне его слышно.

Кэндзи Маруяма «Сердцебиение»

Современный японский писатель Кэндзи Маруяма – один из самых честных художников не только Японии, но и всего мира. Живущий уже много лет уединенно, в горах, не слишком стремясь продвигать свои произведения, он держит дистанцию по отношению ко всем общественным институтам и умудряется каждые два года выпускать новую книгу.

Темы большинства книг – любовь, страсть, смерть, поэзия, природа, свобода. Поэтическое изображение мира природы сочетается с объективным и жестким изображением современного общества.

В романе «Сердцебиении» неспешность и загадочность поведения главного героя погружают вас в состояние ожидания – но чего? Если говорить просто – ожидания смерти... Вопрос этот для главного героя уже решен, а вот читатель не сразу может понять настроение и странности в поведении молодого человека.

Японский средневековый свод правил «Бусидо» призывал самурая жить в постоянном соприкосновении со смертью, советуясь с ней. Так и поступают многие персонажи Маруямы, не забывая напоминать нам и себе, что красота и величие жизни никуда не исчезают после нашей смерти, а длятся и длятся в бесконечности. Впереди – «...не бездонная тьма и не вечное испытание. Впереди, совсем близко, нестерпимо яркое сияние, ничего, кроме него».

Владимир Набоков «Защита Лужина»

Книга эта – обычный фантом, коим являются и все остальные русскоязычные романы Владимира Набокова. Структуру романа можно было бы сравнить с хитроумной головоломкой или ребусом, если бы не его явные художественные достоинства. Архитектоника романа, его пространство потрясающе выверено.

ПОСТСКРИПТУМ

Главный герой – талантливый, но неуклюжий и рассеянный шахматист, живущий целиком и полностью в воображаемом мире шахматной доски. Впрочем, а насколько иллюзорен этот мир? Кто из нас, живущих, может поручиться за то, что обитает в более прочном и надежном мире?

Над романом висит дымка тягот и проклятий для всех тех, кто игнорирует реальность, однако замена всему этому – сама игра – и есть высшая награда немногочисленным жертвам вдохновений. Лужин для меня – гений скорее писательский, даже философский, ибо размышления о высшем мире перевешивают в нем все земные понятия и порядки. Он, безусловно, догадывается, что человек умирает от того, что любит больше всего. Лужин знает, что погибнет от шахмат, но это его не останавливает. Пытаясь осознать мир Высшего замысла, главный герой только приближает трагический финал своей жизненной истории. Лужин вываливается из окна романа.

Игорь Юганов «Сталагмит»

Любая Книга претендует на то, чтобы спросить – кто автор? Талантливая и умная книга имеет свойство жить по своим собственным законам, минуя автора, самостоятельно обращаясь к читающему ее.

Писатель книги и ее читатель уравнены в удивлении от встречи с мудростью, но чьей? Как говорил один остроумец, мудрости человеческой вовсе недостаточно, чтобы написать хотя бы одну страницу. При прочтении книги Игоря Юганова (псевдоним И.Ю), поэта и философа, странно покинувшего этот мир в 44 года, возникают удивление и радость – эмоции, говорящие о глубине и важности сообщаемого.

Для каждой новой мысли нужна и соответствующая одежда – иначе ее не заметят. Понимая это, в данном случае автор изобрел свой жанр – телеги и гномы. Телеги – фрагменты большие -1-3 абзаца, а гномы – это короткие фразы, афоризмы. Главное все-таки – содержание – лаконичная мысль, выраженная интенсивно и ярко. Лучше не пересказывать, а цитировать:

- Художник в жизни легковесен. Тяжесть, выпадающую на его долю, он тратит на противовесы для своих произведений – иначе они не полетят.
- Жизнь принятие боли. Каждый прожил столько, сколько боли сумел вместить, не теряя достоинства.
- Жажда – это так глубоко внутри, что пить бесполезно.
- Слезы – влажная смерть, подступающая к глазам изнутри.
- Оставаясь в одиночестве, как бы отправляешься на речку кататься на коньках. Это приятно, если лед крепкий.
- Можешь иметь все, что захочешь, - если расхочешь.

Даниил Хармс **«Случаи»**

Не знаю отчего, но я никогда не смеялся над прозаическими текстами Хармса. Нет, его миниатюры, безусловно, остроумны – бездна ума, игра парадоксов, неожиданные ходы – все, что нужно для того, чтобы рассмешить... Однако, мне всегда казалось, что я читаю философа.

Хармс пишет просто. Короткие предложения. Простые истории. И все-таки это что-то другое, всегда другое. Взять хотя бы миниатюру: «Один человек гнался за другим, тогда как тот, который убегал, в свою очередь гнался за третьим, который, не чувствуя за собой погони, просто шел быстрым шагом по мостовой».

Что здесь содержится? Зарисовка ужасного сталинского времени, где за Вами могут гнаться и схватить, отсылка к притче Зенона об Ахиллесе и черепахе или же констатация абсолютной индивидуальной неповторимости, различие скоростей жизни разных людей – то, что для одного быстро, для другого – нет. Хармс в записных книжках очень глубоко всматривается в людей, разделяя их на типы: огненные, водяные или воздушные, выявляя их суть. Однако подлость, глупость и трусость, впрочем, как и благородство, всегда очевидны в его прозе.

Однажды в разговоре с Липавским Хармс заметил, что больше всего гордится своей способностью чувствовать гармонию. Если всерьез отнестись к этому высказыванию (возможны варианты), то как, должно быть, больно ему было видеть страшную и дисгармоничную жизнь 30-х годов. «Случаи» - отчасти и об этом. Но не только....

Морис Бланшо **«Литература и право на смерть»**

Французский писатель и философ Морис Бланшо писал свои книги о любимых писателях: Рильке, Кафке, Китсе, Беньямине, Гельдерлине, Соллерсе и был главным защитником такого явления, как литература в 20 веке. Казалось бы, а что защищать? Писателей издают, вроде бы читают, дают премии, фотографируют. Однако, непонимание сути литературы, ее уникального положения в мире можно встретить везде, особенно в высоколбой научной среде и нобелевских коридорах. Пишут о социологических, религиозных, психологических, мифологических составляющих литературного произведения, но главное при этом ускользает. Что главное?

ПОСТСКРИПТУМ

Двусмысленность... Речь, по Бланшо, готова в каждый момент обернуться вокруг оси, она двойственна и говорит всегда не то, что подразумевает и даже общий смысл ее неясен. Литературе свойственно скольжение между быть или не быть, между присутствием и отсутствием, реальным и нереальным.

Это качество литературы и было предметом множества нападок на литературу, которую легко обвиняют в лживости, легковесности, разрушительности и т.д. Действительно, поэтическую или прозаическую речь невозможно свести к единой интерпретации, она узнает себя лишь через утверждение всех несовместимых друг с другом моментов. Однако недостаток ли это? Подобное качество литературы и делает ее сомнительным в глазах всякого рода «идеологов» и «учителей» человечества, однако оно наиболее ценно, ибо делает нас свободнее, глубже, и страдание превращается в ней в надежду, а разрушение – в элемент нерушимости.

Омар Хайам «Рубайат»

Хайам близок нам, людям, живущим в 21 веке, своей неустойчивостью, сомнениями, внутренней неуспокоенностью, ибо современный мир ежеминутно демонстрирует нам шаткость положения человека. Оказалось, что и в 1110 году и в 2010 году люди нигде не могут приклонить голову.

Даже вера у Хайама проходит через ворота сомнений и вопрошаний, ибо наличие Творца на небесах отнюдь не снимает трагического покрывала с земного бытия. Все зыбко, тонко и может завершиться каждую секунду. Рубаи поэта в чем-то звучат как постулаты экзистенциализма: перед человеком – стена, ближние твои – враги тебе, судьба ударяет исподтишка, смерть все забирает, страдание – удел смертных, в мире царит произвол. В целом, не слишком оптимистичная поэзия:

Росток мой – от воды небытия,
От пламени скорбей – душа моя,
Как ветер я кружусь, ищу по свету -
Где прах, в который превратился я.

Утешения поэта известны – наука, звездное небо, вино, возлюбленная, суфизм. Ученый-энциклопедист, философ и поэт Омар Хайам дает своим читателям мудрые советы: быть лучше одному, чем в толпе глупцов, жить сегодняшним днем, пить вино, прощать обиды, любить женщин, радоваться жизни. Мы не знаем, был ли сам он счастлив, но он хотел, чтобы его читатели благодаря стихам стали чуть более счастливыми.

Форуг Фаррохзад «Новое рождение»

Она из известнейших поэтов Ирана Фаррохзад прожила 32 года, но за столь короткую жизнь успела много: издала несколько сборников стихов, родила сына, переводила европейских поэтов, сняла несколько фильмов, выставлялась как художник. Ее органическая стихия – лирическая поэзия. Столь откровенных текстов в мусульманском Иране не было ни до нее, ни после... Энергия ее верлибров-откровений – ее собственная жизнь. Она восторженно упивается миром, открывается любви, вдыхает блаженный воздух, кричит о своих чувствах. Однако отклика нет. В стихотворении «Оплакивание сада» она пишет:

Никому нет дела до цветов,
 никому нет дела до рыбок,
 никто не хочет поверить в то,
 что сад погибает.

Гибнет, как всегда, не сад, а сам поэт. Только этого никто не хочет это увидеть, может быть, даже не хочет. Дело не в вере и не в обычаях какой-то страны – просто поэт – не актер, он не умеет красиво изображать страдания, он не умеет врать. Он ищет приюта во всем мире, в каждом живом существе, но его взгляд, тем не менее, полон внутреннего достоинства, и если поэт не нужен – он уходит. Фаррохзад как-то призналась сестре: «Знаешь, настоящий мастер умирает на вершине молодости и таланта. Лучшая смерть – такая смерть». Через некоторое время она разбилась в автомобильной катастрофе.

ПОСТСКРИПТУМ

МИР АБСУРДА И МИР СТРАННОСТИ: ПРОЗА ДАНИИЛА ХАРМСА И ВЛАДИМИРА КАЗАКОВА

«Сила, заложенная в словах должна быть освобождена. Есть такие сочетания из слов, при которых становится заметней действие силы. Нехорошо думать, что эта сила заставит двигаться предметы. Я уверен, что сила слов может сделать и это». (Хармс Д.) (1).

«Итак, начинаем. <...> Моя проза или прекратится сейчас, или само это «сейчас» прекратится. Луч ищет меня, но находит только мое имя, прибитое гвоздем к воздуху. «Сейчас» прекратилось. <...> Живая проза течет». (Казаков В. 2, с 5) (2).

Общее для обоих авторов - сдвиг привычного сознания, взрыв обыденности посредством нелогичности. С точки зрения обыденной логики и Хармс, и Казаков - бессмыслица, абсурд. Авторы принципиально ничего не объясняют, и объяснять не собираются - ни события, ни свою позицию, они показывают, как все это происходит, бросают камешки, указывающие путь, но не составляющие его, и в отдельных местах рассыпают их, не направляя собеседника, а давая возможность ему самому выбирать направление. Обоих авторов занимает нелогичное поведение человека, вещей или частей тела. «Предмет нами выделяется в самостоятельный мир и начинает обладать всем лежащим вне его, как и мы обладаем тем же. Самостоятельно существующие предметы уже не связаны законами логических рядов и скачут в пространстве куда хотят, как и мы. Следуя за предметами, скачут и слова существительного вида. Существительные слова рождают глаголы и даруют глаголам свободный выбор. Предметы, следуя за существительными словами, совершают различные действия, вольные как новый глагол. Возникают новые качества, а за ними и свободные прилагательные. Так вырастает новое поколение частей речи. Речь, свободная от логических русел, бежит по новым путям разграниченная от других речей. Грани речи блестят немного ярче, чтобы видно было где конец и где начало...» (Хармс. Д.) (3). «Закон прозы: слова взрываются, если хотят. Другой закон прозы: даже если и не хотят», (Казаков В. 1, с. 205).

Мир Хармса реален. Он существует здесь и сейчас, он сдвинут относительно привычного обыденного мира, не переставая быть реальным. «Истинное искусство стоит в ряду первой реальности, оно создает мир и является его первым отражением. Оно обязательно реально». (Хармс Д.) (4). Мир Казакова так же реален, как и у Хармса, но сдвинута точка зрения на него. Оба мира лишены связей и замкнуты па себе, и измененная

логика сохраняет их целостность, существуя как опора в пространстве, лишенном силы притяжения, «...мы расширяем и углубляем смысл предмета и слова, но никак не разрушаем его. Конкретный предмет, очищенный от литературной и обиходной шелухи, делается достоянием искусства. <...> Мы расширяем смысл предмета, слова и действия». (Из декларации ОБЭРИУ) (5).

Тексты Казакова протяжены во времени и пространстве. Они текут, и лишь читающий может остановиться, остановив этим текст. Бессмысленно говорить о начале и конце этого монолога. Он берется ниоткуда и не заканчивается с окончанием событий или речи персонажа. Начало столь же неожиданно, как и конец, по сути дела, их просто нет, а есть поток событий, причем, неважно - начат он или завершен.

И у Хармса, и у Казакова, текст существует сам по себе, независимо от читающего. Обман ожидания, выход в неожиданную сторону, прыжки мысли, провалы и темноты, сгустки смыслов - общее, характеризующее обоих авторов. У Хармса и у Казакова нелогичность текста запланирована изначально. Но у Хармса абсурдность возникает с развитием сюжета. Падающая из окна женщина скорее должна бы вызвать сочувствие, но когда старухи продолжают падать одна за другой (причем завершения этого действия нет - читатель не видит ни крови, ни изувеченного тела на асфальте, они как бы падают в пустоту, исчезают в вечности и снова появляются в окне, чтобы падать, существование их определяется падением из окна), это воспринимается как комическое. Нарушена логика восприятия, то, что должно ужасать, вызывает улыбку, так как действуют не живые люди, а элементы текста. «Но когда из окна падает третья старуха, не успевшему зарыдать читателю уже смешно. А с новым увеличением номера старухи читатель впадает в тот привычный абсурд, который представляет собой частенько окружающая его жизнь. Для автора же вываливающихся старух жизнь абсурдна всегда, именно потому Хармс и именовал свое творчество установлением порядка» (6). У Казакова абсурд возникает с развитием взгляда на предмет.

У Хармса абсурд проявляется в повествовании - логика событий сдвинута в сторону абсурда, основой является сюжет-рассказ, случай. В отличие от этого у Казакова само построение фразы определяется не логикой, а действующим словом. Фраза, построенная по законам и логике Казакова, делает его абсурд более утонченным и растворимым. Здесь абсурд уже не существует сам по себе, а вплавлен в игру голосов. Единицей нелогичности становится фраза. «Время прощаться, а я только что попрощался». (Казаков В. 2, с. 74). «Не знаю, что и сказать, ибо мое молчание кончилось». (Казаков В. 2, с. 163). «Вот что я вижу: лицо хозяйки,

бледное от приближающегося румянца». (Казаков В. 2, с. 163). Скорее, это даже не абсурд, а странность - ключевое слово Казакова. «Он странно спрашивает - как будто отвечает». (Казаков В. 2, с. 139). «Мне только странно». (Казаков В. 2, с. 83). «Станный день, если он начался». (Казаков В. 2, с. 141). Здесь все сдвинуто на самую малость, почти незаметную глазу и проявляющуюся внезапно в привычном и знакомом. «Мне странным кажется все, кроме нестрannого». (Казаков В. 2, с. 23).

Казаков серьезен. Призраки и трупы («Путешествие в Италию»), бессмысленные разговоры «Гость») не оставляют даже намека на смех, ограничиваясь иронией.

У Хармса и у Казакова мы видим, как происходит взаимодействие человека с миром вещей. Точка зрения Казакова - предметы и вещи на языке предметов и вещей, и даже человек, входящий и живущий в этом мире, не разрушает жизнь вещей, а вступает с ними в разговор на этом же языке. Мир, в котором вещь имеет право на отдельное существование.

Точка зрения Хармса - (см. «Предметы и фигуры») - «самостоятельно существующие предметы», не связанные «законами логических рядов» и скачущие «в пространстве куда хотят, как и мы» (Хармс Д.) (7), то же равенство вещей и людей, что и у Казакова.

Пользуясь, в сущности, одинаковым приемом в познании мира - отпуская вещь на свободу, Хармс и Казаков основываются на разном понимании природы вещей.

У Казакова вещи спокойны и холодны. Они совершают поступки, сообразуясь со своими собственными мыслями и суждениями. «Одна из секунд совпала с началом нового часа, она была горда и прекрасна. Мне казалось, что я вижу ее откинутый профиль, суровый на фоне черной воды. Холод, обернулся, словно его назвали по имени». (Казаков В. 2, с. 53). У Хармса вещи подозрительны, часто враждебны и мстительны. Они уже могут действовать, но еще не умеют думать. «Но тут с крыши упал пятый кирпич и так стукнул Кузнецова по затылку что Кузнецов окончательно позабыл все на свете и крикнув: «Ого-го!» - побежал по улице». (Хармс Д.) (8).

Хармс пришел от ОБЭРИУ к абсурду, Именно к постобэриутскому времени (с 1932 года) относится основное количество прозаических текстов Хармса. В них поведение вещей и людей ничем не регламентировано, и они пустились во все тяжкие. Свобода ими понимается как свобода поступков – любых, свобода от моральных запретов, вот почему в текстах Хармса драка, убийство никогда не влекут за собой никакого наказания, даже морального (переживания ужаса содеянного). Смерть - явление обычное и стоит в том же ряду вещей и предметов, что и другие

предметы и явления. Вещи и предметы стали равны в обыденной жизни и это привело скорее к неподчинению вещей, чем к их осмысленному поведению (вещи вырвались на свободу). Хармса более занимает поведение вещей, их «скачки» вслед за человеком, чем их сознание и мышление.

У Казакова освобождение вещей привело к появлению у них возможности мыслить. Вещи и люди живут не в обыденной жизни с ее потребностями в еде и одежде, а где-то на грани сна. Действие происходит на пересечении сознания вещей и людей - и вещей и вещей. У Казакова свобода понимается как категория, расширяющая возможность зрения, освобождение помогает видеть глубже, больше и по-другому.

Абсурдные тексты Хармса это своеобразный романтизм на уровне условности повседневности и быта с уходом в область философии и мистики. «Свою жизнь он превратил в странную артистическую игру, сделав искусство единственной формой общения с миром... Так выразилась натура Хармса - романтика нового времени». (9).

Но если у Хармса происходит хоть и трагическая порой, но все же игра, и читающий отстранен оболочкой действия от происходящего (он может включиться в эту странную игру, а может остаться наблюдателем), то у Казакова мир раскрывается навстречу читающему, и травестирования, шаржирования не происходит. У читающего скорее возникает желание присоединиться, войти в эти тексты, чем отстраниться от оболочки хармсовского абсурда и посмотреть на нее извне. Если Хармс - это взгляд на вещи «голыми глазами» («посмотрите на предмет голыми глазами и вы увидите его впервые очищенным от ветхой литературной позолоты» - из декларации ОБЭРИУ), то Казаков — скорее взгляд сквозь зеркало — внутрь раскрывшихся вещей и событий. «Странно, что внутри себя воздух обнаружил какую-то тревогу, ожидание, какой-то мощный непонятный изгиб». (Казаков В. 1, с. 19).

Мир создается в слове, язык становится уже не инструментом, а действующей сущностью. «Язык вовсе не тот послушный инструмент освоения реальности, которым он иногда представляется. Очень существенна (и очень опасна) его способность устанавливать собственные законы, существовать по этим законам и порождать какую-то новую реальность, ориентирующуюся только на язык. «Производство реальности» уходит в мир языка. Во власти языка оказывается и мышление человека, и что самое главное - его чувство реальности. Язык постепенно начинает присваивать область поступков. Слово становится делом» (10). Это высказывание М. Айзенберга о языке обэриутов к Казакову относится в еще большей степени, чем к Хармсу. «Проза требует от меня не меньше, чем я от нее. Жизни! жизни! Толпы, не

ПОСТСКРИПТУМ

умещаюсь в улицах, хлынули в эту живую прозу. Я рад: я захлебываюсь горем и радостью. Вчера камень, сегодня проза - вот участь многих мостов, набережных и площадей». (Казаков В. 2, с. 163).

Хармсовская проза тяжела и мрачна, несмотря на ее усмешку. Спрашивать о том, смешно это или нет, не представляется возможным. Поскольку на первый план Хармсом вынесена ситуация юмора положений - как самого доступного и самого примитивного смеха. Действительно, для кого-то невероятно смешно четырехкратное падение столяра Кушакова, а кто-то видит, прежде всего, его расшибленное лицо и хочет пожалеть человека.

Тексты Казакова просторны и невесомы, благодаря зеркальности его мира. Отражения могут быть бесплотными и легкими, особенно если это улыбка или взгляд. «Кто вы? Это не вопрос, а почти утверждение. После паузы: - Отражения. Легкий, карточный, почти зеркальный ответ. Четверо игроков, свободных от любых точек и прикосновений этого дня». (Казаков В. 2, с. 210). Ровный, но притушенный свет хармсовского абсурда сменяется у Казакова чередованием абсолютной темноты и ярких вспышек смысла.

Хармс говорит о загадочных, таинственных, мистических случаях («Смерть старичка»), причем, он никогда не ставит своей целью объяснить, запугать или поучать читателя. Он только показывает, как бывает, как может быть, он описывает случающееся. Он не поясняет, почему сломанные часы нужно нести в керосинную лавку, почему Машкин убил Кошкина, и зачем математик достает из головы шар. Главное - не доказать, а показать. А читающий пусть сам решает, как объяснить ситуацию и как отнестись к ней.

У Казакова случай не выглядит случившимся случайно. Взгляд не заостряется на нем. Ограниченное пространство и время Хармса размыкается во взаимопроникаемость предметов и действий Казакова - «Словесный поток, направляемый умелой рукою случая». (2, с. 185). У Хармса очень часто события случаются внезапно, вдруг без каких-либо логических причин - «Маша вертела, вертела кассу и вдруг умерла» (11). «Пела, пела и вдруг умерла» (12). «Случай» и «случайность» принимают разную окраску у Хармса и Казакова. У Хармса - это основа действия: не было и вдруг стало. Случайности, нагроможденные друг на друга, и составляют полотно его прозы. У Казакова случайное, - случившись, выходит из области случайного, хотя и не становится закономерностью. Хармс настаивает на случайности, внезапности, выпячивает ее. Казаков этого не делает. Для него случайность гораздо более естественное явление, чем для Хармса. «Этот случай похож на другой, ни с чем ни схожий». (Казаков В. 1, с. 156). Для Хармса мир вовсе не странен, страшен -

да. Описывая «случаи», Хармс пытается постичь устройство мира, свойства и качества предметов. Пространство и время у Хармса и Казакова также включено в ряд предметов, отпущенных на свободу. «Мы хотим распутать время, зная, что вместе с ним распутывается и весь мир, и мы сами. Потому что мир не плавает во времени, а состоит из него» (13). Время вписывается в ту же логику - «шел по улице и потерял часы. Вскоре после этого умер». (Хармс Д.) (14). У Хармса время скорее играет роковую, предопределяющую роль в жизни его персонажей. Ссоры со временем предполагают месть с его стороны. «Я видите ли разбил сегодня часы, и мне все представляется в мрачном свете». (Хармс Д.) (15). Время Казакова пульсирует и обрывается, возникая и исчезая. «Это было похоже на отсчет мгновений, становившихся из прошлых будущими, из будущих - прошлыми». (Казаков В. 2, с. 71). «Время, казавшееся на свету неподвижным, в темноте будущей горящей ночи превращалось в бешеный вихрь веков, лет и мгновений». (Казаков В. 2, с. 72). «Например, вчера, когда это было еще сегодня». (Казаков В. 2, с. 166).

Пространство Хармса заполнено носящимися предметами и людьми, оно наполнено и тесно. Пространство Казакова просторно и холодно, заполненность его кажущаяся, его наполняют не реальные люди, а отражения и взгляды. Пространство Казакова наполнено эхом, слова - звучащие отражения предметов и вещей, отражение слов друг от друга придает им другой смысл. У Хармса слова не отражаются - отталкиваются друг от друга и возвращаются, изменив лишь порядок, не изменяя звучания и смысла.

Пространство Казакова безымянно, даже если оно и названо - «Москва», то нет ничего от города, обозначенного Москвой. Переулок, набережная, улицы - не конкретные московские места, а только место действия. С таким же успехом Москва может быть заменена на Ростов или Санкт-Петербург. Жесткие, каменные, твердые, сверкающие мокрым камни, крыши, дома могут быть соотнесены скорее даже с северной столицей, чем с Москвой. У Хармса место действия тоже не обозначено, его наименование также не имеет решающего значения.

У Хармса нет человека как обладателя определенных свойств, качеств, характера, иногда нет даже описания внешности. Действует не человек - знак (иногда отсутствует все - «Жил один рыжий человек...») (16). Хармс только обозначает персонажей, предлагая им действовать самим. У Казакова человека с определенным характером и описанием свойств личности также нет. Но это делается с иной целью, нежели у Хармса. У Казакова действующим лицом, скорее, становится сознание, мышление,

ПОСТСКРИПТУМ

вышедшее из-под контроля и ставшее абсолютно самостоятельным явлением.

Хармс и Казаков постоянно вводят в текст новых персонажей, никак или почти никак не объясняя их присутствие или появление. Иногда это родственники, чаще - неопределенные люди, появившиеся ниоткуда. Они появляются совершенно свободно, не объясняя, кто они такие, ибо, по логике авторов, это явления очевидные и этих персонажей все и так знают.

Довольно часто Хармс и Казаков не описывают, а только обозначают персонажей - первый, второй, «некий инженер» (Хармс), первый игрок, второй гость, хозяйка (Казаков). Казаков сам приводит пример краткой характеристики персонажа. «Осталось только дать краткие характеристики. Хозяйка была прекрасна – большей краткости по отношению к ней я не могу допустить. Гость (игрок) был бледен, а игрок (гость) - и того бледнее». (Казаков В. 2, с. 7-8). Здесь же видно, с какой легкостью Казаков заменяет одного персонажа другим (гость - игрок). «Игрок, гость, призрак - вот три последовательно сменяющиеся ремесла, и каждое из них почти имя». (Казаков В. 2, с. 13). И Хармс, и Казаков часто пользуются приемом введения в текст в качестве персонажа самого себя. У обоих авторов в текстах часто действуют реальные люди - знакомые автора. (В качестве примера взаимодействия текстов Д. Хармса и В. Казакова можно привести фрагмент романа Казакова, в котором появляется Хармс как действующий персонаж) (17).

Взаимодействие персонажей у Хармса происходит совершенно случайно. Впечатление такое, что они бродят в каком-то вечном пространстве и вдруг неожиданно сталкиваются друг с другом, так же неожиданно расстаются, успев сказать несколько фраз. В сущности, персонажи Хармса одиноки, только сами не подозревают об этом, так как им негде задуматься и некогда. Броуновское движение перемешивает их, хаос парит и в их головах. Персонажи Казакова - столь же неопределенные и одинокие, как и герои Хармса, но получившие возможность думать и передвигаться по своей воле, возможность видеть не короткий отрезок времени столкновения с чем-то или кем-то, а соединять эти промежутки. Действующие лица получили возможность разговаривать, но не видят собеседника, смысла в диалоге или не могут организовать диалог, так как у каждого - своя пустота, замыкающая в себе голос, не дающая выхода в иное пространство. Герою Казакова трудно и хорошо, в этом прозрачном, блестящем, колком и холодном поле смысла. Он себя определяет сам и появляется по своей собственной воле.

Герои Хармса все же настроены на диалог, абсурдный, но диалог. Они обречены сообщать нечто («Пейте уксус, господа») и задавать

вопросы. Герои Казакова не сообщают, а думают вслух, не обращаясь к конкретному собеседнику. Герои Хармса могут обсуждать некие волнующие их проблемы - абсурдные опять же (пить или нет уксус), герои Казакова смотрят и говорят. Обсуждать нечего. Слова и фразы сами становятся сущностью и действуют отдельно от персонажей, вступая во взаимодействие друг с другом не как определенные неизменные смыслы, но как способные к изменению герои текста. Персонаж почти отстранен от произносимого. Потом он может встретиться со своей же фразой как с действующим лицом. Вот почему в текстах Казакова достаточно много повторов и параллельных ситуаций.

У Хармса голоса пытаются образовать некий диалог, стараясь сохранить определенную тему, постоянно повторяя фразы об одном и том же, ибо собеседник либо невнимательно слушает, думая о своем (о чем он думает, мы, впрочем, не знаем - видим только, что рассеян), либо не совсем понимает, о чем ему говорят, целиком заключенный в своей собственной оболочке. Имена персонажей хотя и обозначены, но не говорят читателю ни о чем. Елена Ивановна с таким же успехом может быть заменена Антониной Алексеевной, а Папаша - дедушкой («Отец Андрея Васильевича по имени Григорий Антонович, или вернее Василий Антонович») (18), ибо ни с какими четко обозначенными характерами они не связаны. Их речь не раскрывает каких-то особенностей характера или только им присущих деталей, герои не индивидуализированы и схематичны.

Для усиления рассеивания текста Хармс вводит персонажей, которые появляются и исчезают, проходя, включаются в разговор. Но у Хармса персонажи могут слышать друг друга, у Казакова безымянные гости, игроки говорят в пустоту, не надеясь не только на диалог, но и на то, чтобы быть услышанными. Здесь возможны только случайные пересечения фраз, которые, впрочем, тоже не могут образовать диалога, так как люди, сказавшие эти фразы, потеряны словами и взаимодействие может происходить только с помощью уже сказанных слов, ушедших в пространство. Фразы могут разговаривать только сами с собой.

Герои Хармса живут в остранинном мире. Пожалуй, их основная отличительная черта - не задумываться о своей странности и непохожести. Мир хармсовского абсурда устроен так, что он замкнут на самом себе. Все эти Алексеи Алексеевичи, Андреи Карловичи, безымянные милиционеры и старухи окружены точно такими же людьми с таким же взглядом на окружающее. Этот мир заранее предопределен в том, чтобы избежать «нормального», логического развития событий. В хармсовских рассказах начисто исключена узнаваемость ситуаций или предсказуемость сюжета. Нельзя сказать, что придет в голову персонажам

через минуту или шаг. Герои Хармса не удивлены, когда с ними случаются нелепые происшествия или когда им сообщают невероятные известия («А Коля во вторник съел дом» (19); «Подошла собака в маленькой шапочке. Шаги раздавались и купались. Муха открывала окна» (20)).

Мир Казакова тоже целиком заключён в самом своем существовании. Но этот мир разомкнут для родственного взгляда. Он обращен к входящему в него. Мир, созданный Казаковым, существует, и он открыт, но войти в него можно только, не нарушая законов его существования. Сохранность его гарантирована тем, что «чужой» взгляд этот мир не увидит. Его герои знают о своей непохожести и принимают ее как данность. Хармсовские герои не догадываются о своем отличии от персонажей, находящихся вне их мира.

Хармсовское обезличивание человека у Казакова переходит в размывание границ, оболочки предметов, явлений, персонажей; истончая ее, человек может без труда соприкоснуться с другим внутренним миром.

Хармс увидел и показал отделение мира от человека, и дальнейший распад этого мира. Но его скорее занимает это как противопоставление. «Разговоры перестают оправдывать наши поступки. В драке не оправдываются и не извиняются. Теперь каждый отвечает за самого себя. Он один, своей собственной волей приводит себя в движение и проходит сквозь других. Все существующее вне нас перестало быть в нас самих. Мы уже не подобны окружающему нас миру. Мир летит к нам в рот в виде отдельных кусочков: камня, смолы, стекла, железа, дерева и т. д.» (Хармс Д.) (2).

Казаков пошел дальше, дав возможность миру и человеку взаимодействовать, не нарушая границ каждого из них, опираясь на их ответственность. «Казаков делает следующий шаг. Если футуристы - слово как таковое, звук как таковой, язык, творящий мир; если обэриуты - слово как вещь, «искусство - это шкаф», а весь живой и вещный мир равноправен, то Казаков- проза, стихи, искусство вообще - входят в живой и вещный мир, и теперь пора «жизнь прозы» постигать поэзией, то есть по сути - природное природным» (21).

Мир XX века - абсурдный мир. Но если Хармс описывал этот абсурд, то Казаков стремился найти возможность жизни в таком мире, возможность разговора с ним. Разговора с помощью абсурда и через голову абсурда.

Галина Ермошина.

Примечания и литература:

1. Хармс Д. Из записных книжек. 1931 г. // Новый мир. – 1992. - № 2. – С. 196
2. Тексты В.Казакова приведены с указанием страниц по изданиям: Казаков В. От головы до звезд. Мюнхен, 1982 (далее 1) и Казаков В. Жизнь прозы. Мюнхен, 1982 (далее 2).
3. Хармс Д. Сабля. // Логос. - 1983. - № 4. - С. 108 -109.
4. Хармс Д. Письмо к К.Пугачевой. 1933 г.// Новый мир. - 1988. - № 4. - С. 137.
5. Заболоцкий Н. Общественное лицо ОБЭРИУ. Поэзия обэриутов.// Н.Заболоцкий. Собр. соч. в 3-х т. Т. 1. - М, 1983. - С. 522-523.
6. Натальин М. Благословенное разрушение.// Вестник новой литературы. - № 8. - С. 251.!
7. Хармс Д. Сабля. // Логос. - 1993. - № 4. - С.108-109.
8. Хармс Д. Меня называют капуцином. - МП «Каравенто», 1993. - С. 166.
9. Александров.А. Даниил Хармс. // День поэзии. М—Л., - 1965. - С. 291.
10. Айзенберг М.. Возможность высказывания. // Знамя. - 1994. -№ 6. - С. 191.
11. Хармс Д. Кассирша. // МП «Карниппо», 1993. - С. 190.
12. Там же, с. 194.
13. Липавский Л.С. Разговоры. // Логос. - 1993. - № 4. - С. 68.
14. Хармс Д. Меня называют капуцином. - МП «Каравенто»,1993. - С. 36.
15. Там же, с. 153.
16. Хармс Д.. «Жил один рыжий человек...» // Глагол. - 1991. - № 4. - С. 21.
17. Казаков В. Ошибка живых. - М, 1995. -С. 83.
18. Хармс Д. Меня называют капуцином. - МП «Каравенто»,1993. - С. 36.
19. Там же, с. 11.
20. Там же, с. 28.
21. Хармс Д. Сабля // Логос. - 1993. - № 4. - С. 109.
22. Бирюков С. Жизнь поэзии и прозы Владимира Казакова.// Волга. -1995. - № 4. - С. 152.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Хроника книгоиздания

«Гвидеон». Литературный журнал, №1, «Русский Гулливер», 2011 г. Москва. 250с.

Новый проект «Русского Гулливера» - журнал «Гвидеон» во многом продолжает работу этого издательства по расширению поэтической речи до границы с религией и философией. Лучшие публикации «Гвидеона», №1 – как раз и есть возвращение к магической, космической составляющей поэзии, ее способности избавлять человека от узколобого эгоизма и безответственности. Как заявляют редакторы нового журнала, их цель – алхимическое превращение речи в новые качества и ценности самой жизни. Из поэтического раздела хотелось бы выделить глубокие, медитативные тексты Константина Латыфича, фрагменты какого-то странного метафорического полотна Николая Звягинцева, философемы и абстракции Анастасии Афанасьевой. Из прозы и эссеистики можно отметить замечательное интервью со Станиславом Красовицким, стихи которого чрезвычайно ценил Иосиф Бродский, а также глубокое эссе Андрея Таврова «Стихотворение – преступление против смерти». Из переводов особенно порадовал новый, лучше предыдущих, перевод знаменитого стихотворения Уоллеса Стивенса «Тринадцать способов смотреть на черного дрозда». Переводчик – один из лучших в своем цехе Григорий Кружков. Помимо этого, напечатаны статья Т. Элиота «Традиция и индивидуальный талант» и обзор известного критика Данилы Давыдова поэтических видеоклипов последних лет.

*Он палимпсест стирает точно в срок/(там что первоначально, то и ново)/Выталкивая вверх, как поплавок/Единственное найденное слово
(Константин Латыфич)*

Антология современной уральской поэзии (2004 – 2011 гг.), Челябинск, 2011 г. 351с.

Виталий Кальпиди - человек-мотор, вечный двигатель уральской поэзии. То он издатель, то редактор, то поэт, то составитель антологий. Первая кальпидиевская Антология уральской поэзии вышла уже давненько – в 1996 году, вторая – в 2003 году, а вот теперь и третья явилась на свет. Читателю предстоит проникнуться стихами 75 авторов из 17 населенных пунктов Урала, а это само по себе испытание. Впрочем, легчайшее для истинного ценителя поэзии. Драгоценные камни встречаются довольно регулярно. Антология

КНИГА ЗА КНИГОЙ

поэзии Урала – труд многих и многих людей, преданных слову: издателей, кураторов регионов, критиков, редакторов. Конечно, издавать такие книги сегодня - дело большой смелости и упорства. Но издавать такие книги нужно, ибо, как признается составитель в предисловии, это умножает человеческое счастье. Что ж, согласимся.

Из несомненных лидеров Антологии – достаточно известные личности: Александр Петрушкин, Янис Грантс, Екатерина Симонова, Марина Чешева, Андрей Санников, Сергей Ивкин, Елена Сунцова и др. Эти люди пишут давно и пишут хорошо. Не знаю, относятся ли они к уральской поэтической школе, но школу хорошего вкуса и слога они прошли. Теперь, как говорится, - вперед - навстречу своему читателю – на всех парусах этой очень красиво изданной книги.

*мне больше некуда идти/блуждаю водянистым светом/на том меня не ждут
на этом/молчат мои поводыри (Марина Чешева)*

Елена Карева, «Red-and-Blues». Нью-Йорк, «Elephant». 2011 г. 115с.

Поэт часто не знает направления своего движения. Поэта далеко заводит речь. Кто-то пишет все лучшее к 25 годам, кто-то зреет долго и выдает все лучшее после 30-ти. Стихи из новой книги поэта из Тольятти заставляют вспомнить греческое слово акмэ. Есть ощущение, что поэзия этого автора здесь достигает своего пика, как бы концентрируя личные впечатления до уровня поэтических образов, в которых реальность сияет подлинными красками. Елена Карева пишет стихи уже 25 лет и делает это очевидно все лучше и лучше. Самые сильные тексты Каревой отточенностью формы и глубиной содержания заставляли меня внутренне аплодировать много раз. Книга, что необычно, издана в Нью-Йорке, но это почти ничего не говорит о качестве текстов. Здесь важна найденная мера – замечательные стихи, оформление книги и выверенная композиция.

Вообще читателя ждет увлекательное путешествие: холодность некоторых стихотворений заставляет читателя вспомнить русские зимы, а через несколько страниц можно очутиться в Италии, а потом в гостях у мифологической Эвридики или рядом с реальной певицей Билли Холидей. Узнаваемых персонажей истории и мифологии много, и в них серебряный блеск, но не безжизненный. В книге много стихов о смерти, той, которая впереди, много тумана, неопределенности и мглы. Даже Орфей, великий творец, не смог спасти свою возлюбленную. Любовь и творчество не спасут нас, нас ничего не спасет, но отчего же так прекрасно горят цветы в саду и отчего все-таки кажется, что нас кто-то ждет в этой мгле, зовет тихим шепотом?

Мне следовало б замолчать навеки... /Прости – я не могу молчать/Слова, как обезумевшие реки,/легко срывают всякую печать...

Сергей Сумин.

«Абзац» Альманах, Выпуск 7. Москва, 211 г. 208с.

В мои руки попал выпуск 7 литературного альманаха “Абзац”. Как можно судить из открывающей статьи, как сам 7-й выпуск, так и остальные номера, связаны одной, общей идеей.

Что же это за идея, собравшая вместе разноплановые произведения поэзии, прозы, эссеистики? Это творчество и убеждения известного в определенных кругах поэта Всеволода Некрасова. Это “свобода доступа” в литературную среду и “строгость отбора” произведения, не зависящая от каких-либо иных критериев, кроме качества самого текста.

В.Некрасов отрицал писательское сообщество как некий закрытый элитный клуб, но в то же время, на мой взгляд, чересчур превозносил важность поэзии для мироздания. Он, как и большинство представленных в альманахе поэтов, выступает истинным жрецом своего искусства.

Стоит отметить также польских, сербских и украинских поэтов, а также прозу и оригинальную графику Светланы Дорошевой. Вообще, прозаические произведения в альманахе варьируются от абсурда до реализма и натурализма. В заключении стоит сказать, что альманах «Абзац» показался мне довольно интересным.

Погоди Я посмотрю/ Как идут Облака/ Как идут дела(Вс. Некрасов)

«Маленький концерт для Alter Ego», Сборник стихов. Москва, 2011 г, 54с.

Довольно любопытный, на мой взгляд, и очень хорошо изданный сборник стихотворений трех поэтов города Обнинска, что в Калужской области.

Наталя Никулина, Вера Чижевская и Евгений МАрт – вот их имена. Книга эстетски оформлена фотографиями авторов и картинами Микалоюса Чюрлёниса, известного литовского композитора и художника. Представлены разноплановые произведения, объединенные общими темами любви, грусти и музыки.

В книге есть и верлибры, и стихотворения в рифму. Это единство содержания сборника и его оформления делают его чем-то большим, чем просто собрание поэзии – неким единым, хоть и многосоставным произведением, словно живой организм.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Ему приснилась белая флейта: чьи-то бледные пальцы, открывающие и закрывающие черные дырочки (Евгений МАРТ)

Игорь Мельников, “Забытый секрет мироздания” Тольятти, 2011 г. 464с.

В этой книге представлено множество, более четырехсот, стихотворений Игоря Мельникова, ныне покойного уже поэта, который несколько месяцев не дожидаясь выхода этого почти полного собрания стихов.

Казалось бы, как можно обозреть в таком коротком тексте такое множество отдельных произведений? Они и вправду разные – по форме, по настроению.

Тем не менее, общая основа у них есть. В каждом из стихотворений Мельникова сокрыто ощущение тайны, скрывающейся подчас за обычными вещами – иногда прекрасной, иногда страшной, а иногда и той, и другой одновременно. И эта тайна может настигнуть тебя где угодно, как тихий незнакомый голос в ночи. Стихи эти столь прозрачны, почти невесомы, и читая их, понимаешь чуть больше о жизни и смерти, о том, что скрепляет их воедино...

В коротком дожде перекличка/ Прошедших и будущих лет./ Еще сохранилась привычка/ Смотреть на разлившийся свет.

Дмитрий Перегудов.

Василий Аксенов, «Время ноль». Санкт-Петербург, 2010 г. 480с.

Полный однофамилец Василия Аксенова московского – Аксенов из Петербурга, который родился в селе Ялань Красноярского края и большинство произведений которого так или иначе связаны с родной землей, с Сибирью.

«Время ноль» Василия Аксенова — так называется роман и книга, в которую помимо одноименного романа вошли еще и две повести «Одиночество» и «Таха». Все три произведения - тонкое лиричное повествование об уходящей в прошлое и умирающей деревне. Деревня у Аксенова не этап жизни и не воспоминание о добром детстве. Деревня как близость к Земле, открывающей тайны души человеческой, где люди не торопятся, где все имеет свой важный потусторонний смысл. Деревня, как близость к себе - настоящему. Теперь мы ее забываем, мы ее покидаем и она уходит. Вместе с родными и близкими, да и просто соседями по дому и детству.

Ельник - сколько его помню – все такой же – молчаливый и зеленый; простреливают его тихие почему-то ныне ронжи и сороки, не шевельнут и ветку, не заденут.

Валерий Трубин.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

«Волга». Литературный журнал №1-2, 2010 г., Саратов, 260с.

Старейший «толстый» журнал Волги, продолжающий с 1966 года издаваться в Саратове. Издание извело разные времена – и расцвет, многотысячные тиражи, и нищету, и близость к закрытию. И на этот раз в «Волге» есть что почитать. Из раздела прозы лично мне стало ясно, что ни критический, ни бытовой реализм никуда не делись из современной прозы – времена отвязных постмодернистов прошли. Рассказы Валерия Володина и Сергея Дигола – бытовые зарисовки, хотя и не без скрытого метафизического подтекста. Самой интересной прозой в номере «Волги» мне показались живые, яркие описания десятков русских городов и их жителей в путевых заметках Андрея Пермякова, названных «Десятая часть года». Перехожу к главному – к поэзии, которая в журнале хороша и изысканна. Особенно порадовали метафорические сонаты Алексея Порвина и густые описания Сергея Слепухина. Хороши также Евстратов и Щербина. Борис Херсонский работает в своей привычной манере, но как-то уж слишком привычно. В целом «Волга» производит сильное впечатление, это по-прежнему лучший литературный журнал Поволжья.

На всякий страх есть сосны у реки/ полет шмеля, исполненный лучами -/ все прочее возьми и отсеки/ от сказанного нами (А. Порвин)

Анатолий Глущенко, «Лекарство от одиночества». Самара, 2011 г. 170с.

Книга с говорящим названием знакомит нас с поэтом, который находится в поиске собственного голоса. Что ж, такая попытка всегда необходима, особенно в искусстве слова.

Темы книги вытекают из ее названия. Какое может быть лекарство от одиночества? Наверное, любовь к миру и людям. Именно о любви большинство текстов книги Анатолия Глущенко. Что ж, это и понятно – любовь и ее бесчисленные проявления издревле являются точкой притяжения поэтов всех времен и народов. В сборнике около 200 текстов. Удачны отдельные стихи и строчки, но их немного. В большинстве стихов нет ни вялости, ни равнодушия, однако нет и силы. Встречаются обыденные мысли, случаются и неточности рифмы, что, наверное, простительно начинающему автору. Своей книгой тольяттинский поэт заявляет пока только то, что он существует. Этого, безусловно, маловато, чтобы заслужить пристальное внимание читателя, однако то, что движение в мир поэзии только начато и будет наверняка продолжено – вселяет осторожный оптимизм.

Ступаю тихо, осторожно я/по тайным тропам обожания.

Сергей Сумин.

АВТОРЫ

АЙВЕНГО. Поэт. Родился в 1971 году. Живёт в городе Тройник. Публиковался в столичных и провинциальных изданиях. Автор многих самиздатовских книжек.

Грантс Янис. Поэт, прозаик. Родился в 1968 году. Многочисленные публикации стихов в журналах и в Интернете. В 2007 году издал книгу стихов «Мужчина Репродуктивного Возраста». Живет в Челябинске.

Ермошина Галина. Родилась в 1962 году. Окончила Куйбышевский институт культуры. Автор пяти книг стихов и прозы, публикации в различных журналах, ряд статей о современной русской литературе, переводы. В настоящее время живет в Самаре, работает в Самарской областной юношеской библиотеке.

Кабилев Андрей. Родился в 1981 году. Поэт, прозаик, блогер, журналист. Участник различных театральных и литературных проектов в Тольятти. Создатель нескольких культурных сайтов в Интернете. Рассказы печатались в журнале «Город». Живет в Тольятти.

Каримова Алена. Поэт, переводчик. Родилась в 1976 году. Окончила физфак Казанского ун-та и Высшие литературные курсы в Москве. Автор книги стихов «Другое платье» (2006 год). Работает в Министерстве культуры Татарстана. Живет в Казани.

Князев Андрей. Родился в 1972 году. Поэт, прозаик, музыкант. Активный участник поэтической группы «Олимпийские игры». Публикации в местной и столичной прессе. По профессии – программист. Живет в Тольятти.

Лобанов Вячеслав. Поэт. Родился в 1961 году. Окончил Тольяттинский политехнический институт, инженер-электромеханик. Публиковался в Интернете. Живет в Тольятти.

Перегудов Дмитрий. Родился в 1987 году. Писатель, эссеист. Живет в Тольятти. Публиковался в местных изданиях, сборниках «Между строк».

Пермяков Андрей. Родился в 1972 году. Поэт, прозаик, критик. Окончил Пермскую медакадемию. Кандидат медицинских наук, работает в фармацевтической промышленности. Публиковал стихи в десятках журналов, а также в Интернете. Проживает в Московской области.

АВТОРЫ

Пузанова Татьяна. Поэт. Родилась в Тольятти в 1988 году, учится в ТГУ на филолога. Публиковалась в альманахе "Стрежень".

Родионов Родион. Родился в 1969 году. Учился в Саратовском художественном училище. Писатель, поэт. Автор множества рассказов и повестей. Издавался исключительно в самиздате. Участвовал в нескольких коллективных выставках.

Сапожков Владимир. Родился в 1968 году. По образованию – историк. В 1990-е годы работал журналистом в газетах Тольятти. Сейчас – экскурсовод в Самарской Луке. Живет в Жигулевске.

Сумин Сергей родился в 1973 году. По образованию – филолог. Опубликовано в сборниках «Нестоличная литература» и «Самарский верлибр», журналах «Волга» и «Гипертекст». Около 20 интернет-публикаций. Активно занимается самиздатом. Живет в Тольятти.

Сушко Виктория. Родилась в 1985 году в Тольятти. Окончила Самарский государственный университет по специальностям «культурология» (2008 г.) и «социология» (2011г.). Публикации: литературные журналы «Город», «Название», «Берега», «Гипертекст». В 2011 г. организовала первый в Самаре книжный фестиваль «Самарская Чита». Живет в Самаре.

Тарадова Мария. Прозаик, художник. Родилась в 1991 году, окончила техникум. По профессии – графический дизайнер. Живет в Тольятти.

Тененбаум Александр. Родился в 1981 году. Учился в ТГУ на филфаке. Работал журналистом, охранником. Живет в Тольятти, работает на ВАЗе. Пишет сценарии, пьесы, либретто, рассказы, стихи.

Трубин Валерий. Родился в 1988 году. По профессии - журналист. Активный участник литературной студии ВУИТа. Живет в Тольятти.

Уколова Любовь. Поэт. Родилась в 1986 году. По образованию – психолог. Живет в Тольятти. Публиковалась в сборниках «Между строк».

Цаплин Юрий. Поэт, прозаик. Родился в 1972 году. Окончил радиотехнический факультет Харьковского авиационного института. Автор книги «Маленький счастливый вечер» и многочисленных публикаций в журналах и Интернете. Живет в Харькове.